# ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

# КРЫМЪ

и

# КОНСТАНТИНОПОЛЬ

въ 1786 году.

No 7547

Kouel –

П. 2009

# ПУТЕШЕСТВІЕ
# въ
# КРЫМЪ
# и
# КОНСТАНТИНОПОЛЬ
# въ 1786 году
# МИЛАДИ КРАВЕНЪ,

въ

*Которомъ она описываетъ часть Франціи, Италіи, Германіи, Польши, Россіи, Турціи, бытность свою въ С. Петербургѣ и Москвѣ, описываетъ тѣ народы, которыхъ она видѣла, дѣлаетъ Историческое и Географическое описаніе Крыма, отъ начала его основанія до покоренія подъ Россійскую Державу; описываетъ часть Европейской и Азіятской Турціи, нѣкоторые острова Архипелага и остатки славнаго въ древности Греческаго города Аѳинъ; дѣлаетъ вѣрное и любопытное описаніе славной Антипароской пещеры, о которой мы еще не имѣемъ описаній на Россійскомъ языкѣ, и окончаетъ свое путешествіе, возвращаясь чрезъ Булгарію, Валахію и Трансильванію въ Вѣну.*

---

Переводъ съ Французскаго.

*Иждивеніемъ переводившаго.*

324245

Пед. ин-т им. А. И. Герцена
Фундаментальная библиотека

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
*у Ридигера и Клаудія.*
1795.

## ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Путешествіе Милади Кравенъ*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

*Андрей Брянцевъ.*

# ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переводчиковъ у насъ очень много. — Иной переводитъ для славы, другой для прибыли. — Я вздумалъ переводить эту книгу ни для того ни для другаго. Наслышавшись довольно о путешествіи Милади Кравенъ, я весьма желалъ его имѣть; оно попалось мнѣ въ руки. — Въ первой разъ я его просмотрѣлъ, или лучше сказать пробѣжалъ; оно мнѣ понравилось; въ другой и третій разъ я прочиталъ его со вниманіемъ: оно показалось мнѣ ново, пріятно, писано довольно хорошимъ слогомъ, и еще тѣмъ любопытнѣе, что его писала женщина, которая объѣздила часть Россіи, Фран-

Франціи, Италіи, Германіи, Польши, Турціи; *которая дѣлаетъ какъ любопытныя, такъ и вѣрныя и забавныя описанія обычаевъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она была, и описываетъ характеры тѣхъ великихъ людей, которыхъ она видѣла въ своемъ путешествіи.*

*Долго колебался я въ переводѣ этой книги. Молодость, желаніе преодолѣли всякой трудъ, робость и критику, которой она будетъ осыпана, и я началъ ее переводить, позабывъ* Буало.

> *Craignez d' un vain plaisir les trompeuses amorces*
> *Et consultez longtems votre esprit & vos forces.*
>
> Art Poetique. Chant I. —

*Три раза бросалъ я въ огонь до половины переведенную мною книгу;*

*гу; наконецъ преодолѣвъ все, въ четвертой разъ я рѣшился ее перевесть. — Чрезъ четыре мѣсяца очутилось у меня на столѣ множество измаранной бумаги. Я былъ внѣ себя отъ радости, развеличался и самъ себя похвалилъ. — Безцѣнное удовольствіе, когда человѣкъ въ своемъ заблужденіи самъ не чувствуетъ своей глупости! — Въ такомъ-то я тогда былъ положеніи — Мечта! — Любезная Мечта! — Ты подобна маковымъ цвѣтамъ Морфея, которые усыпляя усталые, обремененные и ослабѣвшіе члены наши, услаждаешь наше воображеніе и мысли. — Кто въ жизни своей прелестями твоими не былъ тронутъ, пусть идетъ тотъ въ толпу пустомудрыхъ Софистовъ, а я останусь при*

*олта-*

*олтарѣ безцѣнной и блистающей Мечты, и вѣрно передъ ними выиграю. — Послѣ этого, Читатель! суди, какъ тебѣ угодно, только вспомни, что первое дѣло всегда очень трудно.*

Д. Руничъ.

# ПУТЕШЕСТВІЕ
# МИЛАДИ КРАВЕНЪ
## ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

### ПИСЬМО I.

*Парижъ, 15 Іюня, 1785 года.*

Честь, которую вы мнѣ дѣлаете, желая получать извѣстія о моемъ путешествіи, съ моей стороны обязываетъ меня къ благодарности. — Эту обязанность едва ли могутъ исполнить мои письма; — и безъ лестнаго имени сестры, которою позволяете мнѣ называться, долго, можетъ быть, я не осмѣлилась бы къ вамъ писать. Теперь, какъ уже вы сами желаете, чтобъ я считала васъ своимъ братомъ, имя столь свойственное дружбѣ и чувствованіямъ моего къ вамъ почтенія, то я съ совершеннымъ удовольствіемъ повинуюсь вашему приказанію.

 По

По отъѣздѣ вашемъ изъ сего города, я увидѣлась въ немъ съ моимъ братцемъ и сестрицею. Южныя страны Франціи возстановили здоровье послѣдней; — и, судя по примѣтамъ, кажется, что фамилія Б.... скоро будетъ имѣть наслѣдника. — Хотя племянниковъ у меня и много; но ни одного еще нѣтъ изъ сей фамиліи.

Завтра отправлюсь въ Турень, которой Французы называютъ *садъ Франціи*; а какъ здѣсь очень жарко, то въ три часа утра поѣду въ почтовой коляскѣ. Арфу возьму съ собою; ибо хотя не болѣе трехъ недѣль намѣрена пробыть въ этой дорогѣ; но никакъ не могу разстаться на толь долгое время съ такимъ милымъ инструментомъ, которой всякому другому предпочитаю.

Я послала къ вамъ Аглинскихъ сѣменъ, кои подарила мнѣ Милади . . . Когда вы будете ѣсть салатъ, который отъ нихъ родится;

ся: то надѣюсь, что вспомните о нареченной вашей сестрѣ; — и вы не можете не повѣрить, чтобъ не самыя сильнѣйшія какія нибудь причины побудили ее, предпочтя Франконію всякой другой странѣ, ѣхать туда.

Я есмь усердная ваша сестра, вѣрный другъ и покорная услужница

*Елиза Кравенъ.*

---

## Письмо II.

Я переночевала въ Орлеанѣ; а какъ было очень жарко, то въ полдень остановилась въ Блуа, и осматривала *замокъ* . . . Это зданіе, сооруженное въ разныя времена и разными архитекторами, представляетъ разные ордины архитектуры. Новѣйшая онаго часть построена Гастономъ, Герцогомъ Орлеанскимъ, которому за благо разсудилось помѣстить Италіанскую архитектуру въ неправильностяхъ древ-

древней Готической, изъ которой большая половина одолжена Франциску первому. Всѣ украшенія сего замка, или по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ, показались мнѣ столь же непонятны, какъ Египетскіе Гіероглифы. Теперь весьма бы желала имѣть съ собою друга моего М. В. . . Онъ, по своему вкусу въ Готической архитектурѣ и по глубокому знанію въ древностяхъ, мнѣ бы ихъ растолковалъ. Человѣкъ, показывавшій сіи древности, такой же доброй историкъ, какъ и привортникъ. Не нужно, кажется, напоминать вамъ, сколько людей и чрезвычайныхъ приключеній *этотъ замокъ* привелъ мнѣ на память. Естьли разнообразная смѣсь, естественно раждающаяся отъ честолюбія въ повѣствованіяхъ историковъ, противна тому, что въ сію минуту они возобновляютъ въ вашихъ мысляхъ: то можете найти *въ Новомъ Путешествіи во Францію, сочиненномъ Пиганьойломъ де ла Форсъ*, краткое

кое описаніе Блуа и сего замка; но чего вЪ немЪ не достаетЪ, и вЪ чемЪ могу васЪ увѣрить, то именно того, что многіе оскабливали тотЪ самой камень, на которой нѣкогда капнула кровь Генриха, Герцога Гизскаго. Нынѣ сей камень вЪ половину лишился своей толщины. Старый мой проводникЪ увѣрялЪ меня, будто собиравшіе эту каменную пыль, какЪ нѣчто святое, были или изЪ фамиліи ГизовЪ, или любопытные путешественники. ВЪ разсужденіи сего я не изЪ числа ни первыхЪ, ни послѣднихЪ. Это письмо слишкомЪ было бы продолжительно, естьлибЪ помѣстила вЪ немЪ приключеніе, бывшее со мною повыше Блуа: его сообщу вамЪ вЪ слѣдующемЪ письмѣ. Теперь скажу только для вашей предосторожности, что когда вы поѣдете изЪ Блуа вЪ ТурЪ, то берегитесь ѣздить ночью. Дорога эта гориста; по лѣвую сторону течетЪ ЛуарЪ, а по правую

есть ужасная стремнина и глубокая пропасть, и тѣмъ еще опаснѣйшая, что она безъ перилъ, которыя въ нещастномъ случаѣ конечно бы могли спасти, естьлибъ постиллiоны были пьяны, или бъ лошади ваши взбѣсились. По причинѣ чрезвычайной засухи, не могу судить о толь выхваляемой красотѣ Луара. Теперь эта рѣка ничто иное, какъ узенькой ручеекъ. На берегахъ ея находятся многiе замки, и представляютъ прекрасный Ландшафтъ. Они, безъ сомнѣнiя, всѣ были укрѣплены. Одинъ между прочими привелъ мнѣ на память любезной и веселой замокъ П. . . Думаю, что и онъ, такъ какъ большее число замковъ, отдаленныхъ отъ Версалiи, находится подъ присмотромъ *сторожа*, или дворника, которой въ немъ держитъ поросятъ и птицъ. — Прощайте.

---

Пись-

## Письмо III.

На почтовомъ дворѣ повыше Блуа, между тѣмъ, какъ перемѣняли лошадей, (это здѣсь не такъ скоро дѣлается, какъ въ Англіи) одинъ изъ моихъ людей, пошедъ къ моей каретѣ, сказалъ мнѣ: *этѣ проклятые постиліоны не хотятъ посадить* и *малаго ребенка.* — Слово; *ребенокъ*, всегда поражаетъ мое сердце; кромѣ тѣхъ причинъ, которыя до сего времени имѣла, были еще и другія, побуждавшія меня принимать участіе въ *дѣтской* судьбѣ. Теперь нахожусь болѣе, нежели за сто миль, отъ милаго, любезнаго и прекраснаго *дитяти*; которое заставило бы когда нибудь имъ гордиться свою мать. — Съ нимъ-то въ первой еще разъ я расталась.

*Какой ребенокъ?* спросила я, выглянувъ на лѣвое заднее колесо моей кареты. — *Я* увидѣла мальчика,

которому, кажется, не болѣе было десяти лѣтъ; онъ пристойно былъ одѣтъ въ траурѣ, шляпа его перевязана крепомъ, а башмаки застегнуты черными пряжками. — *Сударыня*, сказалъ онъ — слезы текли изъ его глазъ, и онъ не могъ говорить. — *Ну, душенька, говори.* — *Сударыня, почтмейстеръ въ Блуа присовѣтовалъ мнѣ сѣсть за вашу карету, для того что за нею нѣтъ чемодана; — а теперь постиллiоны не велятъ мнѣ садиться.* „— *Какъ тебя зовутъ?*„ — *Кассiусъ* „— *Кассiусъ! Какое прекрасное имя!*„ — *такъ, Сударыня*, отвѣчалъ мальчикъ, которой едва ли когда читалъ, или слышалъ о другомъ Кассiусѣ, кромѣ самаго себя. — *Отецъ мой былъ дворянинъ.* — Сказавъ сiе, отдалъ мнѣ свою записную книжку. Въ ней были письма: одно отъ знатной особы къ дальнымъ его родственникамъ, живущимъ въ ла Рошели. Она просила, чтобъ опредѣлили его къ какой нибудь должности на кораблѣ.

*Какъ*

*Какъ*, спросила *я*, *ты хочешь служить!* — *Такъ, сударыня; но не хочу быть слугою; предки мои были дворяне.* — И сія мысль была для него прискорбна, какъ я могла заключить по вопросамъ, которые ему дѣлала, и на которые умно и учтиво мнѣ отвѣчалъ. У него въ Парижѣ есть братъ и сестра; они дали ему на дорогу шесть франковъ съ рекомендательными письмами въ Рошель. — Немилосердыя сердца! — *обѣдалъ ли ты сего дня?* „— это было около шести часовъ по полудни. — *Обѣдалъ, сударыня, у Почмейстера въ Блуа.* — *Но здѣшніе постиллїоны не хотятъ, чтобъ я сидѣлъ за вашею каретою.*„ — Постилліоны слышали нашъ разговоръ; и одинъ изъ нихъ сказалъ грубымъ голосомъ: *естьли этотъ господчикъ заплатитъ намъ за пятую лошадь: такъ мы его посадимъ.* — *А естьлибъ я имѣла съ собою, какъ обыкновенно бываетъ, большой чемоданъ?* — *Садись, садись, душенька;* — и обо-

оборотясь къ постилліону *сказала, я тебѣ дамъ на водку; ты выпьешь за его здоровье.*" Постилліонъ былъ доволенъ, а мальчикъ отъ радости внѣ себя. Но какъ во Франціи больше, нежели въ какомъ другомъ государствѣ, все дѣлается изъ корыстолюбія: то дѣвушка моя весьма удивлялась моему добродушію. Дорогою я привыкла ѣсть одинъ разъ въ день, и то ввечеру. — Никогда не позабуду, что вчера случилось со мною за ужиномъ. Чувствуя чрезмѣрную усталасть, я легла въ постелю, и сказала моей дѣвушкѣ, что буду ужинать одинъ только супъ. Я пролежала съ полчаса; въ комнатѣ огня еще не было; вдругъ отварилась дверь; первый предметъ, представившійся моимъ глазамъ, былъ Кассіусъ. Онъ, держа въ рукахъ два факела, шелъ передъ моею дѣвушкою. Подошедши ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я приказала моей дѣвушкѣ итти ужинать, а вмѣсто ее поз-

волила бы ему мнѣ служить. На лицѣ его изображена была радость, удовольствіе и благодарность, добродѣтели, свойственныя одной непорочности его лѣтъ. По утру я договорилась съ хозяйкою трактира, чтобъ она наняла извощика, которой бы довезъ Кассіуса доla Рошели. — Я ему дала нѣсколько денегъ — очень мало на такое доброе дѣло по щедрости, а по скупости очень много — и рекомендательное письмо за моимъ подписаніемъ и моею печатью. Когда постилліоны, которыхъ наняла довезти себя до * * * сказали мнѣ, что какъ они принуждены со мною ѣхать не по большей дорогѣ, то требовали втрое обыкновенной цѣны — а говорить съ Французскимъ постилліономъ, то же что и съ его лошадью; почему я и спросила, гдѣ почтовой дворъ? — Чрезъ два двора. — Тотчасъ я туда пошла. Почтмейстера не было дома; но жена его была у себя. Между тѣмъ,

какъ

какъ я съ нею говорила, старая Французская коляска остановилась у крыльца; въ ней сидѣлъ Офицеръ, которой, по видимому, былъ боленъ. Голова у него была обвязана. Кассіусъ стоялъ подлѣ меня. „*Сударыня, Сударыня*, сказалъ онъ „у *этого господина нѣтъ чемодана*„ — Въ самомъ дѣлѣ онъ привязанъ былъ на переди. *Я гораздо бы скорѣе пріѣхалъ въ ла Рошель, естьлибъ „вы изволили его попросить, чтобъ „онъ позволилъ мнѣ сѣсть за свою „коляску*.„ — Я подошла къ коляскѣ, и поклонилась учтиво. Офицеръ кивнулъ головою. Я пошла было назадъ; но Кассіусъ дернулъ меня за рукавъ. — Подошла въ другой разъ, и опять поклонилась — „*Государь мой*!„ — *Сударыня*! Я подвела Кассіуса. —„ *Вотъ бѣдной сирота*, которой ѣдетъ въ ла Рошель! — „Изъ Блуа онъ пріѣхалъ за моею каретою. Естьли вы позволите ему „сѣсть за вашу, то я почту себя „вамъ обязанною. — Я — „сказа-

„ла

„ла я ему громче.„ — ОфицерЪ началЪ сЪ удивленіемЪ осматривать меня сЪ головы до ногЪ и прежде нежели кончила мою прозьбу, онЪ хотѣлЪ, но тщетно, снять сЪ себя колпакЪ — „*Все, что вы прикажете — все, что вамЪ угодно, Сударыня!*„ —

СЪ какимЪ удовольствіемЪ я смотрѣла, какЪ бѣдной сирота сѣлЪ покойно и поѣхалЪ по почтѣ вЪ ла Рошель, будучи увѣрена, что его не обкрадутЪ, и не обидятЪ на дорогѣ! —

Теперь ѣду вЪ ***, откуда буду имѣть честь кЪ вамЪ писать о томЪ, что покажется мнѣ достойнымЪ примѣчанія. —

---

## Письмо IV.

*Турень, 21 Іюля, 1785 года.*

Я пріѣхала сюда не по большей дорогѣ, и ничего еще не видала, что бы могло оправдать, почему сей провинціи дали названіе *садЪ Фран-*

*Франціи*. Много видѣла *замковъ*, которые высокими древними своими башнями, составляющими все ихъ украшеніе, могли бы представить моему вображенію Герольдовъ, Гигантовъ, или Пигмеевъ, выходящихъ изъ сихъ уединенныхъ мѣстъ, чтобъ узнать, кто такая странствующая Героиня, такъ необыкновенно къ нимъ подъѣхавшая; — но увы! — я не видала ни однаго *храбрагорыцаря*; ни одного въ сосѣдствѣ сихъ древнихъ зданій не усмотрѣла признака, которой бы заставлялъ меня думать, что бъ этѣ замки не только были пребываніемъ славныхъ витязей, но даже чтобъ когда либо принадлежали и дворянамъ. — Вмѣсто того, чтобъ ѣхать на сѣромъ конѣ, я сидѣла въ позолоченой и богатой каретѣ. Безъ шутокъ, я пишу въ той комнатѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, жила Статс - Дама Маргариты, Королевы Наварской; потому что сей замокъ построилъ Францискъ первой для своей сестры. Наружность сихъ двор-

дворцевЪ не можно почесть ни правильною, ни хорошею; и не могу отгадать, какой ординЪ архитектуры они представляютЪ. — По примѣчанію, одна фасада стоитЪ весьма дорогой цѣны; она укрѣплена двумя высокими башнями, на которыхЪ сдѣланы куполы; а земля отЪ двора вЪ поле, по которому течетЪ рѣка, по крайней мѣрѣ, возвышается до четвертаго жилья. Расположеніе комнатЪ, кажется, было государственное; онѣ великолѣпны и соразмѣрны. Меня увѣряли, будто владѣлецЪ употребилЪ болѣе ста тысячь на поправку сихЪ строеній и на украшеніе садовЪ. Что касается до первыхЪ, они вЪ такомЪ точно положеніи, вЪ какомЪ бываетЪ большая часть загородныхЪ домовЪ во Франціи. — ИхЪ надобно выкрасить, выбѣлить и подвесть подЪ каменной цвѣтЪ; впрочемЪ они требуютЪ разнаго рода починки. — ВЪ разсужденіи великолѣпія садовЪ,

спра-

справедливо можно сказать, что всѣ ихъ украшенія состоятъ въ нѣсколькихъ каналахъ, похожихъ на жолобы, въ обезображенныхъ гипсовыхъ статуяхъ, остатки которыхъ принудили меня отъ всего сердца пожелать, чтобъ они никогда болѣе не существовали. Здѣсь видны еще развалины рва, принадлежащаго къ замку; подъ нимъ находятся погреба и подземельные выходы неизмѣримой величины. — Въ сей странѣ крестьянскія избы сдѣланы, по большей части, въ каменныхъ утесахъ: въ нихъ ничего нѣтъ деревяннаго, кромѣ дверей. Работающіе поденщики часто бываютъ больны лихорадкою, потому что разпотѣвъ входятъ въ этѣ сырыя жилища. Изъ окошекъ моихъ виденъ Луаръ, когда воды ея стоятъ въ обыкновенной своей высотѣ, а въ перспективѣ стоитъ замокъ, въ которомъ Бретанская наслѣдница и руку и провинцію свою отдала Франціи.

ціи. — Скоро поѣду въ Туръ, откуда не премину къ вамъ писать, и снова имѣть буду честь увѣрить васъ въ искренней своей любви,

Усердная и почитающая васъ сестра и проч.

---

## Письмо V.

*Туръ, 25 Іюня, 1785 году.*

Сюда я пріѣхала верхомъ, и притомъ очень скоро, по прелестной равнинѣ, и остановилась въ предмѣстіи *Маллъ.* Это прекрасное гулянье, осѣняемое тѣнію почтенныхъ вязовъ, которые, какъ нѣкимъ чудеснымъ случаемъ, избавясь стриженія, простираютъ величественныя свои вѣтви къ удовольствію Турскихъ жителей, прогуливающихся во всякой безопасности отъ знойнаго солнца. Однакожъ, должно, говорятъ, скоро ихъ срубить; потому что они очень



спа-

стары. — Естьли бы Г. д' Еклюзель, послѣдній *правитель*, былъ живъ, то конечно бы воспротивился сему ужасному намѣренію; ибо онъ жилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Англіи, и довольно имѣлъ благоразумія перенять у Агличанъ все хорошее. Онъ придалъ сему городу видъ чистоты, сдѣлавъ въ немъ по обѣимъ сторонамъ новыхъ улицъ дороги для пѣшеходцевъ. — Здѣсь я занимаю Архіепископской дворецъ. Объ отсутствіи его высокопреосвященства весьма сожалѣю. — Меня увѣряютъ, что онъ ученой человѣкъ. — Въ этомъ утверждаетъ меня вкусъ въ созиданіи церкви, которую сдѣлалъ въ своемъ дворцѣ. — Рядомъ съ нимъ находится соборная церковь. Она очень велика. Наружность ея построена въ готической архитектурѣ. Въ ней Мозаическій полъ достоинъ примѣчанія, а внутренность ея очень посредственна. Здѣсь еще есть большая церковь Св.

Мар-

Мартына, (1) которая такЪ похожа на нашу Св. Мартына де ШанЪ, находящуюся вЪ ЛондонѢ, что Турское духовенство принуждено было посылать вЪ сію столицу Англіи, чтобЪ узнать толкованіе древнихЪ надписей. — АгличанЪ здѢсь много. — Прощайте. Я есмь

ваша искренняя . . .

П. П. Я вспомнила, что вЪ моемЪ письмѢ упомянула о *стриженіи* деревЪ. ЧтобЪ изЪяснить знаменованіе этого слова, скажу вамЪ, что оно вЪ ФранцузскихЪ садахЪ есть древнее обыкновеніе, которое почитаютЪ столь же нужнымЪ, какЪ брить бороду. Подстригающимъ сіи деревья платятЪ за годЪ, какЪ цырюльникамЪ. —

 Древ-

(1) КаноникЪ церкви Св. Мартына есть король, это весьма странное обстоятельство. — ВЪ монастырѢ находится прекрасной физЪ, сдѢланный Мишель АнжемЪ. (ПримѢчаніе автора)

Древній этотъ обычай защищаютъ по разнымъ причинамъ. Между прочими полагаютъ и сіе, будто дерево отъ того становится собою крѣпче, а видомъ прекраснѣе. Это доказательство можно почесть очень слабымъ, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ испытатели натуры сдѣлали новое открытіе, что дерево получаетъ равное количество питательнаго соку какъ отъ листьевъ, такъ и отъ корня. — Но во Франціи природа всегда бываетъ преображена. -- Прежде нежели она возпріиметъ свое право, ей должно будетъ ожидать его нѣсколько вѣковъ. — Сады и стихотворство суть печальныя увѣренія въ сей правдѣ. Кромѣ сихъ есть еще и другія, которыхъ не хочу теперь приводить.

Пись-

## Письмо VI.

*Іюня 30 дня, 1785 года.*

Я была въ Веретѣ, владѣніи принадлежащемъ Герцогу Агвильонскому, въ которомъ нѣтъ ничего достойнаго примѣчанія; видѣла также и Ришелье. Какъ городъ, такъ и дворецъ построенъ Кардиналомъ тогожъ имени.

Я поѣхала въ деревню, называемую Лилебушаръ; потеряла дорогу, и объѣздила болѣе 30 миль вокругъ, прежде нежели могла увидѣть домъ священника, къ которому меня звали обѣдать. Онъ человѣкъ любезный, разумный и знающій. Для большаго удовольствія, хозяинъ созвалъ изрядную компанію, состоящую изъ жителей этой округи, чтобъ вмѣстѣ со мною отобѣдать въ большей полаткѣ, которая поставлена была въ саду. Мнѣ не должно забыть и того, что я проѣхала мимо той церкви, въ которой Жанна Даркъ

проименнованная Орлеанская дѣва, взяла тотъ страшный мечь, который небомъ помѣщенъ былъ въ семъ храмѣ. Отъ Лилебушара до Ришелье двѣ мили. У первыхъ воротъ передняго двора стоятъ двое часовыхъ, которыхъ старые мундиры похожи на ихъ старыя лица. Они, имѣя ружье на плечѣ, ходятъ предъ любопытными посѣтителями, и провожаютъ ихъ во внутренность двора. Сторожъ показываетъ сперва статуи Римскихъ Императоровъ и Героевъ, которые изрядно сдѣланы, а потомъ домовую церковь. Въ ней есть одна картина которая мнѣ очень полюбилась. Она, говорятъ, будто рисована Мишель Анжемъ. — Я думаю, что это копія, и весьма попортилась отъ небреженія. Мнѣ сказывали, что большая часть хорошихъ картинъ взяты въ Парижъ. — Послѣ сего меня водили по всѣмъ покоямъ. — Дворецъ не обьятной величины. Въ немъ есть комната, которая называет-

вается Королевина. (1) Первая Кардиналова мысль была та, чтобъ изъ Ришелье сдѣлать обыкновенное пребываніе двора. — Въ тѣ времена брусья и перекладины на потолкахъ сихъ комнатъ ничѣмъ не были закрыты. -- Здѣзь они всѣ почти украшены рѣзбою и позолотою. - Судите, чего это стоило. Въ здѣшнемъ дворцѣ есть портретъ Кардинала, сдѣланный во весь ростъ; его рисовалъ Италіанской живописецъ; и можно сказать, что очень хорошъ. Меня водили по всему дворцу, которой такъ пространенъ, что можетъ утомить и хорошаго ходока; почему на здѣланное мнѣ предложеніе, хочу ли я итти смотрѣть сады которые я довольно хорошо разглядѣла изъ окошекъ моей комнаты, я отказаласъ и не хотѣла имѣть сего удовольствія. Мнѣ кажется, что причина, воспрепятсвовавшая Кар-

 ди-

(1) При показываніи Королевиной комнаты и прочихъ покоевъ, провожатый расказываетъ, къ чему которая служила.

диналу привлечь дворъ въ Ришелье, есть таже самая имъ изобрѣтенная политика, которая еще и нынѣ продолжается: то есть, чтобъ знатные и богатые господа не жили тамъ, гдѣ пребывали ихъ предки, чтобъ ввести ихъ во всѣ издержки Версальскаго двора; а тѣмъ бы принудить не въ нѣдрахъ своихъ владѣній имѣть покровительство, но поставлять все свое заступленіе въ единой Королевской милости. Это прекрасная политическая выдумка! Она-то побуждаетъ дворянство поддерживать его замыслы, а больше всего тогда, когда онъ дѣйствовалъ противъ благосостоянія Франціи.

Знатные нашего государства должны благодарить небо, что они члены многочисленнаго народа, пользующіеся древними своими замками, и что ничѣмъ не могутъ получать достоинства и благоволенія Монаршаго, какъ только соразмѣр-

ными заслугами, которыя они оказываютЪ своимЪ согражданамЪ.

Надобно сказать, что Французское дворянство можетЪ нынѣ лучше, нежели когда нибудь, исполнять должности своего званія. Оно находится подЪ правленіемЪ юнаго, правосуднаго и великодушнаго Монарха. Я отЪ всего сердца почитаю его наилучшимЪ изЪ Государей, какіе только когда нибудь бывали. КакЪ власть его велика! — Естьли знатные своими услугами обратятЪ на себя его вниманіе: то получатЪ благодѣянія достойныя толь великаго Государя.

Прощайте.

П. П. Я не могу видѣть ШантелупЪ, владѣніе, принадлежащее покойному Герцогу Шуазелю. ОнЪ не давно умерЪ; и потому все вЪ немЪ запечатано. Не видавЪ сего мѣстечка, немогу обЪ немЪ ничего писать. Недавно будучи вЪ домѣ правителя, я принуждена

 была

была вывесть изъ заблужденія какъ его, такъ и многихъ другихъ Французовъ, которые тогда у него были. Они всѣ хотѣли увѣрить, что Сиръ Георгъ Еліотъ (1) былъ Французъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ предалъ безсмертію свое имя въ Гибралтарѣ: то сія Нація, по моему примѣчанію, имѣетъ великое желаніе присвоить его къ себѣ; — по чему я приняла на себя трудъ ихъ переувѣрить, что Шотландія можетъ тѣмъ тщеславиться, что какъ онъ, такъ и всѣ почти предки его

(1) Сиръ Георгъ, (нынѣ Лордъ Геатфилдъ) не долженъ чрезмѣрно гордиться сею похвалою; потому что Французы такъ алчно присвоиваютъ себѣ знаменитыхъ людей, которыхъ другія націи произвели, что даже утверждаютъ, будто Принцъ Евгеній и славный нашъ Бровнъ ихъ соотечественники. (Авторово примѣченіе)

Можно напомнить автору; что и онъ въ томъ признается, что между Французами есть люди съ достоинствами. И такъ мы должны почесть сіе примѣчаніе за похвалу. (примѣч. переводчика)

его тамъ родились. Однакожъ, естьли бы они захотѣли поставить нѣсколько чиселъ назадъ, то конечно большая часть древнихъ нащихъ Англійскихъ фамилій нашлась бы произшедшею отъ Датчанъ, Нормандцевъ и проч.

Вы очень удивитесь, когда узнаете, что я, вмѣсто того, чтобъ возвратиться въ Парижъ, ѣду въ Южныя страны. Лордъ В.., старшій мой братъ, писалъ ко мнѣ, что онъ, можетъ быть, поѣдетъ зимовать въ Италію; ибо онъ давно уже выѣхалъ изъ Англіи. Я назначила ему двѣ дороги, и писала къ нему, что поѣду шагомъ во Флоренцію, гдѣ буду его ожидать. —

---

## Письмо VII.

*Ліонъ, 15 Іюля, 1785 года.*

Я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьѣ; и, чтобъ миновать лишній округъ нѣсколькихъ миль, я ѣхала не по большой дорогѣ. Посмо-

смотрите на вашу карту почтовыхъ станцій; вы увидите Кормери, Лошъ, Бюзансуа, Шатору, Ардантъ, Ла-Шатръ, Монтмаро Кюланъ, Роанъ. — Но, любезный Князь, слѣдуйте за мною на одной только бумагѣ; ибо дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ дурна, и мостовые такъ узки, что лакъ на моей каретѣ весь изцарапанъ, а постилліоны, которыхъ я не могла принудить ѣхать тамъ, гдѣ мнѣ хотѣлось, часто сбивались съ дороги. —

Я переѣхала большую часть Бурбоне, и за десять миль была отъ Виши, гдѣ живутъ, по причинѣ водъ, Королевскія тетки. На правой сторонѣ Овернскія горы представляютъ великолѣпный видъ. Подъѣзжая къ Ліону я почувствовала перемѣну въ воздухѣ, и тотчасъ узнала, что климатъ становился теплѣе. Маленькія спиральныя и коническія горы, около которыхъ крестьянки въ странныхъ соломен-

соломенныхъ своихъ шляпахъ и съ вертеномъ, прядутъ и пасутъ своихъ козъ, были для меня новымъ привлекательнымъ ландшафтомъ, а особливо плоскія кровли на ихъ хижинахъ, которыя придаютъ симъ строеніямъ легкость, весьма мнѣ полюбились.

Быки, везущіе плугъ, привели мнѣ на память то время, когда древніе Римляне брали города, или основывали селенія. День клонился къ вечеру, и небо казалось угрожающимъ бурею. Я живо себѣ воображала, будтобъ Римскій легеонъ разсѣянъ былъ повсюду въ прикрытіи большихъ камней, которыми каждый почти конусъ, о коихъ я говорила, увѣнчанъ, и каждый могъ бы служить маленькою батареею. Самыя облака, которыя часто останавливались между холмовъ, представляли разгоряченному моему воображенію войска, находящіяся въ засадѣ.

Есть-

Естьли вамъ угодно, то мы оставимъ сіи облака; потому что я ни Римской Генералъ, ни богиня, а особливо теперь ни что иное, какъ простая, весьма утомленная женщина, находящаяся въ хорошей комнатѣ, *Дофинскаго дворца, на Арсенальной улицѣ*, гдѣ буду очень охотно ужинать и пить за ваше здоровье, а послѣ сего надѣюсь заснуть крѣпкимъ, покойнымъ сномъ, подобнымъ тому, какого вамъ желаю. —

## Письмо VIII.

*Ліонъ, 18 Іюля.*

Третьяго дня чрезмѣрно уставши, я ничего не могла видѣть, кромѣ соединенія Соны съ Рономъ; но вчера ходила смотрѣть картины, украшающія Ратушу, изъ коихъ большая часть писаны Бланшетомъ. Сіи прекрасныя произведенія погибаютъ отъ хладной руки времени и забвенія. —

Тавроболь (1) можно назвать очень прекраснымъ и достойнымъ, чтобъ любители древностей превозносили его похвалами. Я съ своей стороны не могу хвалить того, что мнѣ не нравится, почему и смотрѣла на него безъ всякаго пристрастія. — Спонъ и другіе писатели оставили какъ объ немъ, такъ и о мѣдной доскѣ, умное описаніе. На послѣдней вырѣзана рѣчь Клавдія, которую онъ говорилъ въ защиту сего города. Она предоставлена присмотру нищихъ и дѣтей. Кажется, что Ліонскіе жители болѣе имѣютъ уваженія къ тщеславію праздношатающихся бѣдныхъ, нежели къ тому, что составляло славу древнихъ. На дворѣ у одного стряпчаго я видѣла прекрасную, пустую гробницу, которая служила вмѣсто водоема; — и, во многихъ старыхъ развалившихся домахъ, рѣзьбы

(1) *Tauroboles*, есть древнее изображеніе жертвоприношенія, которое состояло въ закланіи посвящаемаго быка.

бы и надписи, оставленые въ небреженіи. Я хотѣла ихъ разсмотрѣть; но купцы, въ сихъ зданіяхъ живущіе, мнѣ попрепятствовали; они удивлялись тому, что иностранцы предпочитаютъ развалины шелковымъ ихъ матеріямъ и шитью, которыя они скорѣе стараются продавать. Не льзя не повѣрить, чтобъ любитель древностей не нашелъ болѣе здѣсь предметовъ, достойныхъ украсить любопытный кабинетъ, и по сіе время еще неизвѣстныхъ. Хотя меня и увѣряли, что городъ очень прекрасенъ; но я съ своей стороны могу сказать, что въ немъ очень много есть дурныхъ мѣстъ. Домы стѣснены, улицы также узки и грязны, какъ и въ Парижѣ; однако предмѣстія очень прекрасны, и нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ-то, что можно по всему городу ѣздить въ лодкѣ. --- Я срисовала карандашемъ разные виды, изъ которыхъ есть одинъ съ маленькаго острова, назы-

зываемаго прежде *островъ Барбара.* (*Insula Barbara*) Вы помните ту большую башню, которая увѣнчиваетъ *Пїеръ-ен — сизскую тюрьму.* Соразмѣръ сего зданія поразилъ меня своею симетріею. — Разсматривая ее нѣсколько времени, я вышла изъ лодки при самомъ основаніи, и входила на верхъ чрезъ сто двадцать ступенекъ, высѣченныхъ въ каменной горѣ. — Часовые провели меня очень учтиво; и, къ величайшему моему удивленію, увидѣла между плѣнниками . . . , о которомъ вы должны вспомнить. Онъ былъ такъ часто съ . . . . Сто разъ спрашивалъ меня о Ж . . . . и очень смѣялся, говоря о его бесѣдахъ съ нимъ и съ . . . — Я также съ моей стороны смѣялась тому, что онъ почиталъ господина М . . . за Лорда Б . . . —

Мнѣ сказывали, что въ Піеръ-ен-сизскую тюрьму запираютъ государственныхъ плѣнниковъ; но это не правда; она есть времен-

ное убѣжище для промотавшихся знатныхъ господъ, которыхъ присылаютъ сюда съ Королевскимъ повелѣніемъ, и содержатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока родители, испросившіе имъ прощеніе, отпускаютъ ихъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Г... сказалъ мнѣ, что естьли когда нибудь его выпустятъ; то непремѣнно возвратится въ Англію, которая, безъ сомнѣнія, теперь болѣе, нежели въ какое другое время, покажется ему земнымъ раемъ; ибо тамъ нѣтъ Королевскихъ повелѣній. —

Помните ли вы прекрасную Рубенсову картину, находящуюся въ церкви кающихся? Я долго на нее смотрѣла съ чувствительнымъ удовольствіемъ. Не замѣтили ли вы также, что всѣ превосходныя произведенія во Франціи портятся, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ духовенству; ибо одно только сіе общество бережетъ и соединяетъ знанія свои и вкусъ. Въ другой

истин-

истиннѣ хочу увѣрить васъ смѣшнымъ примѣромъ. Прошлаго году, всѣ въ Парижѣ хотѣли представить изъ себя совершенныхъ Агличанъ; они имѣли вмѣсто слуги, Жоке, (*Jocke*) маленькаго мальчика, у котораго волосы обстрижены въ кружокъ, безъ пудры, и въ круглой шляпѣ. Этѣ маленькіе конюхи служили имъ за столомъ, и всегда стояли съ тремя большими лакеями за позолоченною каретою. Тщетно я говорила многимъ старымъ Французамъ, что Жоке ничто иное въ Англіи, какъ конюхъ; служба его въ конюшнѣ, въ которой стоятъ лошади, опредѣленныя для скачки, а не во внутреннихъ покояхъ за столомъ; они у насъ не служатъ, и очень рѣдко къ намъ входятъ; на противъ же сего наши лакеи, которые служатъ и за столомъ и ѣздятъ за каретою, также хорошо причесаны и напудрены, какъ Французы. Всѣ на то мнѣ отвѣчали: на-

добно, что бы это была новая мода; ибо и у нихъ *совсѣмъ было по Аглински, и притомъ такъ, какъ дѣлаютъ въ Лондонѣ.* — Меня зовутъ на Фурвіерскую башню, откуда виденъ весь городъ. Прощайте. Я есмь

ваша усердная.

---

## Письмо IX.

*Лїонъ,* 21 *Іюля.*

Прекрасный видъ, которой, увѣряли меня, что можно видѣть съ башни, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ. — Ландшафты такъ перемѣнны, такъ обширны и въ такомъ большемъ количествѣ, что глаза тщетно ищутъ такого предмета, на которомъ бы остановились ихъ взоры. — Я не знаю, любезный Князь, одного ли вы со мною мнѣнія? Но для меня всего лучше, чтобъ чувства и разумъ мой вмѣстѣ были сопряжены, и вмѣстѣ наслаждались бы одинаковымъ

вымЪ пріятнымЪ предметомЪ. Перемѣняйте сцены столько разЪ, сколько вамЪ угодно; а что касается до меня, я столь сильно ненавижу безпорядокЪ вЪ предметахЪ, что естьли бы принуждена была выбрать домЪ, построенный или на такомЪ возвышенномЪ мѣстѣ, сЪ котораго бы виденЪ былЪ большой городЪ, рѣка, которая представляла бы разныя излучины, и неизмѣримое пространство открывающейся страны, или домЪ, стоящій при подошвѣ сей самой высоты, откуда бы зрѣніе мое не далѣе могло простираться небольшаго саду: то я охотно предпочла бы послѣдній. — Знаю, что такой вкусЪ покажется страннымЪ; оданко я никогда не могла совершенно понять, какое находятЪ удовольствіе вЪ томЪ, что обыкновенно называютЪ прекраснымЪ видомЪ, которымЪ нельзя пользоваться безЪ помощи телескопа, препятствую-

щаго развлекаться зрѣнію на разные предметы. —

Чтобъ ѣхать по Рону до Авиньйона, я наняла судно. Оно сдѣлано просто изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ сплоченныхъ досокъ для привозу лѣса изъ Савоіи, и хотя ничто иное, какъ обыкновенной плотъ; однако крѣпокъ, чтобъ вести и меня съ небольшею моею свитою. Лошадь свою я отправила на кошевомъ суднѣ. — Не подумайте, чтобъ мое уваженіе къ древнимъ художникамъ заставило меня вообще презирать новѣйшихъ здѣшняго города. Ліонскій купецъ, у котораго я прежде сего покупала въ Лондонѣ шелковыя матеріи, показывалъ мнѣ какъ сіи, такъ и рисунки, на нихъ сдѣланные, новѣйшаго вкуса. Подлинно, во Франціи царствуетъ вообще худой вкусъ въ нарядахъ, а особливо въ мускихъ жилетахъ, разрисованныхъ большими бабочками, съ

рас-

распущенными крыльями. — Самъ купецъ, которой мнѣ ихъ показывалъ, пожимая плечами, сказалъ: „*какъ быть, Сударыня, всегда на-„добно что нибудь новинькое.* — Здѣсь есть любопытная мельница, которая разматываетъ на катушкахъ шелкъ; въ сараѣ, въ четвертомъ жильѣ лошадь вертитъ колесо, помощію котораго вертятся и другіе, находящіяся въ нижнихъ жильяхъ; а сіи приводятъ въ движеніе нѣсколько тысячь катушекъ, которыя очень скоро наматываются шолкомъ.

Всѣ здѣшнія древнія зданія построены на каменныхъ утесахъ. Я не иначе себѣ ихъ представляю, какъ зубцами, которыхъ сіи скалы кажутся разновидными корнями. — Меня увѣряли, что Сона имѣла прежде другое теченіе, и что Швейцары на сквозь пробили каменныя горы, чтобъ дать новое теченіе сей рѣкѣ. — Я скорѣе повѣрю, что естьли когда нибудь и

 пере-

перемѣнили теченіе рѣки: то это были Римляне, которые ознаменовали всѣ свои памятники опытами величія и пользы. Развалины, находящіяся въ предмѣстіяхъ сего города, сіи вѣрные свидѣтели ихъ трудовъ, могутъ утвердить мое мнѣніе. Естьли бы наслѣдникъ Калигулы, или естьли бъ Неронъ, основатель сего города, могли хотябъ на минуту встать изъ своихъ гробовъ и посмотрѣть на теперешнее его состояніе: то поистиннѣ едвали бы его узнали. Прощайте, любезный Князь. Я съ совершеннымъ удовольствіемъ всегда готова къ услугамъ вашимъ.

---

## Письмо X.

*Авиньйонъ, 30 Іюля, 1785 года.*

Ничего не можно вобразить себѣ столь пріятнѣйшаго, какъ послѣднее мое путешествіе водою. Хотя сильный вѣтръ меня тревожилъ;

жилЪ; ибо онЪ былЪ противной: но быстрота Роны, о которой я такЪ много наслышалась, показалась мнѢ неудивительною и не страшною. По обѢимЪ сторонамЪ берега возвышаются каменныя горы, на которыхЪ находятся замки и виноградныя сады. — ВЪ первой день я остановилась вЪ Кондріе, гдѢ купила прекраснаго вина, сегожЪ имени, заплотивЪ двацать пять копѢекЪ за бутылку. — Около мили отсюда, находится гора Жупень, которая принадлежитЪ Г. Кондомину. Она то производитЪ самое лучшее вино, называемое Кот-роти (Côte rotie) т. е. Жаркой берегЪ. Значеніе сего слова освойствуетЪ чрезвычайный жарЪ сей страны, вЪ которой солнце изсушаетЪ почти виноградЪ. ЦвѢтЪ вина теменЪ и густЪ. Его почитаютЪ хотя и весьма пріятнымЪ; однако имѢетЪ что-то такое общее сЪ другими многими, чего я не люблю. — Не много подалѢе на

лѣво есть пустынька. Мѣсто это по тому такъ названо, что прежде жилъ одинъ пустынникъ въ пещерѣ на горѣ. Вино, которое тамъ родится, такъ извѣстно, что не для чего объ немъ и говорить. Бутылка сего вина стоитъ три ливра. Какъ бы его ни хвалили; но бѣлое мнѣ показалось превосходнѣе; почему и велѣла привесть его къ себѣ въ Марсель, чтобъ послать въ Англію. Неподалеку отсюда есть маленькой городъ, называемый Віень, въ которомъ построена прекрасная соборная церковь въ готическомъ вкусѣ. Вошедши на берегъ, я осматривала какъ церковь, такъ и мавзолеи хорошей рѣзной работы, находящіеся въ той самой церкви, въ которой похороняется фамилія Монтъ мориновъ. На берегу Рона я видѣла многихъ работниковъ, которые сквозь решето просѣвали песокъ, смѣшанной съ золотыми частичками, которыя море отдѣляетъ отъ горъ.

Мнѣ

мнѣ кажется, что эта работа весьма трудная, а особливо въ такіе жестокіе жары, какіе бываютъ здѣсь въ сіе время. Но чегобъ не сдѣлали бѣдные для полученія сего металла, когда и самые богатые также жестоко себя изнуряютъ, какъ невольники, только чтобъ собрать болѣе золота?

Монтелимаръ есть тотъ самой замокъ, изъ котораго видны, какъ говорятъ, три королевства и семъ провинцій; однако я, какъ сей, такъ и другіе, мимо которыхъ проѣзжала, не останавливалась осматривать.

Мостъ сентъ — еспри, посправедливости, воликолѣпенъ. По моему мнѣнію, очень бы опасно было проѣжать, естьли бъ перевозщики не были осторожны, опытны и привычны. - - - Карета моя такъ велика, а занавѣски такъ хороши, что со всѣмъ не чувствую жару и безпокойства. Морскіе берега скры-

скрывающѣ всѣ свои красоты, какѣ скоро ближе подъѣжжаешь кѣ Авиньйону, которыхѣ не можно видѣть; потому что онѣ окруженѣ высокою сѣ башнями стѣною.

Госпожа Бранкасѣ, сестра Герцога Крильона, осыпала меня своими учтивостями; мы разговаривали сѣ нею о . . . . Я обѣдала у Милорда. . . . Здоровье его очень слабо; но надѣюсь, что здѣшній прекрасный климатѣ его возстановитѣ. Прощайте, мой любезный Князь. Я совершенно ваша покорная. —

П. П. Особа, которая очень знаетѣ Герцога Крильона, сказала мнѣ, что сестра его совершенно одного сѣ нимѣ характера, чему я очень вѣрю; ибо она столько же много предпринимаетѣ намѣреній вѣ разсужденіи своихѣ садовѣ и строеній, сколько братѣ ея дѣлалѣ при взятіи Гибралтара. Я сѣ своей стороны отѣ искренняго сердца

на желаю ей счастливѣйшихъ успѣховъ; она прелюбезная особа. —

---

## Письмо XI.

*Марсель, 5 Августа, 1785 года.*

Сперва я почитала за ненужное описывать вамъ Авиньйонъ; ибо вы его сами видѣли: но какъ вы не по той дорогѣ изъ него ѣхали, по которой я, то и намѣрена дать вамъ краткое понятіе о естественной рѣдкости, которая мнѣ доставила превеличайшее удовольствіе. Это славный Воклюзскій водопадъ!

Изъ Авиньйона я отправилась въ полдень и пріѣхала въ городъ, называемый Лиль. Здѣсь наняла почтовую Французскую коляску, въ которой и поѣхала по берегамъ честныхъ водъ Сорги до самаго того мѣста, гдѣ дорога чѣмъ далѣе вела, тѣмъ уже становилась, и не позволяла болѣе ѣхать въояскѣ. И такъ я пошла пѣшкомъ въ лѣвую сто-

сторону по маленькой тропинкѣ около неприступныхъ горъ; а на правой находилось у меня пріятное зрѣлище сего быстраго потока, подлѣ котораго ѣхала одну только милю. Вдругъ представилась мнѣ пещера, которая весьма походитъ на тѣ, изъ коихъ въ нашихъ операхъ выходятъ львы и медвѣди. И изъ сей-то пещеры начинается вершина рѣки. Меня увѣряли, будто она ничто другое, какъ бездонная пропасть: это такъ меня встревожило, что не могла отгадать той причины, по которой назвали ее фонтаномъ.

По обѣимъ сторонамъ сего свода возвышаются ужасные каменныя скалы, которыя кажутся для того нависли, чтобъ поклониться, или задавить любопытнаго путешественника въ своихъ проходахъ. Куда бы я ни обратила свои взоры, вездѣ представлялись мнѣ странные и необычайной величины предметы,

меты, которые природа будтобѣ для того здѣсь помѣстила, чтобѣ вліять вѣ сердце зрителя живѣйшія чувствованія умиленія, ужаса и удовольствія. Прозрачность и быстрота рѣки еще болѣе увеличиваетѣ пріятность и прелести сего зрѣлища. Вѣ тѣхѣ мѣстахѣ, вѣ которыхѣ находится нѣсколько футовѣ земли, непокрытой водою, крестьяне насадили много деревѣ и развели сады. — Естьли вы, смотря на сіи предметы, посмотрите вѣ верхѣ, то увидите совершенную разнообразность. Птицѣ, летающихѣ на вершинахѣ каменныхѣ горѣ, едва ли можно видѣть безѣ телескопа. Что касается до пещеры, то видѣ ея ужасенѣ и мраченѣ. Я готова тому вѣрить, что вода, какѣ бы такѣ сказать, чувствуя радость отѣ скорѣйшаго высвобожденія изѣ сего мрачнаго убѣжища, своею стремительностію придаетѣ еще быстрѣйшее теченіе рѣкѣ.

Есть-

Естьли ПетраркЪ почерпалЪ свои вдохновенія вЪ семЪ мѢстѢ, то не надобно удивляться, что стихотворенія его слишкомЪ трогательны. Любовь и смѢхЪ, образующіе его общество, должны удаляться вЪ тѢ мѢста, вЪ которыхЪ природа открываетЪ свои прелести, хотя величественнымЪ, но ужаснымЪ образомЪ. Внутренно я восхищалась тѢмЪ, что могла оправдать зрѢлищемЪ сего мѢста вѢчныя жалобы Піита. До сей минуты я не могла понять, какЪ человѢкЪ, одаренный столь нѢжными чувствами и разумомЪ, могЪ провести большую часть жизни своей, предавая безсмертію презрѢніе нечувствительной красоты кЪ вѢрнѢйшей любви; но теперь вѢрю, что Лаура, или никогда не существовала, или ПетраркЪ вЪ такомЪ случаѢ имѢлЪ блистающее и способное кЪ поезіи воображеніе, которой, по меланхолическому своему характеру, описывалЪ жалостные предметы.

ВѢро-

вѣроятно, что Петраркъ жилъ здѣсь лѣтомъ; а я, такъ какъ вы знаете, имѣя самый веселый нравъ, какой только можно себѣ представить, не могла разсматривать безъ удивленія и безъ почтительнаго молчанія поразительную картину, которую имѣла предъ глазами. Я просидѣла бы тамъ до самой ночи, естьли бъ мнѣ не напомнили, что уже поздно, и что могу еще видѣть портреты Петрарка и Лауры въ замкѣ Маркиза Шомона; онъ ничто иное, какъ весьма бѣдной домъ, находящійся за нѣсколько шаговъ отъ фонтана. Этѣ портреты очень новы, и слѣдственно такъ точно похожи на васъ, какъ и на тѣ лица, которыя на нихъ изображены. По томъ я возвратилась въ Лилль. Тамъ за ужиномъ подавали самые лучшіе раки и форели, какіе только я ѣдала въ моей жизни. Сорга обильна этой прекрасной рыбою. Я проѣзжала

 чрезъ

чрезъ Ахенъ; но въ немъ не остановилась; потому что надѣялась здѣсь получить очень нужное письмо . . .

Здѣсь я видѣла великое множество растущаго сахарнаго тростника. Удивляюсь, что у насъ въ Англіи его не разведутъ. Здѣшнія дыни самыя лучшія; я купила ихъ нѣсколько на полѣ съ гряды, заплатя за каждую по пяти копѣекъ. — Какаяжъ страна можетъ быть прекраснѣе, какъ не та, которая обильна виномъ и деревяннымъ масломъ, и гдѣ по обѣимъ сторонамъ большихъ дорогъ собираютъ фиги и дыни; но недостатокъ зелени и хорошихъ деревъ представляетъ печальный видъ на самой плодородной землѣ. Въ сравненіи той картины, которую имѣю въ глазахъ, съ Англіею, нетерпѣливо желаю возвратиться въ свое отечество, желая имѣть подъ ногами прекрасный зеленый дернъ; а надъ голо-

вою

вою зелень нашихЪ густыхЪ деревЪ.

Прощайте, любезнѣйшій и почтенный братецЪ. Естьли ваше сердце отдаетЪ мнѣ справедливость: то вы знаете, сколько разЪ вЪ день я желаю скорѣе быть сЪ вами.

Ваша покорная.

П. П. СовсѣмЪ было я позабыла отписать кЪ вамЪ, что вЪ то время, какЪ мы перемѣняли лошадей вЪ Лиллѣ, я говорила сЪ морскимЪ КапитаномЪ Б. * * *, которой здѣсь живетЪ по близости сЪ женою и двумя дѣтьми; онЪ просилЪ меня очень учтиво кЪ себѣ на вечерЪ; говорилЪ со мною о братѣ моемЪ Г., и сказалЪ мнѣ, что вершина Сорги теперь очень низка. ВЪ самой вещи я узнала по примѣтамЪ, которыя потокЪ оставилЪ на камняхЪ, будучи очень высокЪ, что она теперь ниже по крайней мѣрѣ на 40 футовЪ по

ватерпасу зимняго своего теченія. Я видѣла Соргу, кротко выходящую изъ пещеры изъ подъ нижней части горы. Вода ея тогда только становится быстрѣе, когда бываетъ на отвѣсѣ и сдѣлается рѣкою; вмѣсто того, что когда она во всей своей славѣ, то съ сильнымъ шумомъ падаетъ съ каменнаго утеса дикимъ и прелестнымъ каскадомъ, что еще болѣе должно придавать видовъ ужаснымъ ея красотамъ. Воклюзкіе жители сказали мнѣ, что множество несчастныхъ, обремененныхъ жизнію, бросались въ сію пещеру, глубина которой, по моему примѣчанію, неизмѣрима. Когда я полюбопытствовала спросить, часто ли находили мертвыя тѣла: то меня увѣряли, что не рѣдко случалось ихъ видать, а по большой части духовныхъ особъ, которыя такимъ образомъ оканчивали несчастные дни свои.

Прощайте.

П. П. Я никогда еще не чувствовала такого жару, какъ здѣсь.

---

## Письмо XII.

*Марселль,* 8 *Августа,* 1785 *года.*

Я разсматривала камни, находящіеся при входѣ гавани, и мнѣ кажется, что большая часть очень хорошо расположена для обороны оной; но что меня очень удивило, это то, что я слышала отъ гребцовъ, которые возятъ меня два раза въ день по гавани глотать вольный воздухъ: что во всякое время ночью ихъ впускаютъ, и выпускаютъ изъ гавани, не осматривая лодокъ.

Великое множество чужестранцевъ, которые сбираются всякой день на большей биржѣ, простирающейся до самаго берегу, заставило меня, при въѣздѣ моемъ, подумать, что какое нибудь чрезвычайное происшествіе при-

нудило народъ выпши изъ города и съ кораблей; но видя ежедневно то же самое зрѣлище, я скоро узнала свою ошибку.

Здѣсь есть двѣ прекрасныя картины, написанныя Пюжетомъ, и представляющія нѣсколько страшныхъ приключеній, бывшихъ во время заразы въ семъ городѣ. (1) Погрѣшность ихъ та, что онѣ весьма живо представляютъ сіи дѣйствія. Я не могла удержаться отъ слезъ, смотря, какъ умирающіе прощались съ своими друзьями, устремляя на больныхъ своихъ дѣтей послѣдніе взоры, въ которыхъ изображается нѣжность, безпокойство и сердечныя желанія, чтобъ они выздоровѣли. Меня увѣряли, что лекари и дворяне, представленные на сихъ картинахъ, и предстоящіе при больныхъ и умирающихъ, были списаны

---

(1) Въ 1720 году.

ны съ натуры. Я этому очень вѣрю; потому что на нѣкоторыхъ лицахъ столь живо изображены печальное размышленіе и участіе, что съ одной только натуры такъ истинно представить можно. Я разговаривала съ Капитаномъ * * *, которой управляетъ Кингсъ - Фишеромъ. Онъ принужденъ былъ и здѣсь выдержать карантинъ, живши для оного уже въ Ливурнѣ и въ Гендѣ; но чума столь сильно опустошаетъ Барбарскіе брега, откуда онъ пріѣхалъ, что и не должно удивляться такой вторичной предосторожности, могущей отвратить, или предупредить сей ужасный бичь.

Марселль мнѣ не понравился, а загородные домы, называемые Бастадами, ужасть какъ отвратительны.

Сей часъ я получила письмо, привезенное на Кингсъ-Фишерѣ. Оно, не знаю для чего, такъ намо-

намочено уксусомъ, что вся надпись смылась, и я едва могла прочитать. — Прощайте, любезный братецъ.

Я совсѣмъ почти ослабѣла отъ чрезмѣрныхъ жаровъ. — Будьте увѣрены, что никто не можетъ быть столь искренно къ вамъ привязанъ, какъ я.

---

## Письмо XIII.

*Гіеръ, 10 Августа, 1785 года.*

Ѣдучи сюда, я остановилась въ Тулонѣ, въ которомъ мнѣ весьма хотѣлось видѣть корабельныя верьфи. Отказъ, полученной мною, тѣмъ болѣе меня удивилъ, что одна Аглинская госпожа, мнѣ знакомая, проѣзжая чрезъ сей городъ въ прошедшую войну, ихъ видѣла, хотя впрочемъ ея мужъ и всѣ господа, бывшіе въ сей свитѣ, принуждены были въ это самое время выѣхать изъ города.

Ни-

Никакой другой причины я не могла найти, почему такъ со мною поступлено, кромѣ того, что Лордъ * * * ихъ осматривалъ. Послѣ накрѣпко приказано, чтобы ни одному Агличанину никогда впредь ихъ не показывали. И такъ я видѣла одну только ихъ наружность; и ничего другаго не примѣтила, кромѣ того, что это самая лучшая гавань въ свѣтѣ, и что корабли хотя достойны, чтобъ управляли ими наши Адмиралы; однако они не будутъ имѣть никогда, или по крайней мѣрѣ не скоро, хорошихъ Французскихъ мореходцевъ. На чемъ основываю сіе мнѣніе, объ этомъ скажу вамъ при первомъ нашемъ свиданіи.

Господинъ де С., которой всякому Агличанину не дозволяетъ видѣть Тулонскія верьфи, имѣетъ объ насъ великое предубѣжденіе. Вы, думаю, будете смѣяться, естьли скажу вамъ причину его злости. Начало оной послѣдняя вой-

 на,

на, въ которую двѣ трети кораблей изъ его эскадры, съ большею частію конвоя, который онъ провожалъ въ восточную Индію, были взяты въ плѣнъ; а что касается до него, то самъ, естьли бы не спасся, конечно бы попалъ въ руки *этихъ упорныхъ и жестокихъ Аглинскихъ матрозовъ.* Здѣсь я употребляю его выраженія.

Тотъ самой, которой ходилъ къ господину Суланжу просить позволенія осмотрѣть мнѣ верьфи, желая вспомнить, какой въ семъ случаѣ Г. Суланжъ дѣлалъ отпоръ съ своею эскадрою, спросилъ у одного Офицера, находящагося въ комнатѣ, имена тѣхъ кораблей, потерю которыхъ Г. Суланжъ такъ горько оплакивалъ. Офицеръ отвѣчалъ, что онъ ихъ позабылъ; но естьли услышитъ ихъ названіе, то конечно вспомнитъ всѣ этѣ корабли.

Другъ мой назвалъ ему *городъ Парижъ, Тщеславный, Кентаеръ, Артуа,*

*Артуа*, *Катонъ*, *Аргонавтъ*, *Язонъ*, *Протей*, *Уединенной*, *Пегасъ*. При семъ послѣднемъ Офицеръ вздрогнулъ, взглянулъ на него пристально, и сказалъ ему: это былъ Пегасъ.

Г. Суланжъ сказалъ, что это правда; но что *Громомѣщущій*, которой его взялъ, былъ одинъ изъ большихъ кораблей Аглинской эскадры, на которой посаженъ былъ *жестокій матросъ*, Капитанъ Жервисъ; онъ аттаковалъ бы и самаго дьявола, естьлибъ встрѣтился съ нимъ на морѣ; однакожъ сказалъ Суланжъ: Жервисъ никогда не взялъ бы Пегаса безъ помощи другихъ кораблей.

Другъ мой отвѣчалъ ему: что Громомещущій былъ о двухъ палубахъ и болѣе шестью пушками, нежели сколько находилось на Пегасѣ; что онъ былъ взятъ въ послѣднюю войну Аглинскимъ шестидесяти четыре пушечнымъ кораблемъ Монмутомъ, бывшемъ въ

коман-

командѣ Капитана Гардинера, и что онъ не зналъ лично Капитана Жервиса; но по всеобщему слуху совершенно увѣренъ, что въ продолженіе войны онъ конечно окажетъ отличное свое искусство и ревность или сжечь, или потопить, или взять самаго дьавола, естьли онъ будетъ подъ Французскимъ флагомъ. Другу моему весьма хотѣлось напомнить Г. Суланжу о вѣрнѣйшемъ и ему самому извѣстномъ приключеніи, то есть, что Капитанъ Жервисъ взялъ Пегаса послѣ такого сраженія, которое продолжалось не болѣе получаса, и при томъ безъ всякой другой помощи, кромѣ его приказаній, которыя съ отличною ревностію исполняли храбрые корабельные его служители; и что другой линейной корабль, тотъ самой, который находился съ прочими треля подъ предводительствомъ Г. Суланжа, здался, по первомъ выстрѣлѣ, кораблю, называемому *Коро-*

*ро-*

*ролева* (*the Quen*), на которомЪ былЪ КапитанЪ МайтландЪ. Но подумавЪ, что сіе новое, вѣрное повѣствованіе о сихЪ подробныхЪ дѣйствіяхЪ моглобЪ возобновить печальныя мысли во многихЪ ОфицерахЪ, которые вЪ то время тутЪ же были, и которые впрочемЪ всегда говорили сЪ почтеніемЪ о нашемЪ мореплаваніи: то другЪ мой не сталЪ болѣе говорить о морскихЪ сраженіяхЪ и вышелЪ вонЪ.

ПегасЪ, о которомЪ здѣсь идетЪ рѣчь, вЪ самой вещи есть тотЪ же самый корабль, на которомЪ братЪ мой командовалЪ вЪ прошедшую войну. Французы часто мнѣ говорили, будто *ПегасЪ* такЪ поврежденЪ, что болѣе не можетЪ плавать; но я всегда ихЪ увѣряла, что нынѣ его починили, исправили, снарядили, и такЪ искусно нагрузили, что теперь весьма легокЪ вЪ плаваніи.

Я также часто слыхала ихъ тщеславящихся какою-то удачною перемѣною, сдѣлавшеюся въ ихъ флотѣ во время послѣдней войны; но естьли бы они не захотѣли говорить о перемѣнѣ платья корабельныхъ служителей: то я, кромѣ сего, не понимаю, въ чемъ состоятъ сіи перемѣны. Старые Аглинскіе Офицеры сказывали мнѣ о чувствованіяхъ своего сердца, которое и нынѣ тѣмъ же самымъ воспламенено огнемъ, какимъ и прежде; и что при всякомъ случаѣ, которой естьлибъ заставилъ ихъ имѣть дѣло съ непріятелемъ, они напали бы въ самую средину ихъ кораблей съ распущенными парусами, и сраженіе скоро бы кончилось. — Дабы въ этомъ съ ихъ мыслями согласиться, я имѣю убѣдительное доказательство, которое, надѣюсь, ознаменовано будетъ, безъ всякаго изключенія въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ въ книгѣ безсмертной

ной славы: что Королевскій нашъ флотъ по большей части составленъ изъ завоеванныхъ у нашихъ непріятелей линейныхъ кораблей; и что нѣтъ на земномъ шарѣ такой націи, которая бы могла похвалиться тѣмъ, чтобъ въ ся флотѣ находился какой нибудь Аглинскій линейный корабль.

Я не сумнѣваюсь, чтобъ Министръ и Офицеры Французскаго флота не были хорошіе мореплаватели въ теоріи; — но когда дѣло дойдетъ до практики: то я гораздо скорѣе повѣрю, что произшествіе всегда докажетъ незабвенность нашу объ Океянѣ, какъ о единомъ защищающемъ оплотѣ нашъ островъ и нашу вольность; и что мы доселѣ были и всегда должны быть, по происхожденію, жестокими и всему противуборствующими матрозами. Въ разсужденіи сего я увѣрена о согласіи мыслей и желаній моихъ съ вашими. — Не сумнѣвайтесь и обо

мнѣ,

мнѣ, что я всегда продолжаю мое путешествіе съ сердечною моею къ вамъ искренностію.

Берегъ, ведущій изъ Марселля въ Тулонъ, великолѣпенъ. Камни также почти удивительны и ужасны видомъ, какъ и тѣ, которые находятся въ окрестностяхъ Воклюза; они на нѣсколько миль покрыты еловымъ лѣсомъ. —

Вы можете себѣ представить, какъ я думаю, вышину горъ и камней, когда скажу вамъ, что деревья и хижины, находящіяся на нихъ, похожи однѣ на зубочистки, а другія на дѣтскія маленькія игрушки. —

Вездѣ дорога извивается очень пріятно. Вездѣ, гдѣ только мнѣ ни встрѣчались долины, вездѣ я видѣла многочисленныя стада козъ. — Подъѣзжая къ Тулону, видны въ садахъ померанцевыя и гранатовыя деревья, капорсовыя кусты, небольшія прекрасныя, расти-

распилающіяся и дурной запахъ издающія деревца; они и безъ обработыванія вездѣ, гдѣ только укоренятся, размножаются.

Отъ Тулона, постепенно я приготовляла себя къ красотамъ сего мѣста, которыя кажутся прелестнѣе, чѣмъ ближе къ нимъ подъѣзжаешь. Всѣ плетни по большей дорогѣ сдѣланы изъ миртовыхъ и гранатныхъ вѣтвей и виноградныхъ лозъ. Дорога вела меня подлѣ многихъ хорошихъ и порядочныхъ домовъ; въ ихъ садахъ растутъ большія померанцовыя деревья.

Гіеръ лежитъ на косогорѣ, разстояніемъ отъ моря около мили. Здѣсь съ нетерпѣливостію я ожидать буду того самого письма, которое надлежало мнѣ получить въ Марселли. Морскіе вѣтры прохлаждаютъ сей прекрасный городъ. Веселый и благородный вкусъ, которой во всемъ тамъ виденъ, едва не заставилъ меня рѣ-

шиться пожертвовать нѣсколькими мѣсяцами прелестямъ уединенія и пріятностямъ ученія. —

---

## Письмо XIV.

*Гіеръ, 15 Августа, 1785 года.*

Вчера ввечеру я ѣздила верьхомъ смотрѣть церковь, сооруженную на холмѣ близь моря въ честь Богородицы. Въ сторонѣ не подалеку есть пустынька. Въ ней живетъ нѣкто, называемый Лаврентій, которой врачебными своими знаніями, а болѣе покровительствомъ Божіей Матери, говоритъ, будто вылѣчиваетъ жабу. Я долго съ нимъ разговаривала. Невѣжество и простота его были для меня весьма забавны. Жалки тѣ, которые безъ разбору вѣрятъ всѣмъ его врачебнымъ предписаніямъ. Между прочимъ я сказала ему нѣсколько любопытныхъ, вдругъ мною выдуманныхъ лекарствъ: какъ на примѣръ вы можете

жете

жете повѣрить сему, будто умыванiе водкою есть вѣрный способъ вылѣчивать зубныя болѣзни. Естьли когда нибудь обстоятельства приведутъ васъ сюда: то совѣтую вамъ войти на сей холмъ и посмотрѣть на картины, которыя вамъ представятся въ перспективѣ съ моря. Острова Портекруа и Пурkероллъ имѣютъ великолѣпный видъ; а полуостровъ, называемый Гiенъ, которой соединяется съ твердою землею узкимъ только перешейкомъ, представляетъ ландшафтъ, достойный кисти самого искуснаго живописца. Естьли вы посмотрите на землю, то увидите на правой и на лѣвой сторонѣ горы, вершины коихъ украшены, то елями, то камнями, а подошвы ихъ оливковыми, померанцовыми и фиговыми деревьями, которыя образуютъ слiянный кругъ удивительной красоты, самою натурою устроенной для того, чтобъ воспрепятствовать морю далѣе про-

стираться. Не подалеку оттуда, подавшись къ твердой землѣ, возвышается гора, на которой построенъ городъ Гіеръ. Надъ нимъ видны камни и развалины древняго города и его стѣнъ. Я думаю, чтобъ я провела всю жизнь свою, смотря на сіе зрѣлище, не почувствовавъ усталости. Но день склоняется къ вечеру, и возвѣщаетъ мнѣ, что пора возвратиться домой, гдѣ моя арфа и мои книги давно меня ожидаютъ. Я есмь отъ всего сердца васъ почитающая.

---

## Письмо XV.

*Гіеръ, 18 Августа, 1785 года.*

Стихи, которые къ вамъ посылаю, можетъ быть нѣсколько васъ позабавятъ. Желаю только, чтобъ вы также смѣялись, какъ я, читая въ прозѣ трагическое приключеніе Французскаго Офицера. Ктобъ онъ ни былъ; но естьли

оскор-

оскорбится тѣмъ, что я обратила въ смѣхъ его несчастное приключеніе, то охотно прощу его досаду, и буду твердо противъ нее стоять; а особливо когда знаю, что Бурбонскіе Принцы, всѣ Гишпанцы, Лордъ Говъ и Сиръ Георгъ Еліотъ, всѣ сіи знатныя особы, которыхъ онъ, кажется, ни во что поставляетъ, конечно станутъ смѣяться со мною. На поляхъ этихъ страницъ и строчекъ я поставила числа, чтобъ замѣтить тѣ Авторскія мѣста, которыя слово отъ слова я перевела, чтобъ вы не подумали, будто я выдумала странныя тѣ вещи, которыя имъ написаны; для сличенія одного съ другимъ, я пріобщаю къ переводу и самой подлинникъ. (1)



(1) Вольной переводъ стиховъ, о которомъ говорено въ семъ письмѣ, находится при концѣ книги, дабы не прервать повѣствованія; потому что сіе сочиненіе Аглинское состоитъ изъ 300 стиховъ.

*Стихи, написанные въ Гіерѣ, при чтеніи небольшаго сочиненія, подъ заглавіемъ: Повѣствованіе о Гибралтарской осадѣ, сдѣланное Офицеромъ Французской арміи въ Кадиксѣ, 1785 года.*

---

О ты, котора устилаешь
Цвѣтами жизни сей пути,
Котора нѣжными вѣнками
Вѣнчала дней моихъ весну!
Когда коварная улыбка,
И прелести, и пѣснь твоя,
Мои печали разсѣвали,
Свои мнѣ шутки, муза, дай,
Веселость дай, и легки тоны! —
Приди, о фебъ! и озари
Сіи лѣса тѣнисты, милы,
Которые Амфитріонъ
Роскошнымъ поясомъ украсилъ. —
Благоуханный тамо миртъ
Съ пріятностьми соединился;
Его объемлетъ виноградъ
Своими гибкими вѣтвями. —

Не-

Не здѣсь ли прелестей всѣхъ мать,
Не здѣсь ли милая Венера,
Родившися изъ волнъ морскихъ,
Не здѣсь ли прелести збирала?
Фіялка, роза, василїокъ
Родились подъ ея стопами.
Увидитъ тамъ ея слѣды
Піитъ въ пріятнѣйшемъ восторгѣ.
Вдохни, о муза! мнѣ свой жаръ. —
И Момъ да придетъ со улыбкой
Настроить звучну лиру мнѣ!
Хотя стихи мои и дурны;
Забавой будутъ пусть они
На щетъ прозаика Француза,
Которому я подражаю;
Дабы загладить стыдъ его.
Преславнаго онъ Гибралтара
Исторїю для насъ писалъ,
И подвиги сего народа,
Безстрашныхъ воиновъ Крильона,
Которы подъ его покровомъ,
Какъ храбрые Алквиды шли. . .
Чтобы скорѣе возвратиться
Такъ, какъ они сперва пришли.
А ты, веселой Богъ смѣщливой!
Мои ты струны укрѣпи.
Когда о подвигахъ геройскихъ

Начнутъ Французы говорить:
Ихъ струны звонки ослабѣютъ,
И всѣ мечтанія прервутъ.
Но имя славна Еліота,
Иль лучше, имя громкой чести,
Воспѣто свѣтомъ удивленнымъ. —
Какимъ Французъ сіе воспѣлъ,
Такимъ же тономъ воспѣваю, и проч. и проч. (1)

Вы видите, любезный братецъ, что я намѣрена была надписать сіи забавные стихи на имя Сиръ Георга Еліота, которой читалъ ихъ на Французскомъ языкѣ; но, можетъ быть, онъ не такъ снисходителенъ къ слабымъ произведеніямъ моего стихотворенія, какъ вы,

(1) Остатокъ сихъ стиховъ, какъ Милади Кравенъ пишетъ, есть Пародія, сочиненная Французскимъ Офицеромъ, столь же поносна, низка и оскорбительна. Шутки такого худаго вкуса, развѣ понравиться могутъ простому народу; но навѣрно не полюбятся они ни одному изъ Французовъ, которые естьли бы еще хотя не много были поосновательнѣе: то можетъ быть посмѣялись бы имъ отъ добраго сердца.

вы, то и желаю лучше, чтобъ они были вамъ однимъ извѣстны.

---

## Письмо XVI.

*Гіеръ, 24 Августа, 1785 года.*

Я весьма удивляюсь, что больные, пріѣзжающіе на зиму въ южныя страны Франціи, не предпочитаютъ Гіеръ Монтъ-Пеліе и Нисѣ. Правда, что сей городъ можно почесть довольно уединеннымъ; но что я слышала о двухъ послѣднихъ, о вертопрахахъ, о переносщикахъ вѣстей, однимъ словомъ: о подлыхъ собраніяхъ, которыя тамъ царствуютъ; то думаю, что пребываніе въ ономъ должно быть вреднымъ для тѣхъ, у которыхъ нервы и такъ уже разслаблены болѣзнями. Воздухъ здѣсь чистъ и благорастворенъ. Острова, о которыхъ я къ вамъ писала, кажутся не болѣе отда-

даленными отсюда, какъ на три мили; а не такъ, какъ меня увѣряютъ, будто не менѣе двадцати одной. Всѣ съѣстные припасы здѣсь очень хороши, а особливо рыба; между прочимъ жанъ-дори и красной головль, которые очень жирны и вкусны. Я и по сіе время думала, что дори ничто иное, какъ у насъ называемая жесткая форель, а по Французски ее имя, рыба св. Петра; и какъ у насъ ее очень много, то она и считается ни за что. Здѣшніе жители всегда портятъ головлей тѣмъ, что вырѣзываютъ у нихъ печенки. — Земля, по своимъ произведеніямъ, предрагоцѣнная, и жаль ее застроивать; однакожъ въ городѣ есть довольно большіе домы, въ которыхъ могутъ жить нѣсколько семей.

Въ Гіерѣ очень рѣдко бываютъ дожди. Въ предмѣстіи сего города есть такія прекрасныя гулянья, какія только можно вооб-

ра-

разить; а особливо одно, находящееся не подалеку отъ дома Г. Глапіера де Сентъ-Тропеца. Этотъ дворянинъ, въ близкомъ разстояніи, имѣетъ преизрядную и между горъ простирающуюся долину, которую безъ всякихъ большихъ издержекъ могъ бы онъ сдѣлать наилучшимъ звѣринцемъ, посреди котораго протекала бы рѣка. По дождю, едваль когда перепадающему, не льзя заключить, будто здѣсь мало и зелени, или солнечный жаръ совсѣмъ засушаетъ померанцы. Жители сей счастливой земли весьма искусно умѣютъ въ свои сады и поля провесть и самые маленькіе, текущіе съ горъ ручейки, которыхъ здѣсь очень много; а по сему справедливо можно сказать, что они безпрестанно вознаграждаютъ въ дождевой водѣ недостатокъ, нужной для царства прозябаемыхъ, орошая ихъ своимъ теченіемъ.

Судя по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, естьли вы присовокупите къ нимъ еще и дешевизну въ съѣстныхъ припасахъ, которая должна быть важною для всякаго благоразумнаго путешественника: то согласитесь со мною, что въ Гіерѣ гораздо лучше и способнѣе жить больному въ зимнее время.

Письмо, котораго дожидалась, я получила; слѣдовательно тотчасъ поѣду въ Антибы, и есмь съ искреннимъ къ вамъ расположеніемъ ваша,

Е. К.

---

## Письмо XVII.

*Антибы, 28 Августа, 1785 года.*

Дорога изъ Антибы, по большей части, гориста и очень узка, что и принудило меня во весь этотъ проѣздъ сидѣть въ каретѣ.

На семъ пути я видѣла опытъ искусства древнихъ Римлянъ. Это тру-

труба, доставляющая въ городъ ключевую воду. Нѣкоторый Полковникъ, по имени д' Аквиллыи, вздумалъ ее починить и привесть въ прежнее употребленіе. Онъ претерпѣлъ много упрековъ и неблагодарности отъ тѣхъ, пользѣ которыхъ желалъ споспѣшествовать. Мнѣ однакожъ сказывали, что дворъ опредѣлилъ ему за то пенсію, и будто положено соорудить публичный памятникъ для преданія безсмертію патріотической его ревности. Мнѣ кажется, что одни только въ свѣтѣ Агличане столь усердны въ засвидѣтельствованіи всеобщей благодарности и въ воздаяніи достойнаго награжденія, ознаменующаго и по смерти заслуги славнаго мужа, которыя превосходные его таланты оказали его соотечественникамъ.

Естьлибъ сей портъ построили по плану, сдѣланному Вобаномъ: тобъ можно его почесть наилучшимъ изъ всѣхъ, находящихся

ся на средиземномъ морѣ. Въ теперешнемъ его состоянiи одни только тѣ корабли въ него входить могутъ, которые весьма легко нагружены.

Я наняла небольшее, длинное и узкое судно, о трехъ парусахъ странной фигуры и о десяти веслахъ. Въ семъ-то маленькомъ ботикѣ намѣреваюсь плыть до Ливорны. Въ послѣднихъ къ вамъ моихъ письмахъ я слишкомъ разхвалила померанцовые сады. Вы конечно подумаете, что я большую часть времени въ нихъ провела; но совсѣмъ напротивъ того; ибо они въ нѣкоторомъ разстоянiи хотя и кажутся прекрасными; однако не только непрiятно, да и неспособно въ нихъ прогуливаться. Въ Гiерѣ есть такой садъ, которой впрочемъ не весьма великъ, а приноситъ хозяину тысячу пять сотъ фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу: (1) По

(1) Около 36000 Турскихъ ливровъ.

По пріѣздѣ моемъ я ходила въ этотъ садъ. Столь драгоцѣнная подъ нимъ земля такъ вся усажена растѣніями, что даже нѣтъ мѣста и для аллей; почему и принуждена была ходить наклонившись подъ густыми померанцовыми деревьями, или лучше сказать, ползала, какъ пресмыкающееся животное.

Испанцы и Алжирцы недавно заключили между собою миръ. Меня заблаговременно предостерегли, чтобъ я своею отважностію не подверглась опасности попасть въ руки варварскихъ жителей; потому что сіи послѣдніе, не могши уже болѣе производить своихъ грабежей на Испанскихъ корабляхъ, стараются этотъ уронъ вознаграждать нападеніемъ и грабительствомъ всѣхъ другихъ Европейскихъ народовъ. Сколь впрочемъ они ни опасны для путешествующихъ; но я ни мало ихъ не боюсь, будучи совершенно увѣрена, что страхъ

страхъ неволи возпрепятствуетъ Италіанскимъ моимъ матросамъ далѣе, нежели сколько нужно будетъ, отставать отъ берега, дабы не сѣсть на мѣль, или чтобъ плаваніе и парусы не сдѣлать безполезными. Прощайте, милостивый государь мой.

## Письмо XVIII.

*Генуа, 1 Сентября, 1785 года.*

Вчера ввечеру я не поѣхала далѣе Монако, и осматривала старинной замокъ, построенной на вершинѣ каменной горы въ отвѣсъ съ моремъ. Принца здѣсь нѣтъ. Онъ пристроиваетъ гостиную къ своему дворцу, которая для него весьма нужна. Такъ какъ сей замокъ построенъ въ древнемъ и неправильномъ вкусѣ: то онъ взялъ съ собою, какъ я слышала отъ его людей, въ Парижѣ самыя лучшія картины. Мнѣ показывали гипсо-

совой карнизъ, сдѣланный по Адамову рисунку, которой почитали за любопытную рѣдкость; но мнѣ показался онъ совсѣмъ напротивъ; ибо у насъ въ Англіи есть такого роду карнизы почти во всѣхъ залахъ. Входъ въ сіи комнаты сохраняетъ еще остатки прекрасныхъ фресковыхъ живописей. Комната, въ которой умеръ бѣдной Іоркской Герцогъ, такъ скучна и печальна, что я никогда еще такой не видала. Самая даже постеля имѣетъ печальный видъ; и естьли правду сказать, то всѣ покои темны и скучны. — Принцъ имѣетъ на этомъ берегу три дворца, въ маломъ разстояніи одинъ отъ другаго, и въ каждомъ изъ нихъ живетъ попеременно. Ихъ называютъ Монако, Монтъ-Кобронъ и Ментонъ. Земля на семъ островѣ весьма неплодородна; отъ чего конечно и произошло Италіанское двустишіе, которое мои перевозщики такъ часто повторяли, ѣдучи

въ Монако, что никогда не могу его забыть: и потому здѣсь помѣщаю:

*Монако каменно не сѣетъ и не жнетъ;*
*Трудами ближняго всегда оно живетъ.*

Мнѣ еще болѣе сказали, что часть Принцова доходу состоитъ изъ подати, которую малые корабли, ѣдущіе изъ Франціи въ Италію, ему платятъ, выключая однакожъ изъ нихъ большіе Французскіе, которые свободны отъ сего налога. Для требованія Принцу подати, я ничего инаго не видала, кромѣ маленькой лодочки или шлюбки, находящейся въ всегдашней готовности въ гавани. Она, какъ меня въ томъ увѣряли, гоняется за тѣми, которые не хотятъ платить требуемой подати. Въ годъ и три мѣсяца, и при томъ еще въ разное время отсюда по нѣскольку посылалось во Францію оружія и военныхъ припасовъ для 40 тысячь человѣкъ. Монакской

Принцъ

Принцъ своею женидьбою, своимъ родствомъ, дружествомъ съ Французскими фамиліями и частыми своими путешествіями въ Версалію сдѣлался, какъ я думаю, простымъ орудіемъ сего двора, хотя впрочемъ онъ и Государь. Сіи тайныя военныя пріуготовленія здѣсь весьма выгодно расположены для Италіи; ибо для переѣзду отъ Монако до какой нибудь Италіанской гавани къ Сѣверу Ливорны не болѣе требуется сутокъ. Здѣсь-то я почувствовала всю пользу дорожной моей кровати; ножки ее поставлены въ жестяные и наполненные водою сосуды, а флеровый чехолъ, которымъ она закрывается, защищаетъ меня сонную отъ комаровъ и мошекъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ плыть на Аглинской, хорошо снаряженной и покойной яхтѣ, съ четырью, или пятью разумными людьми, въ Италію под-

 лѣ

лѣ береговъ. Такимъ-то образомъ я продолжаю теперь мое путешествіе. Въ глазахъ у меня прекрасный видъ. Ниса, на которую проѣзжая, смотрѣла, представляетъ мнѣ прелестную картину. Болѣе всего, небо такъ ясно, что кажется, будто все споспѣшествуетъ сдѣлать сіе плаваніе пріятнѣйшимъ. Но увы! очень справедливо, что говорилъ покойный Лордъ Д*** о ботѣ, что какъ скоро изъ него выдешь, то всегда чувствуешь все движущимся. Лишь только солнечный жаръ станетъ уменьшаться, и вечеръ начнетъ наступать, то Италіанскіе матросы подымутъ ужасной крикъ. Правда, голоса ихъ не имѣютъ гармоніи; но часто наскучиваютъ; ибо цѣлые два часа, или болѣе, они всѣ поютъ какіе нибудь духовные гимны, изрѣдка примѣшивая къ нимъ веселыя пѣсни; и такимъ пѣніемъ вечерняя тишина, вездѣ, а особливо

на

на морѣ, склоняющая человѣка къ размышленію, или къ разговорамъ, перерывается веселостію сихъ бѣдныхъ матросовъ. Теперь я нахожусь въ очень хорошемъ трактирѣ, называемомъ, *золотой олень*, и все, что представляется глазамъ моимъ, столь различно отъ того, что я по сіе время видѣла, такъ что сижу подъ окошкомъ, разинувъ ротъ, какъ молодая провинціальная госпожа, пріѣхавшая въ первой разъ въ жизни своей въ Лондонъ.

Естьли я найду что нибудь достойное васъ, то вы конечно получите на вашу долю. Желаю вамъ и *** добраго вечера, и есмь отъ всего моего сердца.

Ваша усердная

Е. К.

## Письмо XIX.

*Генуа, 16 Сентября, 1785 года.*

Мѣстоположенiе сего города очень странно. Море и высокiя горы очень его стѣснили. Церкви, монастыри и сады такое множество занимаютъ мѣста, что прiѣзжающiе сюда торговать купцы, съ трудомъ находятъ себѣ квартиры. Домы очень прекрасны, но такъ высоки, а улицы такъ узки, что естьли бы захотѣлось кому видѣть фасаду сихъ зданiй, то непремѣнно надобно лечь на спину посереди улицы. Я ничего и никогда не видала поистиннѣ великолѣпнѣе нѣкоторыхъ изъ сихъ замковъ, въ которыхъ пиластры и лестницы всѣ мраморные. Вы можете судить о крѣпости и прочности сихъ зданiй; инымъ изъ нихъ отъ 7 до 800 лѣтъ. Я видѣла такую лестницу, которая въ отдѣлкѣ стоила 20000 фунтовъ стерлин-

линговъ. Охотники до превосходной живописи конечно могутъ сюда пріѣзжать съ вѣрною надеждою. Прекрасныя картины украшаютъ большую часть здѣшнихъ домовъ, и въ нѣкоторыхъ есть полныя и очень рѣдкія собранія. Въ такомъ случаѣ для удовольствованія любопытства посѣтителей напечатанъ реэстръ, съ которымъ обойти можно всю галлерею; что нѣсколько разъ я сама дѣлала съ несказаннымъ удовольствіемъ. Въ одномъ изъ Брильонскихъ дворцовъ есть двѣ Вандиковы картины, которымъ, думаю, нѣтъ цѣны. Одна представляетъ человѣка, сидящаго верхомъ на сѣрой лошади; другая его жену. Картины этѣ написаны во весь ростъ. Видъ и черты лица сей послѣдней имѣютъ съ совершенною нѣжностію пріятность и красоту, которыя ознаменуютъ живое воображеніе и искусство сего славнаго мастера.

Все великолѣпіе Генуезцевъ состоитъ въ ихъ домахъ: ибо законы противъ излишнихъ расходовъ запрещаютъ имъ носить золото на своихъ платьяхъ, на ливреяхъ и употреблять на каретахъ. Главное увеселеніе Генуезскихъ госпожь составляютъ вечерніе прогулки въ портшезахъ съ однимъ, или многими кавалерами, сопровождаемыми множествомъ ихъ лакѣевъ. У нихъ также почитается за обыкновеніе имѣть, кому состояніе позволяетъ, одинъ или нѣсколько загородныхъ домовъ; но сіи домы, которые они симъ именемъ называютъ, ничто иное какъ маленькія бесѣдки, наподобіе птичниковъ, построенныя на вершинахъ выдавшихся каменныхъ утесовъ. Сіе самое подало мнѣ мысль ни мало неудивительную о сей странѣ. Жители вообще, кажется, что не здоровы. Женщины, по своему обыкновенію, носятъ какое-то называемое *Меззаро.* Это черной шелко-

ковой, или китайчетой такого же цвѣта лоскутъ матеріи, длиною около двухъ локтей, которымъ покрываютъ себя, голову и плеча, такъ какъ мантиліею. Этотъ нарядъ имѣетъ пріятность и необычайную ловкость, естьли только хорошо наденешь. Онъ всякой женщинѣ служитъ способомъ, или скрывать недостатки въ красотѣ, или имѣть пріятности свои въ открытомъ и прелестномъ видѣ. Онѣ, по своему произвоченію, могутъ закрывать глаза, ротъ, шею, лобъ, бороду, и при такомъ своемъ искусствѣ позволяютъ видѣть только то, что имъ хочется. *Меззаро* доставляетъ также женщинамъ и то удобство, что онѣ могутъ прогуливаться однѣ по городу, не будучи ни кѣмъ почти узнаваемы; оно впрочемъ очень пристало тѣмъ только особамъ, у которыхъ глаза и плеча хороши.

Въ городѣ двѣ только есть такія улицы, по которымъ мо-

гутъ ѣздить кареты. А естьли надобно перейти изъ одного мѣста въ другое, то обыкновенно ходятъ пѣшкомъ, или въ портшезахъ. Головной уборъ и прическа волосъ у простонародныхъ женщинъ мнѣ очень не понравились. Волосы ихъ заплетены косою и приколоты на макушкѣ булавкою. Вообразите, какую отвратительную фигуру должна имѣть старая женщина въ такой прическѣ, у которой на головѣ только три сѣдые волоса!

Не могу понять, какъ сія Республика, нѣкогда процвѣтающая, не смотря на богатство нѣкоторыхъ благородныхъ фамилій, сама ежедневно налагаетъ на себя Французское рабство, и дѣлается страждущимъ орудіемъ ея политики. Многіе Генуезскіе дворяне берутъ въ супружество дѣвицъ изъ Французскихъ фамилій, и посредствомъ сего глупое и подлое расточеніе, царствующее при дворахъ, скоро

по-

поглощаетъ какъ богатство, такъ и патріотическія ихъ мысли. Корсика есть печальное доказательство сей истинѣ.

Я имѣла два письма въ Генуу къ благороднымъ: одно къ Господину, а другое къ Госпожѣ. Послѣдняя, какъ мнѣ сказали, умерла; а перваго здѣсь нѣтъ; и такъ никому и нигдѣ о себѣ не сказала. Не смотря на сіе, я располагаюсь прожить здѣсь столько времени, сколько потребно будетъ, чтобъ осмотрѣть только церкви и картины. Сколь бы впрочемъ ни лестно для меня было узнать обычай и родъ жизни Генуезскихъ дворянъ; но я совсѣмъ не такихъ мыслей, чтобъ дѣлать и принимать визиты, и ѣздить къ Посланникамъ на обѣды.

Въ одной изъ церквей сего города я видѣла Богоматерь, держащую на рукахъ Христа, сдѣланную изъ чернаго мрамора. Изображеніе сіе въ этомъ цвѣтѣ весь-

ма

ма меня удивило. Странно также для меня кажется, для чего позволяютъ стоять сему образу въ храмѣ; можетъ быть для того, чтобъ Негровъ обращать въ Христіанство.

Я ходила осматривать галеры. Здѣсь видѣла превеликое множество прекрасныхъ картинъ. Сколь сіи меня возхитили, столь при воззрѣніи на тяжкіе узы и на существа мнѣ подобныя, осужденныя на нѣсколько лѣтъ страдать въ ужасномъ рабствѣ, сердце мое поразилось печальнѣйшимъ и неизобразимымъ чувствованіемъ; но при всей этой жестокости они не признаютъ себя нещастными. —

Я думаю, что наказаніе такого рода въ нѣкоторыхъ случаяхъ гораздо бы чувствительнѣе и полезнѣе было смертной казни; но судя по этой одной мысли, чувствую, что такое рабство должно быть для Агличанина ужаснѣйшимъ страданіемъ.

Вче-

Вчера два Алжирскіе невольника вошли ко мнѣ въ комнату, и принесли туфли, которые они продаютъ. Старшій хотя лицемъ и черноватъ; но имѣетъ столь пріятной и преблагородной видъ, какой только я видала. Двадцать пять лѣтъ, какъ уже онъ въ неволѣ; ему позволяютъ ходить одному по городу безъ обыкновенной стражи, которую составляетъ одинъ человѣкъ, вооруженной толстою палкою, и повсюду сопровождающій невольниковъ, скованныхъ по два, и такимъ образомъ таскающихся по городскимъ улицамъ.

Размышляя о судьбѣ сего несчастнаго старика, котораго все преступленіе состоитъ только въ томъ, что ему суждено быть военоплѣннымъ, я не могла удержаться отъ слезъ. Поступки, тѣлодвиженія, взгляды, слова, все въ немъ благородно, и убѣдительно заставляетъ соучавствовать въ его жребіи. Я весьма желала бы имѣть столь-

столько силы и довѣренности у Дожа и Генуезскихъ Сенаторовъ, дабы испросить ему вольность и обратно отослать его въ Алжиръ.

Сіи живыя картины очень мрачны и поразительны. Чтобъ развлечь мысли, ими занявшіяся, я возвращаюсь опять къ тѣмъ, которыя разсматривала съ удивленіемъ въ домахъ, гдѣ прежде сего была. Признаюсь, что я съ удовольствіемъ бы провела здѣсь три зимніе мѣсяца, дабы разсмотрѣть ихъ удобнѣе и списать съ нѣкоторыхъ копіи. Мнѣ показывали тотъ самой бюстъ Вителлія, за которой, какъ меня увѣряли, Герцогъ Марльборугъ давалъ золота, вѣсомъ противъ онаго. Сумма эта конечнобъ очень была велика; потому что этотъ бюстъ такъ тяжелъ, что потянетъ противъ двухъ такихъ мраморныхъ статуй. Это предложеніе дѣлаетъ великую честь вкусу Герцога, которой плѣнился симъ совершеннымъ произведеніемъ;

а брагородный отказъ въ продажѣ ему онаго, не менѣе доставляетъ хозяину похвалы, которой навѣрно оправдалъ то, что онъ умѣетъ цѣнить прекрасныя вещи.

У меня есть рѣдкая темногнѣдая Сюффольская лошадь, за которую столько могу взять денегъ, сколько захочу. Конюшня наполнена всегда народомъ, которой приходитъ ее смотрѣть. Многіе Генуезцы, кажется, очень недовольны, что не соглашаюсь ее имъ продать; но я берегу хорошую верховую лошадь для себя, какъ такую вещь, которую очень трудно найти, да и не могу понять, какъ можно ее лишиться.

Прощате, милостивый государь мой, и будьте увѣрены, что я всегда ваша искренняя.

Пись-

## Письмо XX.

*Пизскія бани, 17 Сентября, 1785 года.*

Я опять было отправилась въ Ливорну на маленькомъ суднѣ; но противные вѣтры и необыкновенная тишина такъ мнѣ наскучили, что я пристала въ маленькой Италіанской гавани, называемой, Віа — Регіа. Опроставъ свою карету, я пріѣхала сюда по сухому пути. Въ продолженіе сей дороги я ѣхала сквозь большой дубовой лѣсъ, принадлежащій великому Герцогу. Большая часть изъ сихъ дубовъ очень толсты и весьма кажется способны для всякаго строенія. Какъ скоро я объ нихъ спросила: то мнѣ сказали, что этотъ лѣсъ не имѣетъ ни той крѣпости, ни той доброты, какую имѣютъ наши Аглинскіе дубы; и что сіе не отъ чего другаго происходитъ, какъ отъ вліянія на нихъ здѣшняго климата.

Въ

Въ одинъ день, ходя по комнатамъ одного изъ лучшихъ Генуезскихъ домовъ, я не могла удержаться, чтобъ не сдѣлать нѣкоторыхъ примѣчаній въ разсужденіи недостатка въ соединеніи и порядкѣ, какъ сихъ двухъ главныхъ правилъ, на которыхъ основанъ доброй вкусъ; а особливо всегда виденъ какой-то чувствительный недостатокъ въ платьяхъ и всякаго рода уборахъ всѣхъ Европейскихъ народовъ. Такимъ образомъ я прошла чрезъ нѣсколько комнатъ, расположенныхъ прямо въ длину, изъ которыхъ одна другой великолѣпнѣе; и наконецъ вошедши въ спальню хозяйки, я увидѣла ее наряды, которые она, ложась спать, сняла съ себя и положила на столикъ, поставленной подлѣ ея постели. Это было платье, браслеты и серги. При самой очевидной истиннѣ не могу совершенно увѣриться, чтобъ деревенскія дѣвушки, одѣтыя въ свои праздничные

наряды, согласились носить такія простыя и ничего незначущія вещи. Наслѣдница сего знатнаго дома, двухлѣтняя дѣвочка, одѣтая въ толстомъ цвѣтномъ платьѣ, приняла меня съ дружескою ласкою, и ходила за мною по всѣмъ комнатамъ.

Все это представляло такую странную разноту съ красотою того дома, въ которомъ я была, что тотчасъ привела себѣ на память нѣсколько такихъ примѣровъ, которые я видѣла во время моего путешествія по Франціи. Тамъ, чтобъ войти въ самую великолѣпную гостиную, принуждены бываютъ сперва пробѣжать неопрятную переднюю комнату, въ которой надобно подобрать платье, чтобы не внесть съ собою грязи въ гостиную. На улицахъ иногда попадаются богатыя кареты, кучеръ и лакѣи одѣты въ прекрасныя и дорогія ливреи; а что касается до лошадей и упряжки, то первыя ничто

что иное, какъ мерзкія клячи; а хомуты на нихъ такъ хороши, что въ Англіи и извощикъ постыдился бы надѣвать такіе на своихъ лошадей. — Въ Парижѣ печныя черныя трубы, выведенныя близко окошекъ, или подлѣ карниза, портятъ фасаду самыхъ великолѣпныхъ домовъ.

Чтобъ истинно увѣриться въ существованіи такихъ неправильностей, стоитъ только ихъ увидѣть. Опрятность у насъ для всякаго почитается первымъ предметомъ; а за сими слѣдуетъ благопристойность. Я совершенно увѣрена, что соединеніе сихъ двухъ преимуществъ заставляетъ всѣхъ чужестранцевъ, имѣющихъ просвѣщенной вкусъ и знанія, почитать пребываніе въ Англіи столь пріятнѣйшимъ.

Великій Герцогъ и Герцогиня теперь находятся здѣсь; почему ихъ присутствіе есть главною причиною, что наемные домы очень

рѣдки; ибо всѣ тѣ, которые обыкновенно отдаются въ наймы, занимаютъ они, или ихъ свита. Я нанимаю для себя понедѣльно довольно хорошій домъ.

Пизскія бани построены Римскими Императорами; онѣ содержатся въ наилучшемъ состояніи; отъ чего и не удивительна дорогая цѣна, которую платятъ, чтобъ въ нихъ купаться. Во дворцѣ есть публичная зала, въ которую собирается около девяти часовъ вечера многолюдная компанія. Днемъ бываетъ чрезмѣрной жаръ. Всѣ Италіанцы послѣ обѣда ложатся спать; въ шесть часовъ встаютъ, одѣваются, по томъ ходятъ на гулянье и собираются въ эту большую публичную залу. Вчера ввечеру я нечаянно встрѣтилась на дорогѣ съ великою Герцогинею, которая шла съ одною дамою; а какъ за ними былъ одинъ только лакей въ сѣринькой ливреѣ, то я едва могла повѣрить, чтобъ это была сама Герцогиня. —

Она

Она посмотрѣла на меня пристально и поклонилась мнѣ очень учтиво; я съ своей стороны отвѣчала ей тою же учтивостію; и какъ скоро на нее взглянула, то удивительное сходство съ покойною моею двоюродною сестрое Милади I * * * — весьма меня поразило.

Во весь вечеръ мнѣ безпрестанно дѣлали вопросы о моей арфѣ. — Я догадываюсь, что въ Италіи арфа съ педалами есть очень рѣдкая вещь. Она заставляетъ всѣхъ отдавать Агличанкѣ такое почтеніе, которое можно назвать обожаніемъ. Купцы и деревенскіе мужики пристально смотрятъ мнѣ въ лице, и говорятъ (*Cara, Cara Inglese, любезная, любезная Агличанка!*

Здѣшнія бани очень здоровы для страждущихъ параличемъ и припадками, за ними слѣдующими, какъ то: подагры, грыжи, руматизма и другихъ болѣзней. Пиза и Лука недалеко одна отъ другой. Великій Гер-

цогѣ предпочитаетѣ Пизу Флоренціи. Я думаю, что больному весьма полезно и пріятно здѣсь жить цѣлую зиму. Это письмо оканчиваю сердечнымѣ желаніемѣ, чтобѣ вы никогда не умножали числа сюда пріѣзжающихѣ лечиться, а были бѣ всегда здоровы. Сѣ сими чувствованіями я есмь и проч.

---

## Письмо XXI.

*Пизскія бани, 15 Сентября, 1785 года.*

Пизу я объѣзжала вѣ каретѣ. Сія прогулка много доставила мнѣ удовольствій. Соборная церковь, купель и Кампо-Санто одни заслуживаютѣ, чтобѣ любопытные Агличане пріѣхали сюда ихѣ смотрѣть. Наклоненная башня, которую вы конечно видѣли, или по крайней мѣрѣ слыхали, есть одно убѣдительное между прочими другими доказательствами тому, что во всѣ времяна странности неправиль-

нагo

наго воображенія почитались хорошимъ вкусомъ. Она имѣетъ видъ вставокъ или наборовъ, взятыхъ изъ разныхъ орденовъ Архитектуры, употребленныхъ во всякомъ ряду колонъ, которыя поставлены однѣ надъ другими отъ самаго низу до верьху. По мнѣнію любителей древности, которые утверждаютъ, что башня, нарочно построенная наклоненною, представляетъ усиліе человѣческаго искусства; или они обманываются, или хотятъ обмануть легковѣрныхъ. Очень много причинъ, заставляющихъ думать, что земля осѣла подъ ея тяжестію, и одно между прочимъ очень вѣроятно; ибо, по моему примѣчанію, первый рядъ колонъ болѣе половины опустился въ землю. Башня сія отдѣлена отъ другихъ зданій.

За нѣсколько шаговъ отъ башни находится Соборъ, въ которой я вошла въ мѣдныя привезенныя изъ Іерусалима двери; на нихъ изображена лѣпною работою жизнь

Іисуса Христа. Но на мой вкусъ, для меня кажется предпочтительнѣе имъ одна изъ рамъ, которая сдѣлана напротиву положенныхъ имъ дверяхъ; ибо нынѣшняя лѣпная работа Іоанна Болонскаго жива и наполнена пріятности и естественности; напротивъ того древняя совсѣмъ похожа на рѣзную или выдѣланную простымъ плотникомъ. На одной колоннѣ, внѣ церкви, поставлена прекрасная урна. Прежде сего ее показывали какъ тотъ самой сосудъ, которымъ нѣкогда мѣряли подать, платимую Кесарю; но нынѣ сіе оставлено; а извѣстно только, что она содержала въ себѣ прахъ знатной какой нибудь особы. У дверей этой же Соборной церкви поставлена также прекрасная гробница, сооруженная вмѣсто монумента Графинѣ Матильдѣ, владѣтельницѣ сей земли, той самой Принцессѣ, которая, какъ говорятъ, по своей набожности, очень много увеличи-

ла

ла великолѣпіе сего зданія своими подаяніями; но самыя любопытныя рѣдкости вЪ сей церкви тѣ самые остатки, которые доставили крестовые походы. ЧтобЪ вамЪ имѣть точное и подробное описаніе всего, что находится вЪ этомЪ пространномЪ и великолѣпномЪ храмѣ достойнаго любопытства, вы то же обЪ этомЪ узнаете во многихЪ книгахЪ, его описывающихЪ.

По краткости времени, я сообщаю вамЪ нѣкоторыя только примѣчанія. Главный олтарь весь почти сдѣланЪ изЪ лазуреваго камня. ВЪ Соборѣ есть картины превосходной работы; но вЪ немЪ такЪ темно, что не льзя ихЪ хорошо разсмотрѣть. ВЪ заднемЪ углу стоитЪ великолѣпное надгробіе, сооруженное вЪ память Императора Генриха VII, котораго отравилЪ ДоминиканецЪ, его причащавшій.

ИзЪ Собора я пошла смотрѣть купели, которыя вЪ недальномЪ отЪ него разстояніи. Сіе зданіе

походитъ на прекрасный колоколъ. Первый и вторый рядъ колонъ, одинъ надъ другимъ поставленной, сдѣланы во вкусѣ хорошей архитектуры; но какъ художникъ, которой велъ фасаду, умеръ не оставя ни плана, ни рисунка: то верхняя часть докончана въ готическомъ стилѣ и весьма дурно совершена. Внутри входа въ сіе зданіе есть гранитовыя колонны удивительной красоты. Купель сдѣлана изъ бѣлаго мрамора и весьма велика. Прекрасная рѣзьба во вкусѣ мозайки украшаетъ ее наружность разными рамами, въ которыхъ рисунки такъ различны, что нѣтъ даже двухъ точно одинакихъ. Кафедра также рѣзная и совершенной работы. Она представляетъ группу людей, которые, какъ увѣряютъ, дѣланы съ натуры, хотя многіе изъ этихъ лицъ показываютъ смѣшныя каррикатуры. Нѣкоторые безчеловѣчные путешественники посломали съ нихъ

мно-

много головъ, а сіе не трудно сдѣлать сильному человѣку; ибо этѣ головы не много болѣе кулака. Сіе описаніе, по моему мнѣнію, можетъ вамъ дать справедливое понятіе о ихъ величинѣ.

Кампо-Санто, какъ говорятъ, сдѣлано изъ земли, привезенной изъ Іерусалима. Она прежде имѣла столь удивительное свойство, что въ одни сутки мертвыя тѣла, въ немъ погребаемыя, згнивали. Оно доселѣ было кладбищемъ, въ которомъ похоронялись Пизскіе дворяне, пока городъ сей былъ цвѣтущею республикою. Нынѣ совсѣмъ это отмѣнено. — Кампо-Санто есть длинный паралелограмъ, находящійся внутри монастыря. Длина его содержитъ триста пятьдесятъ футовъ. Въ срединѣ положена святая земля, вокругъ ее возвышаются готическіе аркады, съ дверями и окнами. Иные почтутъ, по удивительной легко-

сти

сти и простотѣ, будтобъ сіи аркады поддерживаются какою нибудь магическою силою. Естьли бы что могло заставить меня находить пріятности въ готикѣ, я конечно бы отдала честь искусству сихъ аркадъ. Выходя изъ монастыря, я видѣла на противоположенной и обштукатуренной стѣнѣ остатки превосходной живописи, (à fresque) а Фреско. Сей гипсъ, или штукатура, во многихъ мѣстахъ хотя повредилась; но видны еще первыя черты живописи на стѣнѣ, которую расписывали прежде, нежели она была обштукатурена. Это кажется совсѣмъ невозможнымъ; потому что подмазка всегда бываетъ толста, и никогда не можетъ быть прозрачною; однакожъ естьли должно вѣрить тому, что мнѣ объ ней сказывали, то красныя линѣи, находящіяся подъ оною, и сдѣланныя, по моему мнѣнію, изъ обыкновеннаго краснаго карандаша, сдѣланы изъ удивительнаго состава, ко-

которой прошелЪ тогда еще сквозь штукатуру, когда она была сыра, и доселѣ сохраняетЪ слабыя черты. Я согласна, что сей составЪ есть одинЪ основательный способЪ изЪяснить такой родЪ феномена. ВпрочемЪ сіи черты показываютЪ смѣлость и искусство руки, столь превосходныя вЪ живописи, что я весьма бы желала, дабы вся штукатура отпала, и тогдабЪ я могла разсмотрѣть весь рисунокЪ. КакЪ я ѣхала по городу домой, тогда мнѣ указали ту отвратительную и странной фасады башню, вЪ которой Юголино сЪ невинною своею фамиліею умерли сЪ голоду. Разсматривая сію башню, я подумала, что естьли бы такая же участь опредѣлена была вЪ наши дни всякому человѣку, не старавшемуся ревностно о спасеніи своего отечества, тогдабЪ скоро можно было набрать цѣлой полкЪ изЪ однихЪ поваровЪ, принужденныхЪ оставить свою должность.

Здѣсь

Здѣсь по всѣмъ улицамъ растетъ трава. Довольно того сказать, что сей городъ лишился прежняго своего великолѣпія, которой нѣкогда былъ удивленіемъ для цѣлаго свѣта.

Въ монастырѣ Кампо-Санто есть много такихъ мавзолеевъ, которые стоятъ того, чтобъ на нихъ посмотрѣть. Одинъ сооруженъ Прусскимъ Королемъ въ память Графа Алгаротти. Подробное описаніе и имена сихъ памятниковъ я почитаю излишнымъ, а о тѣхъ только даю вамъ понятіе, которые какъ я нашла достойными вниманія, такъ, думаю и вы, когда случай заставитъ васъ здѣсь побывать, не лишите и своего. Мнѣ также показывали на улицахъ много любопытныхъ статуй и мраморныхъ колоннъ. Онѣ занимали меня до тѣхъ поръ, какъ наступающая ночь дала мнѣ почувствовать, что пора уже возвращаться домой.

Про-

Прощайте, милостивый государь мой, и будьте увѣрены, что я всегда ваша искренняя.

---

## Письмо XXII.

*Пизскія бани, 20 Сентября, 1785 года.*

Вскорѣ послѣ моего послѣдняго къ вамъ письма я ѣздила въ Лукку. Сей городъ находится при рѣкѣ Серчіо въ долинѣ, съ наименованіемъ Industriosa; ибо здѣсь празднолюбцы не терпимы. Весь здѣшній округъ простирается на 16 миль длины, считая отъ Сентъ-Пиллегрина до Пизскихъ горъ, и 19 отъ Вія — Регія до Порквето, коего половина принадлежитъ къ Тосканскому владѣнію.

Лукка очень хорошо укрѣплена. Народъ, безпрестанно идущій толпами по улицамъ, и богатство, видное во всемъ мѣщанствѣ, дока-

казываютЪ силу ихЪ девиза. Масло здѣсь самое лучшее. Церковь, которую мнѣ показывали, ничего почти не имѣетЪ достойнаго примѣчанія, кромѣ придѣла, коего кругловатый видЪ для глазЪ пріятенЪ. — ВЪ ней есть четыре Апостола, весьма рѣдкія изображенія. Сей придѣлЪ, освященной во имя Богородицы, будто весь сюда перенесенЪ, какЪ мнѣ сказывали, вЪ одну ночь изЪ другой церкви, вЪ недальномЪ разстояніи отЪ нея находящейся. ОбразЪ Богородицы, представленной во всемЪ человѣческомЪ видѣ, мнѣ не удалось хорошенько разсмотрѣть; онЪ покрытЪ флеромЪ. Я видѣла на ногахЪ ея золотыя туфли, а подлѣ нихЪ черепЪ одного изЪ СенаторовЪ этой республики, котораго повѣсили за то, что укралЪ было одну туфлю, хотя впрочемЪ вЪ оправданіе свое онЪ и говорилЪ, будто бы Она сама ее бросила ему на голову во время его молитвЪ, вЪ которыхЪ онЪ

про-

просилЪ ее о умноженіи его богатства. ВЪ трактирѣ я видѣла М***. Я конечнобЪ его не узнала, естьлибЪ онЪ самЪ ко мнѣ не подошелЪ; потому что лице его совсѣмЪ перемѣнилось. Музы едвали склонны кЪ замужству; однакожЪ онЪ женился. СпособЪ, какимЪ обыкновенно разсаживаютЪ здѣсь виноградЪ, имѣетЪ нѣчто романическое и пріятное. На низкихЪ мѣстахЪ онЪ вьется около деревЪ, окружающихЪ площадку, и виситЪ фестонами сЪ одного дерева на другое.

Быки здѣсь отмѣнной породы, весьма толсты и свѣтлосѣрые. Я видѣла пару такихЪ быковЪ, запряженныхЪ вЪ плугЪ и обработывающихЪ одну небольшую часть поля, назначенную для посѣву, а на другой уже расло превеликое множество дынь, оливковыхЪ и фиговыхЪ деревьевЪ. — Меня увѣряли, будто солнечные лучи здѣсь такЪ знойны и проницательны, что скоро созрѣваютЪ плоды, растущіе вЪ

густотѣ древесныхъ вѣтвей. Естьли это справедливо, то здѣшніе жители мало стараются, или совсѣмъ не имѣютъ вниманія, чтобъ было у нихъ хорошее вино; ибо здѣсь ни гдѣ почти не льзя найти вкуснаго, натуральнаго и спѣлаго вина.

Я не знаю, по какой причинѣ многіе Италію называютъ прекрасною страною. Недостатокъ хорошихъ деревъ и дерна представляетъ видъ ея вообще непріятнымъ. Естьли бы путешественники захотѣли кого увѣрять, что страстный любитель художествъ повсюду найдетъ въ Италіи такіе предметы, которыми занимаясь съ удовольствіемъ, проведетъ время: то сію похвалу безъ сумнѣнія должны почесть справедливою и вѣрною; но когда они говорятъ въ восхитительномъ пристрастіи, что Италія прекраснѣйшая въ свѣтѣ страна, тогда навѣрное можно сказать,

что

что обольщаютъ тѣхъ, которые имъ повѣрятъ такъ какъ и я.

Естьли дама поѣдетъ здѣсь верьхомъ въ женскомъ боковомъ сѣдлѣ, она всѣхъ заставитъ себѣ удивляться. Крестьяне, попавшіеся мнѣ на встрѣчу, когда я ѣхала верхомъ, а особливо крестьянки, кричали мнѣ: *Poverina! Iesu Maria! Povera! una gambia*: (*бѣдняшка! Боже мой! бѣднинькая, съ одною ногою*;) потому что видя меня сидящую въ сѣдлѣ, они думали, будто у меня одна только нога. Взоры ихъ, означающіе соучастіе и жалость, заставляютъ меня смѣяться; а они примѣтя, что я имъ смѣюсь, начали кричать: *Cara!* Чрезъ два, или три дни, я поѣду въ Флоренцію, откуда буду къ вамъ писать. Признаюсь, что желаю съ нетерпѣніемъ видѣть Медиційскую Венеру и Ніобино семейство. Я ни мало не завидую великому Герцогу въ его Государствѣ; но чтожъ касается до собранія его совершенныхъ произведеній, признательно

скажу, что я желала бы съ нимъ ихъ раздѣлить.

Прощайте, я есмь ваша усердная.

---

## Письмо XXIII.

*Флоренція, 28 Сентября, 1785 года.*

Тѣмъ хуже для васъ, естьли вы ожидаете отъ меня умнаго письма. Такъ какъ я провела цѣлые три дни, удивляясь статуямъ и картинамъ, то и не знаю, какъ вамъ описать то, что я чувствовала.

Скажу только вамъ, когда я бываю въ галлереѣ, тотчасъ забываю все, что существуетъ на земномъ шарѣ, и наслаждаюсь чистымъ и единообразнымъ благополучіемъ; и естьли когда нибудь въ жизни моей я сожалѣла, имѣя разборчивой вкусъ: теперь напротивъ тому радуюсь. Днемъ и ночью представляются мнѣ однѣ только статуи, и какъ скоро я ихъ оставляю, до

тѣхъ

тѣхъ поръ мысли мои занимаются ими, пока ихъ опять не увижу. Это мечтаніе такъ сильно и продолжительно, что я непремѣнно должна повторять въ своемъ воображеніи тѣ же самые предметы, чтобъ болѣе съ ними познакомиться. Чтобъ позабавить васъ, я хочу разсказать вамъ двѣ маленькія исторіи, случившіяся со мною; онѣ докажутъ вамъ, что я умѣла сохранить свое благоразуміе и веселой нравъ и въ такихъ притомъ обстоятельствахъ, которыя бы другихъ женщинъ встревожили и оскорбили. Изъ Пизскихъ бань я поѣхала 23 числа послѣ обѣда. Карету и людей послала напередъ за двѣ станціи; а сама поѣхала верьхомъ съ однимъ лакеемъ. На половинѣ дороги встрѣтился со мною молодой человѣкъ въ Англинскомъ фаетонѣ. Аглинская моя лошадь и боковое сѣдло конечно произвели въ немъ любопытство. Смотря на меня, онъ сперва ѣхалъ тихо; но по-

слѣ узнавъ обо мнѣ отъ моего слуги, хотѣлъ поровняться со мной; но какъ я прытко ѣхала, то и онъ, не хотя отстать отъ меня, такъ стремительно пустился за мною, что едва я успѣла поворотить лошадь свою въ вороты. Сей дворянинъ, не могши такъ скоро удержать своихъ лошадей, проскакалъ мимо меня; но желая непремѣнно видѣть мое лице, поворотилъ, и потихоньку ѣхалъ мнѣ на встрѣчу. Такой его поступокъ показался мнѣ столь неблагопристойнымъ, что я рѣшилась не показывать ему себя. Для чего и просила тѣхъ, которые за мною ѣхали, чтобъ они мнѣ вездѣ слѣдовали; а сама тотчасъ поворотила на лѣвую сторону фаетона, надвинула на себя, какъ можно глубже, свою шляпу, и наклонила голову, чтобъ любопытный неучтивецъ ни мало не могъ меня разсмотрѣть. Лошадь моя, какъ хорошій бѣгунъ, до тѣхъ поръ скакала, пока гнался за мною этотъ

любопытной неучтивецъ; а какъ я уѣхала изъ его виду, то и остановилась въ откупщиковомъ дворѣ, въ которомъ простояла до тѣхъ поръ, пока фаетонъ не проскакалъ далѣе. Такимъ-то образомъ я доѣхала до своей кареты; а любопытный господинъ не могъ даже видѣть ни кончика моего носа. По пріѣздѣ моемъ на почтовой дворъ я попросила пить. Почтмейстеръ принесъ мнѣ бутылку вина изъ собственнаго своего винограду, и увѣрялъ меня, что никогда и никому, кромѣ меня, его не давалъ. Въ самой вещи, это было самое лучшее бѣлое вино, котораго я не пила съ тѣхъ поръ, какъ не было болѣе того самого изъ Арбуа, которое добрый Генрихъ IV обыкновенно пивалъ съ прекрасною Габріельшею. Я смѣшала его съ водою для того, *что дамы не должны его пить безъ воды.* Почтмейстеръ, какъ честной человѣкъ, почти не могъ скрыть своего оскор-

бленія, когда я хотѣла ему заплатить. И такъ поблагодаря за его учтивость одною только улыбкою, я сѣла въ карету; въ ней не болѣе, какъ чрезъ два часа, заснула; и тогда лишь только проснулась, какъ увидѣла Флорентинскія башни, которыя, мнѣ кажется, не могутъ ее защитить ни отъ какихъ непріятелей, кромѣ торгующихъ въ ней запрещенными вещами, которые объявили войну противъ казны Тосканскаго Государя. Я наняла для себя покои въ трактирѣ у Межжи, и легла спать въ 4 часа утра. Комнаты мои тѣ же самыя, которыя занимала матушка и Лади Луиза Г... На другой день первое мое побужденіе было итти, чтобъ посмотрѣть Медиційскую Венеру. Напротивъ ее стоитъ статуя молодаго человѣка, которую путешествующимъ показываютъ за Аполлона. Посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени, я спросила, за чѣмъ эту статую назы-

называютЪ АполлономЪ? РазвѢ, Ваше Превосходительство, не видите, сказалЪ мнѢ провожатой, лиры, сЪ которою, какЪ сЪ приличнымЪ ему знакомЪ, его представляютЪ? Я ее вижу, отвѢчала ему; но эта лира новѢе статуи. Правда, сударыня, сказалЪ мнѢ усмѢхнувшись провожатой; но можетЪ быть для того сію статую почтили богомЪ, что непремѢнно надобно, какЪ думали, стоять какому нибудь молодому богу напротивЪ Венеры; такЪ почемужЪ, спросилЪ онЪ меня, вы знаете, что сія лира умышленно ему придѢлана? Потому, отвѢчала я, что это плодЪ вниманія, сЪ какимЪ обыкновенно я разсматриваю всѢ произведенія сего рода.

КакЪ бы то ни было, однакожЪ видЪ сей статуи очень пріятенЪ; вЪ ней только нѢтЪ величественнаго и почтеннаго вида, свойственнаго такимЪ богамЪ. Я смотрѢла сЪ пріятнымЪ восхищеніемЪ на его лице; потому что верхняя часть

носа и верхняя губа представили мнѣ любезнаго моего сына Вилльяма, которой точное имѣетъ съ нимъ сходство. — Друзья мои щастливы, что у меня есть такой сынъ и другія дѣти; потому что мысли, какія нынѣшній день имѣю, принудили бы, можетъ быть, меня здѣсь остаться вѣчно въ плѣну, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы Флорентинская церковная галлерея была моею тюрьмою; мнѣ никакая не нужна бесѣда, кромѣ этихъ неодушевленныхъ, но прекрасныхъ статуй, населяющихъ оную. Ихъ молчаніе краснорѣчивѣе всякаго человѣческаго витійства. Видъ ихъ головъ, станъ и положеніе сколь удивительную имѣютъ гармонію! Я думаю, что вы уже болѣе меня не понимаете; а какъ я не знаю, столько ли же согласны уши ваши съ глазами, сколько мои: то и не хочу стараться вамъ изъяснить то, что чувствительно и что не возмож-

можно описать. Прошу васъ вспомнить, что я не обѣщала вамъ, чтобъ это письмо было умное; и надѣюсь показать благоразуміе тогда, когда силы мои вспомоществуютъ мнѣ окончить сіи отрывки. Прощайте, милостивый государь мой, я есмь ваша усердная.

П. П. Кстати, перечитывая мое письмо, я увидѣла, что позабыла вамъ сказать о томъ предметѣ, которой занималъ меня сидѣвшую въ каретѣ и ѣхавшую изъ Пизскихъ бань сюда. Это была луна, обратившая на себя одни мои взоры. Я вспомнила выраженіе Г. Каракчіоли: будто *луна въ Неаполѣ лучше, нежели солнце въ Англіи;* однакожъ не смотря на шутку Маркиза, Англинское наше солнце имѣетъ одинъ только порокъ, которой сроденъ жителямъ сея страны, что оно часто показывается покрывавшимися облаками. Венера очень соотвѣтствуетъ тому мнѣнію, какое я объ ней имѣла; но фами-

лія

лія Ніобы превзошла мое воображеніе. Есть еще одна лошадь; но нынѣ ее невидно уже болѣе въ семъ собраніи. Это та самая лошадь, принадлежавшая къ сей фамиліи, которую прежде сего одинъ изъ Ніобиныхъ сыновей водилъ за узду. — Впрочемъ всѣ кажется превосходнымъ. —

---

## Письмо XXIV.

*Флоренція, 12 Октября, 1785 года.*

Городъ этотъ очень чистъ и веселъ. Всѣ улицы такъ хорошо вымощены большимъ гладкимъ камнемъ, что я нигдѣ не видала такой мостовой, которая бы подобна была здѣшнимъ въ своей гладкости и столь искусной работѣ. Публичныя мѣста и улицы украшены прекрасными статуями и великолѣпными барельефами, которые оставлены безъ всякаго другаго призрѣнія, кромѣ одного уваженія, ко-

которое къ нимъ имѣютъ не только просвѣщенные граждане, но даже и самой простой народъ. Сиръ Горасъ Маннъ, Лордъ Купе, Принцъ Корзини, Графъ Сантини, Люкской Министръ и Графъ Албани даютъ здѣсь пребогатые обѣды для всѣхъ знатныхъ чужестранцевъ; но Флоренское Дворянство никого не приглашаетъ ни обѣдать, ни ужинать; а естьли когда и бываютъ у нихъ собранія: то не льзя ихъ назвать благородною компаніею, но простою пирушкою, на которую безъ всякаго разбора сходятся всякаго званія мущины и женщины, присвояющіе себѣ право называться Господами и Госпожами. Недавно я ѣздила въ такое собраніе, которое было по причинѣ свадьбы; и хотя домъ, въ которомъ былъ этотъ балъ, находился за нѣсколько шаговъ отъ дому Аглинскаго Министра; однако всѣ его кареты, его лошади, и его люди съ зазженными въ рукахъ фа-

факелами ѣхали въ парадѣ до самаго мѣста сей сцены. Я также ѣхала туда съ Его Превосходительствомъ въ его каретѣ. Хозяйка и новобрачная стояли у дверей; сами встрѣчали и принимали гостей, и кланялись всякому пріѣзжающему. Число открытыхъ и освѣщенныхъ для этаго случая комнатъ было невѣроятно. Будучи въ семъ домѣ я узнала, что въ немъ находилось еще одиннадцать комнатъ, которыхъ не можно было видѣть, потому что онѣ не были отдѣланы.

Я не могла не замѣтить, что всѣ Флоренскія хорошія госпожи очень похожи на Агличанокъ. Причина этому, можетъ быть, дѣйствіе обыкновеннаго вкуса и склонности, какую всѣ Италіанскія дамы имѣютъ къ женщинамъ моего отечества. Это, думаю, произошло отъ того, что онѣ очень часто видятъ многихъ Агличанокъ, которыя давно уже здѣсь путеше-

шествуютъ; и столь частые съ ними свиданія натурально могли произвесть сіи сходства.

Италіянскія дамы весьма пріятнаго нраву. Этого характера я не могу приписать Француженкамъ. Первыя довольно также показываютъ врожденнаго учтивства къ чужестранкамъ. Онѣ не смотрятъ на нихъ пристально, и не говорятъ между собою на ухо. Чтобъ такимъ образомъ заставить Англичанку скорѣе догадаться, онѣ не насмѣхаются надъ ее платьемъ. Впрочемъ разговариваютъ учтиво, и естьли примѣтятъ на ней что нибудь для нихъ новое, не скажутъ ей: *это не помодѣ*; онѣ думаютъ, что такъ одѣваются въ той странѣ, изъ которой чужестранка пріѣхала.

Великій Герцогъ, естьли бы имѣлъ здѣсь свое пребываніе, могъ бы сдѣлать изъ Флоренціи рай; но въ образѣ его жизни нѣтъ ничего такого, чтобъ показывало,

или

или обѣщало веселость и великолѣпіе, которыя обыкновенно сопутствуютъ съ Государскимъ величествомъ. Всякой, кто, по своему чину или роду, имѣетъ право быть представленъ, можетъ всегда быть принятъ Великимъ Герцогомъ и Великою Герцогинею; но я истинно этого не сдѣлаю; я привыкла такъ, думаю, что Государи, по примѣру солнца, должны разсыпать милостивыя вліянія на всѣхъ тѣхъ, которые ихъ ищутъ и ожидаютъ; когдажъ они скрываютъ, или погребаютъ свои лучи въ своихъ дворцахъ: то чужестранцы были бъ очень глупы, естьли бъ стали стараться, чтобъ удостоиться ихъ видѣть, нарушая ихъ покой, и съ собственною неудачею ни въ веселіи, ни въ удовольствіи. Въ Флоренціи всегда множество бываетъ Англичанъ. Здѣшнія оперы едва ли заслужатъ вниманіе знающаго театральной вкусъ.

Въ

Въ домахъ вообще находится болѣе посредственныхъ, а мало хорошихъ картинъ. — Изъ четырехъ Апостоловъ въ Рикардинскомъ дворцѣ два написаны Карломъ Долци, которые почитаю за неоцѣненныя и совершеннѣйшія произведенія. Во дворцѣ Корзини есть муза того же самаго живописца.

Великій Герцогъ недавно купилъ у фамиліи Дини картину Гершина де Центо, и поставилъ ее въ своей галлереѣ. Это спящій Ендиміонъ. Изображеніе сіе имѣетъ совершенно прекрасный и обворожительный видъ. Францискъ Гершинъ, истощая всѣ дары своего искусства, чтобъ изобразить смертнаго, нарисовалъ въ своей картинѣ богиню въ углу небесъ, какъ несвойственное и недостойное его кисти существо. Впрочемъ новое сіе произведеніе заслуживаетъ, чтобъ поставлено было въ галлереѣ. Великій Герцогъ заплатилъ за нее не много менѣе ста гиней.

Недавно я опять принуждена была увѣрять Французовъ, которые со мною сидѣли за обѣдомъ у Французскаго Министра, что Сиръ Георгъ Еліотъ подлинно не Французскій уроженецъ.

Іориково приключеніе, повѣствуемое Стерномъ, можетъ быть истинно; или по крайней мѣрѣ я почитаю его возможнымъ; потому что одинъ Французъ спросилъ меня: Сиръ ли Іозва Рейнолдсъ построилъ Сентъ-Поль? Французамъ, по моему мнѣнію, никогда бъ не должно было выѣзжать изъ своей земли; потому что они не удостоиваютъ своего вниманія Лѣтопись и Родословіе прочихъ націй. То, что по видимому болѣе всего доставляетъ удовольствія Французскому Министру, есть мостъ, построенный на Арно противъ его оконъ, которой напоминаетъ ему новый мостъ въ Парижѣ. Изъ всѣхъ городскихъ украшеній, это

одинъ

одинъ предметъ, о которомъ онъ иногда только говоритъ.

Вообразите себѣ мое удивленіе, какъ Межжи, недавно предъ симъ, вбѣжалъ по утру въ мою комнату, и увѣрялъ меня о скоромъ сюда пріѣздѣ Лорда Б.***. Онъ мнѣ сказалъ, что Лордъ уже въ Венеціи, и чтобъ въ этомъ болѣе меня увѣрить, показалъ мнѣ письмо, которое онъ получилъ. Что касается до меня, я совершенно была увѣрена, что естьли бы это было и въ правду, конечнобъ я получила извѣстіе прежде его. Впрочемъ, увидя Милордово имя, неправильно написанное, я сказала ему только, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, приготовилъ для него ту самую комнату, которая была подлѣ моей и никѣмъ еще не занята, и обѣщалась уговорить его, чтобъ онъ въ ней жилъ. Однако братъ мой объ немъ увѣдомилъ меня письмомъ, что онъ рѣшился всю зиму провесть въ Италіи; тамъ

 бы

бы онъ имѣлъ пребогатой домъ; и мнѣ кажется, что и для него и для меня менѣе былобъ безпокойства жить въ этомъ домѣ, есть-ли онъ и вознамѣрился остаться въ Флоренціи.

Здѣсь недалеко отъ города есть прекрасное гулянье, находящееся въ рощѣ, принадлежащей великому Герцогу, называемое (Cachins); въ немъ госпожи прогуливаются пѣшкомъ, или ѣздятъ въ фаетонахъ, называемыхъ здѣсь (Biroche). Но теперь срубаютъ самыя большія ели, какія только я видѣла, и которыя составляли главную красоту . . . . . Здѣсь есть также погребъ, въ которомъ молоко, сливки и масло продаются по казенной цѣнѣ. Они нашли прекрасную выдумку, чтобъ въ сей жаркой странѣ сберегать свѣжее молоко. Сосуды, въ которыхъ его держатъ, поставлены въ такія корыта, въ которыя безпрестанно наливаютъ холодную воду съ одного конца; а

съ

съ другаго она вытекаетъ. Къ стати о выдумкахъ, я удивляюсь, для чего не перенимаютъ въ больших городахъ изобрѣтеніе портика (di Gran Duca) то есть Великаго Герцога Тосканской столицы. Часовые цыфры сдѣланы такъ прозрачны и такъ искусно освѣщены сзади, что въ самую темную ночь умной гражданинъ можетъ видѣть, которой часъ.

Картина, написанная афреско Лукою Жордансомъ, есть та самая, которую нахожу здѣсь достойною вниманія; впрочемъ хотя она и названа, (fa presto), скоро сдѣланная; потому что сработана въ три недѣли, когда другіе живописцы конечно бы потрудились надъ нею и цѣлые два года. Такое дарованіе, которое способно произвесть кистію въ толь краткое время и толь прекрасное дѣйствіе, украшено пріятностію и вольностью, коими точность, плодъ трудовъ и ученія, рѣдко награждаетъ.

Миссъ-Дависъ здѣсь. Я очень жалѣю, что она не поетъ въ оперѣ; ея голосъ и ея вкусъ въ пѣніи нравится мнѣ болѣе всѣхъ, кого я только по сіе время ни слыхала.

П. П. Тиціанова Венера и дитя сего же художника въ палатахъ Спрози всѣ испортились отъ хладной руки времени. Скоро и копіи ихъ будутъ безцѣненны; потому что всѣ оригинальныя красоты непремѣнно погибнутъ.

---

## Письмо XXV.

*Болонія, 15 Ноября, 1785 года.*

Съ недѣлю, какъ я получила письмо отъ Лорда Е. * * *. Онъ пишетъ ко мнѣ, что не будетъ зимовать въ Италіи. Почему тотчасъ перемѣнивъ свое намѣреніе, ѣду къ Сѣверу. Какъ я путешествую, то и хочу видѣть Государей, ихъ дворы и тѣ народы, коихъ женщины мало видѣли. Естьли пропущу этотъ случай, то

не

не буду, можетъ быть, имѣть подобнаго. Хотя и недолго намѣреваюсь ѣздить; и хотя все мое путешествіе продолжится нѣсколько мѣсяцевъ; но постараюсь по крайней мѣрѣ употребить сію краткость для удовлетворенія моего желанія и для вашей забавы.

За четыре почти мили отъ Филлигера я остановилась въ каретѣ, чтобъ посмотрѣть выходящее изъ земли безъ малѣйшей остановки горючее истеченіе. Господинъ Дютанъ упоминаетъ объ ономъ въ своихъ запискахъ о путешествіи. Изъ Флоренціи до Филлигера дорога извивается около темной, а по томъ около другой горы; но ландшафтъ сего пространства теперь представляется мнѣ прекраснѣйшимъ, чѣмъ ближе подъѣзжаю къ Лоіано. Я видѣла такія прелестныя мѣсто-положенія, которыя достойны, чтобъ ихъ срисовалъ Салваторъ — Роза. Дорога въ Піаноро, около полумили, идетъ по

косогорамъ сквозь веселую деревню. Здѣсь я сѣла верьхомъ, чтобъ скорѣе сюда пріѣхать. Мнѣ сказали, что будто я переѣхала 10 миль, чему право никакъ не могу повѣрить. Я живу въ большомъ трактирѣ, называемомъ Локандо-Реаль. Хозяйка меня увѣряла, что Княгиня Чарторыльская здѣсь въ городѣ; но въ самомъ дѣлѣ это не она, а ея невѣстка, Княгиня Любомирская, которой я не знаю. За нужное считаю сказать вамъ, естьли вы когда нибудь будете въ сей странѣ: то постарайтесь осмотрѣть палаты Зампіерри, церковь Св. Іоанна въ горѣ и нѣкоторыя другія зданія. Городъ этотъ кажется довольно опрятенъ и чистъ. Признаюсь вамъ, что не понимаю нарѣчія сихъ жителей. Я такъ привыкла говорить на Тосканской манерѣ, въ которомъ h становится вмѣсто c, что я совсѣмъ почти не понимаю, какія они литеры ставятъ вмѣсто тѣхъ,

которыя они должны произносить, чтобъ можно было ихъ понимать.

Теперь ничего болѣе не могу вамъ объ этомъ сказать. Какъ скоро мнѣ можно будетъ, тотчасъ я намѣрена ѣхать въ Венецію, оттуда поѣду въ Вѣну, а изъ сей послѣдней буду продолжать путь мой чрезъ Варшаву и Петербургъ. Хочу пользоваться зимою съ тою надеждой, что большую часть моего путешествія проѣду въ саняхъ; потому что не могу болѣе терпѣть безпокойства кареты, хотя впрочемъ и есть не такъ тряскія, какъ моя. Не заботтесь о нѣжности моего темперамента; не бойтесь также, чтобъ у меня заболѣла грудь. Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхала изъ Парижа, грудь никогда у меня не болѣла; и я не харкала кровью; а сіе меня и удостовѣряетъ въ томъ, что эта часть Франціи для меня вредна. Надѣюсь, что перемѣна воздуха такъ подкрѣпитъ мое сложеніе,

 что

что я навсегда избавлюсь этихъ дурныхъ припадковъ. Тому уже четыре мѣсяца, какъ я ни одного не чувствовала. — Прощайте, любезный мой Князь, будьте увѣрены, что чѣмъ я далѣе отъ моихъ друзей, тѣмъ большее желаніе получать отъ нихъ письма во мнѣ раждается. Пишите же чаще къ искреннѣйшей вашей сестрѣ

Е. К.

---

## Письмо XXVI.

*Венеція*, 18 *Ноября*, 1785 *года.*

На минуту я остановилась въ Центо, чтобъ посмотрѣть ту картину, которая почитается превосходнымъ твореніемъ Гершина. Онъ здѣсь родился и похороненъ въ соборѣ. Оттуда я поѣхала въ Феррару, по такой дурной дорогѣ, что никому не совѣтовалабъ ѣздить ночью. Въ окружности сей страны земля такъ

низка

низка и такъ осѣла, что принуждены были сдѣлать высокую насыпь, которая служитъ вмѣсто мостовой и дороги; но какъ она слишкомъ узка, то безъ предосторожности, которую должно имѣть, безпрестанно надобно опасаться, чтобъ лошади не свернули на право, или на лѣво. Аріостъ, которой родился и умеръ въ Феррарѣ, не почерпалъ вдохновенія своего стихотворства; не водилъ пегаса въ глину, и подъ тѣнь ужасныхъ тѣхъ тополовъ, которые разсѣяны по полямъ, находящимся въ окрестностяхъ сего города. Я цѣлой часъ ѣхала по этой выбитой дорогѣ, и не далѣе была, какъ за три мили; наконецъ едва пріѣхала ночевать въ Феррару. Изъ двадцати блюдъ, которые мнѣ подавали за ужиномъ, я ничего не ѣла, кромѣ селдерей. Въ Италіи корицу кладутъ во всѣ кушанья; а я ее не могу терпѣть. Вареные въ сахарѣ бекасы пережарены такъ

сухо

сухо и крѣпко, какъ дерево, и однѣ куры составляютъ здѣсь весь столъ.

Въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Франколино, я сѣла въ прекрасное перевозное судно, поставила на него свою карету, и поѣхала на греблѣ внизъ по рѣкѣ По. Небо было чисто и ясно. Я совсѣмъ позабыла, что у насъ теперь мѣсяцъ Ноябрь. Вышедши изъ пролива По, мы въѣхали въ каналъ; а изъ него въ Бренту, прекрасную, но узкую рѣку. Выключая Соргу, это тотъ прозрачный потокъ, въ чистыхъ водахъ котораго я съ удовольствіемъ глядѣлась, съ тѣхъ поръ какъ оставила счастливые берега, на которыхъ я родилась. Я очень много наслышалась о прелестныхъ домахъ, украшающихъ берега Бренты; однако ни одинъ изъ нихъ наружнымъ своимъ видомъ не оправдалъ тѣхъ хорошихъ мыслей, какія я имѣла о ихъ пріятностяхъ и красотѣ.

За

За милю отъ деревни Фузино, въ которой я была принуждена оставить свою карету и верховыхъ лошадей, я прошла мимо шлюзовъ, которые препятствуютъ морской водѣ мѣшаться съ рѣчною. Отсюда опять принуждена ѣхать около пяти миль по такому морю, въ которомъ множество подводныхъ камней, возвышающихся на ровнѣ съ водою. Изъ него я плыла по большому Венеціянскому каналу. Недавно я читала сочиненія Аббата, которой сказалъ: *Римъ построенъ людьми; но Венеція Богами.* Судя по картинамъ, на которыхъ я видѣла нѣкоторыя мѣста Венеціи, живо представляла себѣ веселый и чистый городъ, украшенной каналами, по сторонамъ которыхъ берега отдѣланы; но я въ этомъ обманулась. Домы у всѣхъ почти въ водѣ и наружности ихъ очень неопрятны и печальны. Большая часть оконъ во всѣхъ почти прекрасныхъ двор-

дворцахъ закрыты нечистыми и невыкрашенными ставнями.

Безчисленное множество Гондолъ, которые похожи на плавующіе гробы, еще болѣе придаютъ гнусности сему виду. Наконецъ, признаюсь вамъ, что по пріѣздѣ моемъ въ Венецію я чувствовала гораздо больше отвращенія, нежели удовольствія; но теперь, увидя внутренность ихъ маленькихъ домиковъ (Casini), и вѣря однимъ только своимъ глазамъ въ пріятности многихъ вещей, я привыкла къ Гондоламъ, и не могу сказать, что бы жить въ семъ городѣ мнѣ было очень скучно. Вообще я нашла все весьма различнымъ отъ того, что я себѣ воображала. Всякое утро гуляю, и всегда имѣю случай видѣть городъ и его жителей. Въ немъ находятся узкіе проходы, которые одинъ къ другому примыкаются, и на которые безопасно можно переходить

дить чрезъ мосты, сдѣланные на всѣхъ маленькихъ каналахъ. Славный Ріальто построенъ на большомъ каналѣ. Этотъ мостъ имѣетъ одинъ только весьма крѣпкой и притомъ прекрасной сводъ; на немъ находятся три ряда лавокъ, составляющіе прямою своею линѣею три улицы. Стропилы этихъ лавокъ такъ грубо сработаны, что весьма безобразятъ превосходное сіе зданіе. По всей Венеціи можно проѣхать прямою улицею отъ одного края до другаго. Странныя изображенія, какія только я видѣла на мѣстѣ Св. Марка, насильно заставляютъ подумать, что это маскерадъ на чистомъ воздухѣ. Теперь у насъ хотя и не масленица; но мнѣ всегда попадается равное число людей какъ въ черныхъ доминахъ и маскахъ, такъ и безъ оныхъ. Первые Венеціянскіе Нобли, за которыми шпіоны, опредѣленные отъ правленія, вѣрно присматриваютъ, не могутъ вытти не маски-

ки-

кированные со двора; потому что естьли бы застали слугу Посланника, или Министра, или иностраннаго Консула разговаривающаго съ Венеціянскимъ Ноблемъ: то сей послѣдній находился бы въ опасности, что непремѣннобъ его взяли подъ караулъ. Законы въ семъ случаѣ такъ строго наблюдаются, что особы, привязанныя къ дипломатическому обществу, должны имѣть очень малое знакомство; и я удивляюсь, что человѣкъ хорошей фамиліи принимаетъ Министерскую должность въ такомъ городѣ, гдѣ жители бѣгаютъ отъ него, какъ отъ человѣка, зараженнаго прилипчивою болѣзнію. — Впрочемъ всѣмъ иностранцамъ жить здѣсь очень весело; потому что не льзя быть обходительнѣе, учтивѣе и великолѣпнѣе, какъ принимаютъ Министры одинъ другаго, и тѣхъ чужестранцевъ, которые имъ рекомендованы.

Казини ничто иное, какъ самые маленькіе домики, которые одинъ человѣкъ, или небольшее собраніе, нанимаетъ для провожденія времени по вечерамъ. Тамъ играютъ въ карты, пьютъ чай, кофе, лимонадъ, разговариваютъ и проч. Хорошая компанія споспѣшествуетъ къ увеселеніямъ и общему всѣхъ удовольствію. Мѣста сіи такъ хорошо украшены, и прибраны въ толь прекрасномъ вкусѣ, что едвали вы можете себѣ вообразить. Однажды я обѣдала въ такомъ домѣ, котораго видъ такъ прелестенъ, что, по чистотѣ и опрятности, которыя въ немъ царствуютъ, и по великолѣпію наружныхъ предметовъ, я сама себѣ представляла, будто нахожусь въ маленькомъ волшебномъ дворцѣ. Венеція во всемъ показалась мнѣ другимъ новымъ свѣтомъ, различествующимъ отъ того, въ которомъ прежде сего я жила. Венеціанскія дамы по большей части очень пре-

красны: нѣкоторыя изъ нихъ тверды въ своихъ рѣшеніяхъ до удивительнаго степени. Здѣсь не рѣдко случается, что молодая дѣвушка, вышедшая по утру замужъ, признается ввечеру своимъ родителямъ, что мужъ ея кажется ей противнымъ. Въ такомъ случаѣ нещастной супругъ, по согласію своей и ея фамиліи, проситъ о разводѣ Папу, которой всегда снисходитъ на всѣ представляемыя ему причины, и позволяетъ имъ развестись. Дѣвушка, вышедшая изъ монастыря, и опять сдѣлавшись вольною, вездѣ называется прежнею своею фамиліею; а мужъ ея, какъ уже человѣкъ холостой, воленъ искать себѣ другой жены. Здѣсь нѣтъ ничего обыкновеннѣе тѣхъ отсутствій, какія имѣютъ Венеціанскія Госпожи; онѣ часто выѣзжаютъ на нѣсколько мѣсяцовъ изъ своихъ домовъ, и живутъ въ Казини такъ скрытно, что ихъ мужья не знаютъ

ютъ ни мѣста, ни улицы. Естьли бы я имѣла время распространить болѣе сіе письмо: то позабавила бы васъ многими Венеціанскими анекдотами; но все теперешнее мое время занимаютъ столь частые виды, что едва могу отдохнуть. Графъ Юстиніани весьма обрадовался, увидѣвшись со мною. Онъ обѣщался свозить меня въ Арсеналъ, величайшее зданіе. Человѣкъ, показывавшій его, сказалъ мнѣ: будто правительство построило фрегаты о стѣ пушкахъ, и еще двадцать неправдъ такогожъ роду. Древнія Венеціанскія фамиліи суть главныя причины того, что Италіанское дворянство имѣетъ вѣрнѣйшаго. Мысль сего преимущества, соединясь съ природною ихъ живостію и страннымъ положеніемъ республики, всегда произведетъ изъ нихъ хорошихъ пѣшихъ и морскихъ Офицеровъ, естьли только они

 сра-

сражаться будутЪ для защищенія неоспоримыхЪ своихЪ правЪ.

Прощайте, любезный братецЪ. — Три гондолы давно ожидаютЪ меня у воротЪ; а для этого я и принуждена покинуть перо.

---

## Письмо XXVII.

*Венеція, 24 Ноября 1785 года.*

Я была вЪ ДожевомЪ дворцѢ и вЪ храмѢ Св. Марка. Оба сіи зданія построены вЪ ГотическомЪ вкусѢ; но что болѣе всего противно глазамЪ, это четыре прекрасные, бронзовые коня, привезенные изЪ Царя-града и поставленные наверху паперти. Какія здѢсь вЪ городѢ есть картины, достойныя любопытнаго вниманія, подробнѣйшее описаніе оныхЪ вы можете найти вЪ книгахЪ; а я сЪ своей стороны ничего не могу вамЪ обЪ нихЪ сказать. — Комната, вЪ ко-

которой присутствуетъ совѣтъ, весьма прекрасна; но живопись и другія въ ней убранства всѣ почти очень посредственны. Въ святилищѣ ихъ правосудія я также ходила. Въ сіе мѣсто весь почти народъ собрался; потому что стряпчій Стефани говорилъ рѣчь. Я воображала себѣ, по страннымъ оборотамъ и тѣлодвиженіямъ, какія Италіанцы всегда дѣлаютъ въ обыкновенныхъ своихъ рѣчахъ, что публичный ораторъ доставитъ мнѣ какое нибудь удовольствіе, особливо въ такомъ обстоятельствѣ, въ которомъ искусство должно соединить все свое рвеніе съ природными талантами, чтобъ чувствительнѣе оживотворить пріятность въ представленіи и изображеніи предмета. Догадка моя была основательна; нѣтъ ничего смѣшнѣе сего зрѣлища, котораго я была очевиднымъ свидѣтелемъ. Вся рѣчь его состояла изъ скучной и продолжительной брани. Два боль-

шіе, поднятые пальца, которыми онъ дѣлалъ жесты, ударяя себя въ грудь, и отъ которой попеременно ихъ отражалъ весьма скорымъ движеніемъ, были для меня самою забавною каррикатурою, какую только можно себѣ вообразить. Для меня кажется весьма удивительнымъ, что присутствующіе, а болѣе сего и самые судьи, могли удержаться отъ смѣха.

Вы ничего не можете себѣ представить увеселительнѣе площади св. Марка. Въ лавкахъ и въ кофейныхъ домахъ всегда видно премножество толпящагося народу всѣхъ націй, одѣтаго въ такомъ странномъ платьѣ, котораго никогда и нигдѣ я не видывала, кромѣ Венеціи. Это весьма меня забавляетъ во время утреннихъ моихъ прогулокъ. Любопытные здѣшніе жители узнаютъ по моему лицу и мое отечество, и все, изъ него вышедшее, такъ для нихъ мило и привлекательно, что въ

ми-

минуту они сбѣгаются съ одного конца площади на другой, чтобъ посмотрѣть на Агличанку.

Надъ дверьми Арсенала поставлены два прекрасные мраморные льва, которые найдены при входѣ въ Пирею. Жаль, очень жаль, что я не имѣю такого дара, которой бы заставилъ ихъ говорить. Сколько бы предостойныхъ вещей, находящихся въ великихъ Аѳинахъ, и давно возбуждающихъ во мнѣ любопытство, я отъ нихъ узнала!

Домъ, въ которомъ здѣсь живу, построенъ на большомъ каналѣ; отъ того онъ весьма и холоденъ. Но какъ стекольщики не замазываютъ рамъ, въ которыя они вставляютъ стекла, то вѣтеръ со всѣхъ сторонъ сильно дуетъ. Этотъ-то сырой воздухъ, подымающійся съ моря, очень соотвѣтствуетъ моему сложенію... Съѣстные припасы здѣсь очень хороши. — Всѣ дамы кажутся быть оживленными веселостію и ревнующими внушить ее другимъ.

Я ласкаюсь надеждою, что проживу здѣсь цѣлую зиму съ непремѣннымъ удовольствіемъ. Въ Венеціи много разныхъ публичныхъ театровъ. Я была въ оперѣ, которая очень мнѣ понравилась. Жена Россійскаго Посланника очень молода, умна, и столь же любезна, какъ и скромна; она дочь госпожи де * * *. Жена Вѣнскаго Министра очень также умна и учтива, а мужъ ея самой ласковый человѣкъ въ свѣтѣ. Къ чести нашего отечества не могу забыть о Госпожѣ * * *, которую столько люблю за добрый ея нравъ и ея дарованія, что и теперь уже предчувствую трудность и сожалѣніе, которыя должна буду сносить разлучаясь съ нею: первая изъ сихъ Госпожъ часто говоритъ со мною съ восхищеніемъ о Стовѣ, хотя она въ дѣтствѣ еще жила въ немъ нѣсколько дней.

Здѣсь очень много говорятъ о плавающихъ батареяхъ Кавалера

Емо.

Ему. Сказываютъ, что онѣ были пять часовъ съ половиною передъ крѣпостію Голлета. Я просила съ нихъ планъ; мнѣ обѣщали снять его съ великою точностію. Его я подарю Г. . . Б. . ., которой, будучи Профессоръ военнаго искусства, можетъ сдѣлать полезной способъ по своему знанію, въ разсужденіи нашихъ непріятелей, естьли нужда потребуетъ поступить съ ними такъ, какъ они достойны.

Я разскажу вамъ презабавное приключеніе, случившееся съ двумя путешествующими моими соотечественниками, которые въ самомъ дѣлѣ продолжаютъ свое путешествіе. Послѣ сего приключенія ни одному Агличанину не совѣтую ѣздить по Нѣмецкой землѣ, не зная сего языка, или не имѣя слуги, или человѣка, которой бы не говорилъ по Нѣмецки. Сіи господа не имѣли ни той, ни другой удобности, и очень торопились, чтобъ скорѣе пріѣхать сю-

да изъ Вѣны. Они ночевали въ одномъ городѣ; откуда на другой день поѣхали очень рано, и ѣздя на почтовыхъ цѣлые два дни, опять очутились въ томъ же самомъ городѣ, изъ котораго за 48 часовъ выѣхали. Естьли они также, какъ и я, не терпятъ каретной тряски, то и воображаю себѣ бѣшенство, какимъ мучились дорогою.

Мнѣ совѣтуютъ отсюда ѣхать въ Вѣну по новой и лучшей дорогѣ. Оттуда надѣюсь вы скоро получите мое письмо; потому что не хочу въ путешествіи моемъ быть подобною раку.

Прошу увѣрить любезную вашу подругу въ искреннемъ моемъ къ ней почтеніи; а я есмь ваша усердная и покорная.

---

Пись-

## Письмо XXVIII.

*Вѣна, 14 Декабря, 1785 года.*

Сюда я пріѣхала по новой дорогѣ. Я уже къ вамъ о томъ и писала, что присовѣтовали ѣхать по ней; но судя по безпокойствамъ и затрудненіямъ, которыя мнѣ на ней встрѣчались, чистосердечно скажу, что она показалась мнѣ хуже обыкновенной. Правда, величайшія препятствія происходили только отъ разлитія ручейковъ, которые отъ большихъ дождей, бывшихъ недавно предъ моимъ проѣздомъ, превратились въ страшныя рѣки; быстрота ихъ унесла цѣлыя деревни, и вода на нѣсколько миль покрывала дорогу и во многихъ мѣстахъ ее повредила.

Въ 30 день минувшаго мѣсяца, я выѣхала изъ Венеціи, и прибыла водою въ Местръ, гдѣ моя карета и лошади были уже прежде меня. Намѣреніе мое было остано-

вить-

виться у * * * въ Корнегліано; однако время сдѣлалось такъ дурно, что я принуждена была остаться въ деревнѣ, называемой Тревиза, гдѣ есть прекрасной трактиръ. На другой день хотѣла было переѣхать чрезъ рѣку; но перевозщики отказались подьергать жизнь свою опасности. Хотя моя карета и стояла уже на лодкѣ, и хотя уже я рѣшилась ѣхать чрезъ рѣку, зная, что * * * меня ожидаетъ; но отказъ перевозщиковъ принудилъ меня возвратиться опять въ трактиръ и тамъ отобѣдать. Между прочими кушаньями, какія мнѣ подавали, прекрасное жареное я почла за весьма жирнаго цыпленка. Разрѣзавъ его, увидѣла, что тѣло его темно. Я спросила, что это такое? Мнѣ сказали, что это голубь. Весьма желала бы видѣть, отвѣчала я, такого голубя живаго, или по крайней мѣрѣ, не ощипаннаго; напередъ я была увѣрена, что это должно быть очень любопытно.

Есть-

Естьли я удивлялась величинѣ сей птицы, то люди еще болѣе моего удивлялись, видя мое любопытство, обращенное на такую, по ихъ мнѣнію, бездѣлицу. — Въ самомъ дѣлѣ я нашла, что эта птица есть родъ здѣшнихъ голубей.

На другой день дождь и вѣтеръ поутихли; и я поѣхала въ Корнегліано. Вы легко можете себѣ вообразить, съ какимъ восхищеніемъ принялъ меня тотъ соотечественникъ, которой не видалъ меня нѣсколько лѣтъ, съ того самаго времени, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ деревню въ Англіи. Ничто столько не плѣняло и не восхищало меня, какъ музыка, которую я здѣсь слышала. Старшая дочь, дѣвочка лѣтъ семи, играетъ на клавикордахъ съ такимъ вкусомъ, съ такимъ выраженіемъ, какіе не всякой Виртуозъ имѣетъ. Сестра ея, дитя не болѣе пяти лѣтъ, также играла на

этомъ инструментѣ, и пѣла очень прекрасно по своимъ лѣтамъ.

Ввечеру многіе Венеціянскіе господа и госпожи пріѣхали наслаждаться музыкою и видѣть Аглинскую путешественницу. Между деревенскими сосѣдами Милорда *** есть много также дородныхъ, толстыхъ и непроворныхъ, какъ и у насъ большая часть дворянъ, лисьихъ охотниковъ, которыхъ такъ какъ они, никогда не оставляли жилища своихъ предковъ. Я думаю, что они всѣ зимніе вечера долго еще говорить будутъ о Агличанкѣ и ея лошадяхъ.

На другой день я переѣхала чрезъ Тальяменту, которая, недавно предъ тѣмъ разлившись, потопила на девять миль всѣ большія дороги, по которымъ мнѣ надлежало ѣхать. — Такимъ образомъ я путешествовала по песчаному слою, переѣзжая и прыгая изъ рытвины въ рытвину, которыя разлившаяся вода послѣ себя оста-

оставила. Ахъ, какъ опасно было переѣзжать эту страшную рѣку! По другую ея сторону находится Санъ-Даніело. Новая дорога, по которой должно ѣхать изъ сего мѣста, называется Санъ-Даніело. Она ведетъ къ Понтіебѣ; и хотя довольно хороша; но лежитъ около каменистыхъ горъ, извиваючись подлѣ рѣки, которая у насъ была то на правой, то на лѣвой сторонѣ, и представляла удивительный видъ. Дорога сія такъ узка, что, кажется мнѣ, я не видывала другой ее опаснѣе; потому что между каретою и тѣми стремнинами, которыя находятся по обѣимъ сторонамъ, нѣтъ ничего такого, что бы могло возпрепятствовать, чтобъ туда не упасть. Любопытный разсматриватель природы, плѣненный столько же ея прелестями, какъ и я возхищаюсь, вознаградится удовольствіемъ за всѣ тѣ труды, которые перенесетъ въ продолженіе сей дороги,

роги. Всѣ мѣстоположенія, представляющіяся на семъ пути, сущая живописная картина, и такъ величественны, что самое воображеніе изъяснить ихъ не можетъ.

Я ночевала въ Тревизѣ. Дорогою претерпѣла премножество безпокойствъ; потому что принуждена была нанять не менѣе десяти лошадей и четырехъ быковъ, которые бы дотащили мою карету до сего мѣстечка. Не можно себѣ вообразить упорства и хладнокровія Нѣмецкаго Почтъ-мейстера, или постилліона. Въ одномъ мѣстѣ мнѣ такъ было скучно ѣхать шагомъ, что я лучше согласилась нанять у крестьянина сани, чтобъ ѣхать скорѣе напередъ моей кареты. Кажется, будто отдано такое приказаніе на всѣхъ Нѣмецкихъ границахъ, чтобъ не выпускать безъ того тѣхъ чужестранцевъ, которые ѣдутъ не по почтѣ изъ города, чтобъ они прежде

де своего отъѣзда часа два въ немъ побыли. Почтъ - мейстеръ хотя посовѣстился сказать мнѣ эту странность; и хотя прямо не отказывалъ мнѣ ни въ перемѣнныхъ лошадяхъ, ни въ повозкѣ; однако такъ былъ неучтивъ, что сѣлъ съ двумя Нѣмецкими пузанами играть въ карты, и отвѣчалъ мнѣ на все, о чемъ только я у него ни спрашивала, однимъ словомъ patienza! (терпѣніе). Когда представляю себѣ сіи три играющія Нѣмецкія фигуры, и привожу на память все, что я ни говорила по Италіански этому ужасному брюхану, чтобъ его убѣдить, и безпрестанно повторяемое имъ слово patienza: то право боюсь, чтобъ не умереть Зевксисовою смертію. (1) Цѣлой прошолъ часъ, какъ

К вдругъ

(1) Сказываютъ, будто сей великій въ древности живописецъ умеръ отъ смѣху, увидя пресмѣшное изображеніе, сдѣланное въ его вкусѣ.

вдругъ вошелъ Офицеръ, которой, посмотря на меня нѣсколько минутъ, сказалъ: *говорите ли вы, сударыня, по Французски? Говорю, сударь, сказала я.* Тогда я примѣтила, что глухота Почтъ-мейстера происходила отъ того; что онъ говорилъ очень дурно по Италіански, а по Французски не зналъ ни однаго слова; почему и принялъ меня за такую скучную и несносную особу, которую можно отсылать туда, куда Богъ знаетъ (1). Какъ скоро Офицеръ назвалъ меня Милади, тотчасъ трое Нѣмецкихъ толстяковъ удостоили меня своимъ взглядомъ; потому что почтеніе, воздаваемое въ сей землѣ особамъ моего пола, такъ велико, что женщинѣ стоитъ только сказать, и все по ея желанію будетъ исполнено. Въ минуту мнѣ дали шесть лошадей въ карету и сани.

Я

---

(1) Въ оригиналѣ стоитъ *послать въ Ковентри.* Аглинское выраженіе.

Я ночевала одну ночь въ Клагенфуртѣ, гдѣ живетъ незамужняя Императорова сестра. Наконецъ, проѣхавъ прекрасную деревню, я достигла и сей столицы. Кстати, помѣщаю здѣсь вѣрное примѣчаніе, сдѣланное мною въ продолженіе моего путешествія о томъ сочинителѣ, кто бы впрочемъ онъ ни былъ, который написалъ письма Лади М * * *; (ибо она сама ни одной строчки не написала). Въ нихъ каждой почти періодъ приводитъ въ сомнѣніе. Мнѣ кажется, что содержаніе ихъ заставляетъ смѣяться легковѣрію читателя, и показываетъ его безразсуднымъ. Здѣшнія печи, которыя онъ такъ много выхваляетъ, самая дурная выдумка, какую только можно себѣ вообразить. Нѣмецкіе мужики, по моему примѣчанію, очень боятся стужи. Въ покояхъ у нихъ двойныя окна; но какъ не бываетъ обыкновенныхъ трубъ, то въ комнатахъ очень дымно и весьма нечисто; по-

тому что испаренія, происходящія отЪ множества живущихЪ, превращаются вЪ воду, и безпрестанно капаютЪ сЪ потолка на столы, а при томЪ и вонь отЪ испарины и несносная теплота такЪ непріятны для тѣхЪ, которые входятЪ кЪ нимЪ сЪ чистаго воздуха, что даже не можно этого описать. – Нѣмки низкаго состоянія показались мнѣ слишкомЪ вздорными и неучтивыми. Мнѣ часто случалось ихЪ видѣть, какЪ онѣ отЪ того только приходили вЪ бѣшенство, что я отворяла или дверь, или окошко, хотябЪ то было на одну минуту. ВЪ такихЪ случаяхЪ я находила одинЪ только способЪ, чтобЪ скорѣе выттти на дворЪ, гдѣ освѣжала себя чистымЪ воздухомЪ.

Естьли этѣ печи почитаютЪ домашнимЪ украшеніемЪ, то я нахожу ихЪ очень гнусными по тому самому матеріалу, изЪ котораго они сдѣланы; а особливо что

кар-

каркасъ долженъ быть желѣзной, дабы могъ противиться сильному дѣйствію огня, которой въ нихъ горитъ. Стеклы, рисовка и лакъ очень скоро портятся и превращаются въ пыль; а по этому, или лучше, по неопрятности сихъ теплыхъ избъ, я оставляю ихъ на ваше разсужденіе; но скажу только, что никакъ не льзя ихъ сравнить съ Китайскими жаррами, или другими какими нибудь прекрасными и со вкусомъ сдѣланными вещами; потому что этѣ печи занимаютъ цѣлый уголъ въ комнатѣ.

Въ здѣшней столицѣ, во многихъ изъ первыхъ домовъ, печи сдѣланы въ передней горницѣ, которая поистиннѣ есть настоящее ихъ мѣсто и трубы очень удобны. Въ то же самое время, когда хорошій огонь блеститъ въ глазахъ, грѣетъ, придаетъ и комнатѣ веселый видъ, котораго нѣтъ въ пу-

стыхъ комнатахъ, гдѣ есть печи. Съ тѣхъ поръ всѣ вещи должны во всемъ очень перемѣниться, какъ сочинитель, о которомъ я выше упоминала, писалъ о Вѣнѣ. Знатныя Нѣмецкія дамы собою прекрасны, любезны и очень учтивы. Большая часть изъ нихъ говорятъ и пишутъ очень хорошо по Аглински, знаютъ притомъ и другіе нынѣ употребительные языки. Мнѣ показалось нѣсколько удивительно, когда я примѣтила, что многія изъ нихъ болѣе извѣстны о дружествѣ и связи, какую я имѣю въ Англіи, нежели сколько извѣстно всѣмъ моимъ знакомымъ въ Лондонѣ; и это не одно было обстоятельство, по которому имѣли вниманіе ласкать моему самолюбію.

Большая часть Нѣмцовъ отъ природы музыканты. Я увѣрена, что молодой Аглинской дворянинъ хорошаго нрава всякой вечеръ можетъ

жетъ быть здѣсь въ собраніяхъ, въ которыхъ бываетъ очень много знатныхъ и весьма хорошо воспитанныхъ дамъ. Никакой городъ столько мнѣ не понравился, какъ Вѣна. Все въ немъ заставляетъ меня почитать достойнымъ, чтобъ привесть сюда моего сына. Сиръ Робертъ Кейтъ увѣряетъ меня, что онъ представилъ болѣе 400 молодыхъ моихъ соотечественниковъ, изъ знатныхъ и изъ посредственныхъ дворянъ; но никогда не имѣлъ случая ни на одного изъ нихъ пожаловаться, и не такъ какъ мы слышимъ, или видимъ всякой день глупости, которымъ Парижъ есть позорище для нашихъ *молодыхъ Агличанъ*, которые ѣздятъ туда, разоряются для какой нибудь театральной Герцогини, или актрисы; а въ награжденіе за свои гинеи подвергаютъ себя посмѣянію и язвительнымъ шуткамъ.

 Жен-

Женщины здѣсь высоки и бѣлокуры; ихъ можно лучше назвать прекрасными, нежели хорошими. По Воскресеньямъ у Князя Голицына, Россійскаго Посланника, всегда бываютъ знатные ужины; а по понедѣльникамъ у Князя Паръ. Первой, по своему разуму и учтивству, дѣлаетъ великую и справедливую честь своему отечеству. Представленіе къ здѣшнему двору весьма различествуетъ отъ нашихъ обычаевъ. Но мнѣ нѣтъ болѣе времени; и пора окончить письмо увѣреніемъ васъ въ безпредѣльной моей къ вамъ привязанности.

П. П. По крайней мѣрѣ не могу не прибавить нѣсколько строчекъ о томъ, что касается до весьма грубыхъ вопросовъ, на которые путешествующіе непремѣнно должны отвѣчать караульнымъ пограничныхъ городовъ. Вотъ напримѣръ какіе они: „женаты ли вы, — или нѣтъ? „для однихъ ли

удо-

„удовольствій путешествуете, или „по причинѣ какихъ либо дѣлъ?„ „Какъ васъ зовутъ? „Кто вы таковы?„ Кстати я вспомнила то, что Россійской Посланникъ мнѣ разсказывалъ въ Венеціи объ одномъ путешествующемъ дворянинѣ, которой, когда его спросили о имени, тотчасъ отвѣчалъ хладнокровно: что его зовутъ Бу-гу-гу-гу-гу. Да сдѣлайте, сударь, милость, сказалъ ему часовой, скажите, какъ его написать? Право, другъ мой, отвѣчалъ путешественникъ, писать дѣло твое; а я исполнилъ свое, и сказалъ тебѣ, какъ меня зовутъ. Въ самомъ дѣлѣ неправда ли, что кромѣ шуточныхъ отвѣтовъ не льзя другихъ давать на такіе смѣшные вопросы?

## Письмо XXIX.

*Вѣна, 15 Декабря, 1785 года.*

Я была во дворцѣ съ госпожею Граніери, женою Сардинскаго Посланника. Ничто, кажется, не дѣлаетъ столь прекраснаго вида, какъ разнообразность, какая видна въ мундирахъ Офицеровъ, которые находятся въ Императорской передней. Для меня всѣхъ лучше Венгерское и Польское платье. Сіе утверждаетъ меня въ моемъ мнѣніи, какое я всегда имѣла, и котораго, можетъ быть, я никому, даже и вамъ, доселѣ не открывала, что всякой націи надлежало бы рачительно сохранять свои обычаи, и что нѣтъ ни малѣйшей надобности половинѣ человѣческаго рода быть обезьянами въ разсужденіи другой части касательно до платья. Императоръ даетъ особенную аудіенцію дамамъ, ему представляемымъ. Насъ ввели только двухъ вмѣстѣ

въ

вЪ ту самую комнату, вЪ которой онЪ былЪ. ВЪ то время, какЪ я и моя предводительница входили вЪ комнату, Принцесса Естергази отЪ него выходила. ИмператорЪ стоялЪ подлѢ дверей, поклонился намЪ очень учтиво, и попросилЪ насЪ сѢсть вЪ диванѢ. ЦѢлыя три четверти часа продолжался нашЪ разговорЪ, и онЪ не садился. Не чего опасаться быть вЪ тягость Императору, естьли того потребуетЪ нужда, или какая нибудь другая причина заставитЪ его окончить аудіенцію: онЪ скажетЪ вамЪ очень учтиво, что болѣе васЪ удерживать не хочетЪ; тогда-то должно встать и итти кЪ тѢмЪ дверямЪ, которыя онЪ самЪ отворяетЪ, и представленіе тѢмЪ кончится. По моему мнѢнію, оно гораздо пріятнѢе, нежели чтобЪ отвѢчать на вопросы, которые Государь благоволитЪ вамЪ сдѢлать вЪ присутствіи ста человѢкЪ, ко-

то-

торые могутъ слышать разговоръ особъ, собравшихся въ гостиной, и навѣрное все то другимъ пересказываютъ, что они слышали, съ глупою, или злобною улыбкою.

Совершенно почитаю за невозможное, чтобъ Монархъ разговаривалъ съ чувствованіемъ сердечнаго удовольствія, когда онъ окруженъ толпою, или по крайней мѣрѣ, большею частію пустыхъ головъ, похожихъ на баснословныя статуи. Императоръ весьма похожъ на Французскую Королеву, любезную его сестру. Одинъ его поступокъ, которой дѣлалъ меня принужденною, былъ тотъ, что при насъ онъ не садился. Онъ говоритъ учтиво и довольно пріятнымъ слогомъ.

Первый его Министръ, Принцъ Кауницъ, изъ числа рѣдкихъ людей, занимающихъ важныя мѣста. Его почитаютъ за человѣка великаго, нужнаго въ государствѣ и за хорошаго Патріота. Я замѣтила

ла

ла въ немъ чистосердечіе и вольность въ обхожденіи, сіи вѣрные спутники и неложные знаки величія его души. Внутреннія мои чувствованія меня увѣряли, что благоденствіе всѣхъ его соотечественниковъ есть единый предметъ его пристрастія. Онъ спросилъ меня: какъ я думаю о Вѣнѣ? Я отвѣчала ему, что не имѣла еще времени сдѣлать достаточныхъ примѣчаній; но что видно даже и въ черни довольный и преизбыточный видъ; *и что женщины, продающія яблоки, кажется, Ваше Сіятельство, очень довольны.* При сихъ послѣднихъ словахъ я увидѣла, что онъ усмѣхнулся, и увѣрена, что усмѣхнулся отъ искренняго сердца. Онъ былъ ко мнѣ очень снисходителенъ, вошелъ со мною въ подробности о рынкахъ и о съѣстныхъ припасахъ. Между прочимъ сказалъ мнѣ объ одномъ столь нужномъ и разумномъ учрежденіи, которое бы надлежало сдѣлать во всѣхъ боль-

шихъ

шихъ городахъ, т. е. что опредѣлены надсмотрщики надъ всѣми съѣстными припасами. Одинъ надъ огородными овощами, другой надъ мясомъ, и такъ далѣе надъ всѣми нужными вещьми, которыя продаются въ Вѣнѣ; и естьли какія, по разсмотрѣнію, найдутся не самыя лучшія, то ихъ выбрасываютъ на улицу. Такъ какъ говорю теперь о съѣстномъ, скажу; что никогда и нигдѣ я не видала такого множества кушаньевъ; которое вездѣ подаютъ за столомъ; изъ нихъ всякое блюдо въ своемъ родѣ очень прекрасно. Всякой день я ѣмъ зеленой горохъ, артышоки и спаржу. Раки здѣсь такъ толсты, какъ наши Шишестерскіе морскіе раки; а отъ Богемскихъ фазановъ очень пріятно пахнетъ: Однакожъ я не думаю, чтобъ Нѣмцы вообще были жадны; они тѣмъ тщеславятся; чтобъ ихъ столы были въ изобиліи наполнены всѣми кушаньями, какія только

ко есть самыя лучшія. Лѣса и рѣки сей земли доставляютъ имъ все прекрасное вмѣсто того, что наши повара не могутъ по волѣ достать ни кабанины, ни дичи, ни рябчиковъ, ни тетеревей, ни такихъ большихъ раковъ, какъ морскіе.

Здѣсь одно обыкновеніе мнѣ очень не понравилось. Всѣ простонародныя женщины румянятся; даже дѣвочка лѣтъ десяти, которую куда нибудь посылаютъ, и та не выдетъ на улицу съ нераскрашенными щеками. Не знаю, для чего онѣ это дѣлаютъ; потому что Нѣмки почти всѣ бѣлокуры. Часто я обѣдаю у Принца Кауница. Но какъ я столь же чистосердечна, сколько и онъ, то разговоры наши всегда бываютъ оживлены удовольствіемъ. Ничто мнѣ не дѣлало болѣе чести, какъ когда люди его лѣтъ и свѣдѣній позабываютъ на полчаса разность нашихъ лѣтъ и нашего пола. Хотя часто надо мною под-

подшучиваютЪ, что я люблю стариковЪ, которые очень стараются о своемЪ одѣяніи изЪ угожденія кЪ дамамЪ; но я надѣюсь пріобрѣсть Принцову милость, называю его первымЪ вЪ ширенгѣ, болѣе горжусь симЪ преимуществомЪ, которое мое сердце ему отдаетЪ, и признаюсь, что не могу терпѣть шутки франтовЪ.

Здѣсь бываютЪ такія же большія собранія, какЪ и вЪ Лондонѣ. ВЪ нихЪ-то, я повторяю, иногда бываютЪ такія женщины, сЪ которыми бы охотно провела всю мою жизнь. Онѣ не такого скучнаго, крутаго нрава, и не такЪ презрительны, какЪ Агличанки, и что сего милѣе, онѣ не показываютЪ преимущественнаго вида ФранцуженокЪ.

Общенародныя работы, какЪ-то: месть улицы и проч. здѣсь отправляютЪ преступники, которые работаютЪ скованные по двое и сопровождаемые стражею.

Импе-

Императоръ отдалъ городу звѣринецъ, называемый Пратеръ, въ которомъ дворянство и мѣщанство прогуливаются пѣшкомъ, или въ каретѣ, или верьхами. Въ немъ построили маленькіе домики, въ которыхъ продаются закуски и всякое питье. Онъ украшенъ деревьями. Рѣка Дунай орошаетъ его съ одной стороны, и во многомъ похожъ на Аглинской звѣринецъ.

Я видѣла картины, находящіяся въ томъ домѣ, въ которомъ прежде сего жилъ Принцъ Евгеній; нынѣ этотъ домъ принадлежитъ Императору. Теперь я не имѣю ни времени, ни охоты какъ ихъ, такъ и много другихъ вещей, которыя я видѣла, описывать... Здѣсь такъ много Агличанъ, что когда я бываю у Сиръ Роберта - Кейта, то воображаю себѣ, будто я нахожусь въ Англіи.

На сей разъ прощайте. Я есмь ваша искренняя и усердная.

Л. П.

П. П. Здѣсь не льзя купить ни одной Аптекарской травы и прочаго безъ докторскаго рецепта. Это весьма умное установленіе, чтобъ лучше обуздать глупость тѣхъ несчастныхъ, которые будучи обременены игомъ своего существованія, желалибы прекратить дни свои какими бы нибудь зернами опія, или пріемомъ мышьяка.

---

## Письмо XXX.

*Варшава, 7 Генваря, 1785 года.*

Я спѣшила, какъ только могла, выѣхать изъ Вѣны; потому что естьли бы я тамъ прожила еще недѣлю, то навѣрное бы осталась на всю зиму. Земля отъ Вѣны до Кракова прекрасна и вообще вездѣ равна. Долины отъ одного разстоянія до другаго въ пріятномъ разнообразіи испещрены холмами, на которые удобно можно войти, и ма-

маленькими лѣсочками. Живописецъ и охотникъ довольно найдутъ здѣсь, чѣмъ себя занять; красота видовъ и множество дичи могутъ ихъ удовольствовать. — Ели не ростутъ на одной землѣ съ нетвердыми деревьями. Я часто видѣла на правой сторонѣ рощи первыхъ, а на лѣвой послѣднихъ. Я примѣтила, что скотъ всякаго роду пасется въ холодное время на обработанныхъ, засѣянныхъ и зеленѣющихся поляхъ. Одинъ пастухъ съ крупнымъ своимъ стадомъ, другой пася своихъ барашковъ, одушевляли меня живѣйшими прелестями любезной природы, которая съ юныхъ лѣтъ моихъ была предметомъ моего ученія и моего удивленія подъ руководствомъ Г. Брована, которой конечно научился познавать ее не въ однихъ садахъ замка моего батюшки.

Первую ночь я провела въ Никольсьбургѣ, которой находит-

ся за шесть станцій отъ столицы. На первой я остановилась въ Брюнь, довольно хорошо укрѣпленномъ городѣ. Онъ оборонень цитаделью и прикрытъ съ западу крутою горою. Рукавъ рѣки Жажи орошаетъ городъ, и соединяется нѣсколько миль пониже съ рѣкою Масой, не подалеку къ западу отъ Презбурга, и по томъ впадая въ Дунай, довольно прибавляетъ быстроты теченію сей рѣки.

Всѣ почти деревни закрыты холмами. Домы ихъ сдѣланы горизонтально изъ елевыхъ деревъ, а пазы, находящіеся между ими, законопачены или мохомъ, или замазаны глиною. По дорогѣ изъ Брюнь въ Олмуцъ разсажены большія старыя вишневыя деревья.

Выѣзжая изъ Олмуца, видѣнъ на лѣвой сторонѣ въ долинѣ большой монастырь. Онъ и еще на правой сторонѣ *Картезіянскій Реформатскій монастырь* суть два весьма

ма пріятные предмета для путешествующихъ.

Прощайте. Я есмь ваша усердная.

---

## Письмо XXXI.

*Варшава, . . Генваря, 1785 года.*

Въѣздъ въ Краковъ представляетъ плачевныя слѣдствія неоднократной междуусобной войны. Система правленія въ Польшѣ есть всегдашній источникъ возмущеній, какія только вообразить можно. Королевское достоинство есть избирательное. Короля выбираютъ изъ благородныхъ, изъ которыхъ большая часть подтверждаетъ, что имѣетъ право быть Королемъ, что въ самомъ дѣлѣ многіе справедливо и дѣлаютъ.

Мнѣ кажется, что естьли бы Небу угодно было произвесть меня на свѣтъ благороднымъ Полякомъ, то чтобъ не видать моего отечества растерзаннымъ отъ за-

говоровъ и разныхъ возмущеній: я собрала бы моихъ соотечественниковъ, и сдѣлала бы имъ предложеніе, чтобъ мы и потомки наши отступились отъ несчастнаго сего преимущества. Я присовѣтывала бы имъ призвать въ свое отечество одного изъ лучшихъ Имперскихъ Принцовъ, въ которомъ бы они признали наслѣдственное мужество, добродѣтели кроткаго героя, соединенныя съ храбростію истиннаго солдата и съ опытами Полководца, и мы бы признали и утверждали его и его наслѣдниковъ законными Государями пространнаго сего Королевства.

Нечистыя и отвратительныя предмѣстія, населенныя Жидами, и Имперскій орелъ, однѣ только вещи, которыя представляются передъ въѣздомъ въ Краковъ. На воротахъ видны диры, прострѣленныя пушечными ядрами. Не льзя сомнѣваться, что естьли бы въ каждомъ проломѣ было

было имя славолюбиваго Принца, или Государя, которые стрѣляли въ сіи вороты, и естьли бы каждый изъ нихъ пожелалъ имѣть свой кусокъ: то я увѣрена, что сіи вороты можно было бы разрубить на столько же частей, сколько Польша имѣетъ разныхъ партій. Хотя у меня и были рекомендательныя письма къ знатнымъ госпожамъ въ Краковѣ; однакожъ я остановилась здѣсь на нѣсколько минутъ, чтобъ только немножко отдохнуть и поддѣлать подъ карету полозки; ибо меня увѣрили, что мнѣ иначе не можно будетъ продолжать далѣе моей дороги. За двѣ мили оттуда я принуждена была приказать снять карету съ полозковъ; а сіе доказало мнѣ, что Князь Голицынъ не вѣрно сказалъ мнѣ въ Вѣнѣ, будто мнѣ для такого путешествія непремѣнно надобно купить карету съ зимнимъ ходомъ.

Часто случалось, что карета моя, какъ она очень широка, а дорога узка, тащила за собою елевые сучки. Слѣдовательно тѣ, которые желаютъ объѣхать Германію, по моему мнѣнію, весьма бы умно сдѣлали, естьлибъ сбывали съ рукъ Аглинскія или Француз-скія свои кареты, которыя только что препятствуютъ и причиняютъ несчастные случаи. Въ примѣръ перваго скажу вамъ слѣдующее приключеніе: въ одинъ вечеръ я дожидалась два часа для того только, что заднее колесо такъ сильно уперлось въ большое елевое дерево, что шесть человѣкъ никакъ не могли его вытащить, и конечно бы я принуждена была тутъ ночевать, естьлибъ мужики, которыхъ мы позвали, не срубили этого дерева.

Позвольте мнѣ отослать васъ къ сочиненію г. Кокса, естьли вы желаете знать вѣрно записки моего путешествія. Я ограничу мои

опи-

описанія одними пріятными произшествіями.

Какъ я пріѣхала въ Варшаву, то нашла уже совсѣмъ готовый для меня домъ, которой топили два дни сряду. Онъ былъ для меня нанятъ по прозбѣ Князя Голицына Графомъ Штакелбергомъ.

Графъ Ш.......ъ, Россійской Министръ, былъ у меня. Онъ человѣкъ умной, здравосудящій и рѣдкихъ дарованій. На другой день по моемъ пріѣздѣ онъ представилъ меня ввечеру Королю. Его Величество принялъ насъ въ своемъ Кабинетѣ. Я была съ женою великаго Маршала Польскаго; она Королевская племянница. Вы не лучше говорите по Французски и по Аглински любезнаго сего Государя. Онъ сказалъ мнѣ, что какъ былъ въ Англіи, тому уже 30 лѣтъ, и спросилъ меня: живъ ли еще господинъ В..? Живъ, Ваше Величество, отвѣчала я. Онъ очень здоровъ, и у меня даже

 есть

есть милое письмо его руки. Мнѣ показалось, что Король былъ доволенъ, и сказалъ: естьли въ немъ нѣтъ тайнаго, то для него будетъ очень пріятно его видѣть. Онъ почиталъ слогъ Г. В * * * превосходнымъ. Я подала ему письмо. Прочитавъ его, онъ положилъ въ карманъ, и сказалъ: такъ какъ его сестра (Краковская Принцесса) не говоритъ по Аглински, то онъ переведетъ его для нея по Французски; по томъ Его Величество сказалъ, что естьли мнѣ угодно обѣдать у него послѣ завтра, то онъ прочтетъ мнѣ свой переводъ. Признаюсь, Король такъ меня этимъ удивилъ, что никакъ не могу вамъ того сказать. Надобно думать, что онъ весьма краснорѣчивый писатель на всѣхъ языкахъ, какимъ только учился. Я желала бы очень осмѣлиться попросить у него списать сей переводъ. Станиславъ Понятовскій, второй человѣкъ, которому я желала отъ всего сердца не быть Королемъ; по-

потому что мнѣ кажется не возможно, чтобъ множество людей и непріятныхъ дѣлъ, которыми его обременяютъ, не похищали у него ученыхъ людей и другихъ любителей музъ; а это для истиннаго философа конечно пріятнѣе суетностей придворныхъ, которые посвящаютъ тщеславію тѣ минуты, по видимому ими употребляемыя для Государя.

Польской Король во многомъ похожъ на Герцога Марльборуга. Въ рѣчахъ его такая чистота, и въ голосѣ такая нѣжность, что весьма пріятно слушать, когда онъ говоритъ. Принцесса К***, старинная моя знакомка, ускоритъ мой выѣздъ изъ сего города; ибо тому уже нѣсколько лѣтъ, какъ я ее не видала, да и она сама сюда не ѣздитъ по причинѣ. . . . Я просила у ней позволенія увидѣться съ нею въ ея деревнѣ, изъ которой и поѣду въ Петербургъ. Король спросилъ меня объ ней. Я ему сказала,

что

что съ нею увижусь. Не могу того терпѣть, что походитъ на партіи...

Здѣсь я разъѣзжаю съ визитами, со всѣмъ для меня новымъ образомъ, въ каретѣ графа Стакельберга въ шесть лошадей и съ двумя верховыми.

Польскія дамы, кажется, что имѣютъ много вкуса, разума и пылкости. Онѣ любятъ знатность, онѣ учтивы, любезны, и очень хорошаго мнѣнія о моей націи. Естьли бъ я была мущина, ... конечно бы преимущественно отдала мое почтеніе Княгинѣ Радзивилѣ. Впрочемъ я провела бы здѣсь счастливѣйшую жизнь, когда бъ только могла позабыть материнскую и дружескую должность.....

Здѣсь я видѣла очень много Карлъ. Они стоятъ въ гостиной съ Пажами и слушаютъ всякой разговоръ. Этотъ обычай мнѣ очень не полюбился. Въ другихъ земляхъ это было бы опасно; но здѣсь слуги и подданные собственно принад-

надлежатъ своимъ господамъ, и вѣрность ихъ равняется съ ихъ подданствомъ. Къ большей чести Польскихъ дворянъ, скажу, что рѣдко они отпускаютъ слугу, не опредѣливъ ему пенсіи по смерть, привязанность котораго они испытали чрезъ восемь или десять лѣтъ. Служанка Француженка, которую я рекомендовала Княгинѣ К... получила отъ нея послѣ девяти-лѣтней службы 100 фунтовъ стерлинговъ и аренду, состоящую изъ 60 десятинъ земли по ее смерть. Нынѣ можно назвать ее счастливѣйшею въ свѣтѣ женщиною. Король имѣетъ особливую привычку всегда почти говорить ласкательныя и благосклонныя рѣчи. Однажды онъ сказалъ мнѣ: что, по его мнѣнію, люди, звѣри, деревья, однимъ словомъ все, что происходитъ въ Англіи, совершеннѣе того, что родится въ другихъ земляхъ; причиною сего совер-

вершенства поставлялЪ онЪ землю и воздухЪ. Почтеніе сего Государя и ваше кЪ моему отечеству, заставили бы меня тщеславиться тѢмЪ, что я вЪ немЪ родилась, естьли бЪ только можно было присовокупить болѢе чувствованій кЪ тѢмЪ, которыя оно мнѢ внушаетЪ. Но недостатокЪ, которой сердце мое вЪ себѢ чувствуетЪ вЪ отдаленности отЪ отечества и тѢ пріятности, которыя мое возвращеніе вЪ его нѢдра изливаетЪ на мое существованіе, наконецЪ сіе одно слово *КомфортЪ*, не имѢющее равнаго знаменованія ни вЪ какомЪ другомЪ языкѢ, давно уже напечатлѢли вЪ глубинѢ моей души неизгладимое правило; по которому я столь справедливо его цѢню.

Завтра я поѢду прощаться кЪ Краковской ПринцессѢ. Очень жалѢю, что такЪ скоро отсюда Ѣду, и сожалѢю не отЪ того, чтобЪ слишкомЪ мно-

много думала о красотахъ, которыя мнѣ низменныя сіи мѣста весною представили; но жалѣю о Королевскомъ знакомствѣ и нѣкоторыхъ Польскихъ дамъ, и сверьхъ того и объ обращеніи съ Графомъ Стакельбергомъ. Вотъ что, признаюсь вамъ, мнѣ стоитъ труда оставить сей городъ! Прощайте.

---

## Письмо XXXII.

*С. Петербургъ, 8 Февраля, 1786 года.*

Дорога изъ Варшавы идетъ сюда по низменнымъ мѣстамъ, которыя ничего не имѣютъ плѣняющаго, кромѣ окрестностей города Нарвы, гдѣ я наняла сани, чтобъ скорѣе доѣхать. Мнѣ помнится, я упомянула въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что мнѣ надлежало ѣхать къ Княгинѣ Чарторыльской. Я провела съ нею два дни въ загородномъ домѣ Княгини Любо-

Любомирской, ея невѣстки. Сколько мое съ нею свиданіе доставило мнѣ удовольствія, столько наша разлука причинила мнѣ великую печаль. Король прислалъ ко мнѣ очень учтиваго провожатаго, а Графъ Стакельбергъ шесть бутылокъ перечнаго спирту, (1) который, увѣряю васъ, очень мнѣ былъ полезенъ. Возвратясь отъ Княгини, я не останавливалась въ Варшавѣ, и на первой же станціи попался мнѣ постиллiонъ.

Для меня нѣтъ ничего скучнѣе, какъ путешествовать по такой землѣ, на которой идетъ все гладкая равнина. Перспектива упирается въ лѣсъ, сквозь которой надобно проѣхать; а по томъ опять представляются глазамъ такіе жъ предметы. Дорога еще не очень замерзла, ско-

(1) Родъ Польскаго питья, сдѣланнаго изъ перцу, которое гонятъ въ песочной теплицѣ. Оно весьма помогаетъ варенію желудка.

и мнѣ не льзя было по ней хорошо доѣхать до Нарвы. Теперь я очень похожа на молодую деревенскую дѣвушку; потому что цѣлой день сижу одна подъ окошкомъ. Всякой, кто бы ни шелъ по улицѣ, кажется, непремѣнно долженъ итти скорѣе, или еще и бѣжать. На углахъ каждой почти улицы стоятъ много наемныхъ саней, которыя заложены въ одну лошадь, такъ какъ у насъ въ Лондонѣ кареты и портшезы. М. С. сказалъ, что, по моему чину, мнѣ надобно ѣздить съ визитами въ каретѣ, запряженной въ 6 лошадей. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣла кучера на козлахъ и три форейтора, т. е. на каждой парѣ одного съ правой руки. Такимъ образомъ я обганиваю всѣ кареты, попадающіяся мнѣ на дорогѣ. Къ счастію улицы очень широки; и какъ скоро привыкнешь, то не такъ будетъ казаться страшно, какъ покажется сначала.

Мнѣ помѣшали писать: такъ позвольте мнѣ пожелать вамъ доброй ночи, чего отъ искренняго сердца имѣетъ честь желать вамъ ваша усердная

Е. К.

---

## Письмо XXXIII.

*С. Петербургъ, Пятница,* 18 *Февраля,* 1786 *года.*

Меня хотѣли представить Императрицѣ въ будущую субботу; но *Ея Величеству* угодно было снисходительно принять меня въ четвергъ въ Эрмитажѣ, гдѣ Она одинъ разъ въ каждую недѣлю ввечеру бываетъ съ Своими придворными, и гдѣ представляютъ то Французскую комедію, то Италіанскую оперу. Маркезини и госпожа Тоди самые лучшіе придворные пѣвцы. По справедливости можно сказать, что нѣтъ ничего великолѣпнѣе шествія *Ея Императорскаго Величе-*

*ства*

*стса* въ залу собранія. Видъ Ея быстръ; въ немъ живо изображается снисхожденіе. Ея вниманіе для меня было весьма лестно и ободрительно. Я скоро могла примѣтить, что Императрицѣ сказано было, что я не Агличанка, и потому-то изволила спросить меня: Не въ Шотландіи ли я родилась? Эрмитажъ достоинъ особливѣйшаго вниманія. Это такое великолѣпное зданіе, въ которомъ премножество комнатъ расположено прекрасно въ длину, которыя всѣ украшены превосходными картинами. Вамъ не безъизвѣстно, что сія Премудрая Императрица имѣетъ рѣдкія и безцѣнныя коллекціи. Между прочими есть картины Лорда Орфорда. Для такой превосходной живописи нуженъ только человѣкъ, которой бы со вкусомъ поставилъ каждую въ надлежащій порядокъ, смотря по величинѣ и по свѣту, которой ей свойственъ. Не думаю, чтобы

такая въ свѣтѣ Государыня не могла имѣть, или найти такого человѣка.

Петербургъ, весьма веселый и видомъ прекрасный городъ. Улицы въ немъ очень широки и долги. Домы такъ хорошо обштукатурены, что кажется, будто всѣ сдѣланы изъ бѣлаго камня, и нѣтъ ни одного ни выше, ни ниже трехъ этажей. Естьли бы молодая женщина осмѣлилась судить о каждой вещи во всей ея величинѣ, а не разсуждала бы объ нихъ подробно: тобъ я сказала, что не только городъ, но даже и образъ жизни во всемъ безпредѣльны. Знатные, кажется, стараются наперерывъ превзойти одинъ другаго во всякомъ родѣ пышности и великолѣпія; а болѣе всего въ томъ, что касается до обычаевъ и роскоши чужестранцевъ. Царствующая теперь мода, по моему мнѣнію, никакъ не соотвѣтствуетъ здѣшнему климату. Природа не сотворила Рускихъ красавицъ,

вицЪ, чтобЪ онѢ украшались флерами и поддѢланными Французскими цвѢтами. ЭтѢ бездѢлки продаются здѢсь по такой цѢнѢ, которая не обѢщаетЪ покупщикамЪ пріятныхЪ слѢдствій.

ЗдѢсь есть публичныя зданія, посвященныя для всѢхЪ НаукЪ и ХудожествЪ. КакЪ художники, такЪ и любители оныхЪ, и даже всѢ тѢ, которые сЪ ихЪ великими и превосходными дарованіями не имѢли бы знатной участи вЪ Италіи, во Франціи и вЪ Англіи: то конечнобЪ удостоены были отЪ здѢшней Императрицы милостивѢйшаго покровительства и снабжаемы были бЪ всѢмЪ нужнымЪ вЪ изобиліи. Уваженіе *Ея Величества* кЪ дарованіямЪ и щедроты кЪ имѢющимЪ оныя принудили бы и должны были принудить рѢшиться многихЪ, вѢчно основать свое пребываніе вЪ новой столицѢ сея обширныя Имперіи; но можетЪ быть только восьмимѢсячное продолженіе стужи

жи можетъ уменьшить пылкое воображеніе Піитовъ. Смѣющіяся, злачныя равнины и распускающіеся цвѣты на счастливыхъ берегахъ Ипокрены должны поблекнуть и завянуть подъ инѣемъ хладнаго пояса.

Я видѣла двухъ только знатнѣйшихъ особъ, на которыхъ было Руское платье. Оно для меня очень прекрасно. Я часъ отъ часу болѣе удивляюсь, что народы вмѣсто того, чтобъ подражать другимъ странамъ въ разсужденіи образа жизни, не стараются сохранять древніе свои обычаи. Сюда привозятъ очень много запасу изъ Херсона, находящагося при Турецкихъ границахъ и недавно построеннаго города. Отъ сей столицы до него 1600 миль, которая также всѣмъ снабжается и чрезъ Архангельскъ; а всѣ произрастѣнія, какъ-то: виноградъ, горохъ, бобы, артишоки и проч. привозятся за 2000 миль изъ Астрахани

хани по Каспискому морю. Судя по сему, покажется, что самые нужные съѣстные припасы дороги; напротивъ того они здѣсь очень дешевы, или не дороги. Я думаю, что Россія изъ всѣхъ Государствъ въ свѣтѣ есть одно, въ которомъ всякому очень можно жить безъ нужды; а особливо естьли не покупать Французскихъ винъ, модныхъ вещей и Аглинскихъ поваровъ.

Я никогда не чувствовала въ себѣ такой привязанности къ симъ послѣднимъ, какъ нынѣ. Въ Аглинской линіи, находящейся въ одной части сего города, въ которой живутъ купцы сей націи, я вижу Аглинскія прекрасныя рѣшетки, Аглинскія каменныя уголья. Аглинское гостепріимство, которое сдѣлало мнѣ отличное удовольствіе, изъявило примѣтную пламеннѣющую въ глазахъ радость. Я не имѣла еще того пріятнаго случая, чтобъ познакомиться

съ торгующими здѣсь. Естьли же Аглинскіе купцы и ихъ семейства такъ умны и учтивы, какъ тѣ, которыхъ я часто видала: то очень буду рада, когда, по возвращеніи моемъ въ Лондонъ, они примутъ меня въ своихъ домахъ, какъ посѣтительницу. Желаніе мое имѣетъ цѣлію ихъ благоразумные разговоры, которыми хочу пользоваться, и которые едва ли гдѣ можно слышать. Какъ же бы могло это быть иначе? Наши молодые Агличане, научившись въ Весминстерѣ или Итонѣ нѣсколько Греческому и Латинскому языку, и будучи въ обращеніи простонародны, грубы и вольны, представляютъ собою странную, порочную и педантическую смѣсь, которую по справедливости можно назвать глупостію и наглостью. По окончаніи такимъ образомъ ихъ ученія, отдаютъ ихъ на руки какому нибудь несчастному, которой принужденъ возить ихъ изъ двора ко двору,

изъ

изъ одной страны въ другую, такъ что наконецъ въ слабыхъ умахъ сихъ молодыхъ господъ не сдѣлается никакого приращенія и никакой перемѣны; а все ихъ просвѣщеніе состоитъ только въ томъ, что они умѣютъ говорить о нарядахъ, прическѣ волосъ и о прочемъ недостойномъ вниманія.

Искусный купецъ, увѣренъ будучи, что добрая совѣсть и понятіе о торговлѣ суть однѣ надежныя пособія, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе его семейства; онъ, воспитывая своихъ дѣтей, пріучаетъ ихъ къ тому же званію и состоянію, въ которомъ самъ рожденъ и живетъ; внушаетъ имъ трудолюбіе, которое, какъ вамъ не безъизвѣстно, есть источникъ изобилія, спокойствія и даже веселія. ПЕТРЪ Великій, благоразумно поставлялъ торговлю сильнѣйшею подпорою Его Имперіи; а потому-то и Аглинскій купецъ во всѣхъ своихъ планахъ ободряет-

ся сею же лестною надеждою. Нашъ островъ, который такъ малъ въ сравненіи съ другими Государствами, есть убѣдительное доказательство того несомнѣннаго преимущества, какое нація отъ торговли имѣть можетъ, въ то самое время, когда обширнѣйшія владѣнія, вновь пріобрѣтенныя самыми великими Имперіями, ничего болѣе не могутъ доставлять своимъ владѣльцамъ, кромѣ попеченій и безпокойствъ, естьли выгоды торговли въ своемъ отечествѣ и поселеніяхъ онаго не оживляютъ ихъ новыми пособіями.

Французскій Посланникъ и Графъ Сергій Румянцовъ, назначенный Посланникомъ въ Берлинъ, очень умные люди. Г. Еллисъ здѣсь съ Г. Фицгербергомъ. Разговоры ихъ очень пріятны, и въ компаніи съ ними не можетъ быть скучно. У насъ проходитъ масленица и оканчиваются балы. Тѣ, которые давали Посланники, были отмѣн-

мѣнно великолѣпны. Г. Сегюръ и Герцогъ Серра Капріола, Неаполитанскій Министръ, дѣлали каждой по прекрасному балу.

Изъявя совершенное мое высокопочитаніе Императрицѣ, я имѣла также щастіе быть представлена тотъ же самый вечеръ и Великой Княгинѣ. Ея Высочество вскорѣ по моемъ пріѣздѣ разрѣшилась отъ бремени. Здѣсь очень много прекрасныхъ, прелюбезныхъ и благородныхъ дамъ. Иныя изъ нихъ очень сожалѣютъ о томъ, что климатъ ихъ слишкомъ суровъ, а Г. . . сказалъ мнѣ, что планета благополучія былабъ для него та, которая позволила бы ему возвратиться въ Англію, и тамъ достать себѣ откупъ. Онъ говоритъ очень хорошо по Аглински. Правда, нигдѣ нѣтъ такой естественной красоты, которая происходитъ отъ порядка и опрятности, какъ въ Англіи. Здѣсь домы убраны самыми драгоцѣнными вещами, при-

везен-

везенными изъ всѣхъ Европейскихъ странъ; но чтобъ войти въ гостиную, въ которой полъ сдѣланъ самою лучшею наборною работою, надобно итти по крыльцу, сдѣланному очень грубо, и изъ самаго простаго лѣсу, а особливо противенъ обонянію дурной запахъ. Кучеръ и форейторы носятъ кожаные и суконные кафтаны. Странно также для меня и то, что когда Кавалеръ проситъ Даму съ собою танцовать, то передъ всѣми цѣлуетъ у ней руку.

Сходно съ этимъ обыкновеніемъ, я разскажу вамъ и другое; но тогда только, когда съ вами увижусь.

Тогда-то вы узнаете, что Г. . . былъ точно въ такомъ состояніи, какъ рыцарь волшебницы Ургеліи, и что могъ это сказать: *надобно ли потерять жизнь для поцѣлуя?*

Вы конечно слыхали когда нибудь о Князѣ Потемкинѣ. Я вездѣ его вижу; онъ очень скроменъ и

весь-

весьма почтителенъ къ дамамъ; онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ превеликолѣпный домъ, который строится въ предмѣстіи города. Одна комната, которая теперь уже готова, такъ удивительна, что я не могу лишить васъ и себя удовольствія, чтобъ ее не описать. Она въ 300 футовъ длины; у противо — положенной окнамъ стѣны поставлены въ два ряда каменныя колонны, вышина и средостолбіе которыхъ соотвѣтствуетъ необычайной величинѣ четвероугольной и продолговатой залы. Въ срединѣ къ окошкамъ она имѣетъ видъ полукруга, или, какъ мы называемъ, арки; а за нею находится еще большая комната, которая, примыкаясь къ этой залѣ, представляетъ одну комнату, но къ ней почти непринадлежащую. Во всемъ пространствѣ сей залы Агличанинъ, садовникъ Князя, въ прекрасномъ порядкѣ, разсадилъ разнаго рода фруктовыя деревья, и искусно развелъ

пре-

прелестные цвѣтники, на которыхъ было премножество Гіацинтовъ, Нарциссовъ, и другихъ Ароматическихъ цвѣтовъ. Изъ деревъ я видѣла очень много миртовъ, померанцовъ и проч. Вся компанія состояла изъ семи или восьми Дамъ, и столького же числа Кавалеровъ.

Большія печи, закрытыя столбами, были натоплены, для уменшенія холоду въ такой пространной залѣ. Здѣсь-то я слышала необыкновенную роговую музыку, на которой играютъ взрослые и маленькіе музыканты, изъ которыхъ каждой дулъ въ прямой рогъ, сдѣланной въ его ростъ. Сіи шестьдесятъ музыкантовъ производили весьма пріятную гармонію, совершенно похожую громомъ и звукомъ своимъ на церковные органы. Музыка, зала, стужа всѣ одно другому соотвѣтствовало. —

Я была въ кабинетѣ, въ которомъ хранятся медали и въ музеумъ (1) (или кунскамерѣ). Естьли сіе послѣднее зданіе совсѣмъ отдѣлается, то можно его назвать прекраснѣйшею перспективою нѣсколькихъ прямою линеею соединенныхъ комнатъ. Въ немъ также я видѣла ПЕТРА Великаго; Онъ сдѣланъ изъ воску, сидитъ на креслахъ въ кафтанѣ, которой вышивала Императрица ЕКАТЕРИНА, любезнѣйшая Его Супруга.

Съ совершенною справедливостію и должнымъ почтеніемъ можно сказать, что нынѣ царствующая Императрица за первое почитаетъ удовольствіе вводить въ свои владѣнія науки, художества, ману-

(1) Я удивлялась, разсматривая механическую, самую рѣдкую и удивительнѣйшую вещь, какую только видѣла. Цѣлая упряжка на шесть собакъ сдѣлана изъ бѣлой кожи, вышита разноцвѣтными шелками, и сани для одного человѣка. Все сіе привезено изъ Камчатки. —.

мануфактуры и всѣ потребныя для жизни, пользы, пріятностей заведенія, чтобъ украсить сіи главныя мѣста такими же дарами, какіе только небо произвело для самыхъ пріятнѣйшихъ странъ; но естьли ей угодно будетъ перемѣнить свою столицу и отнесть ее ближе къ Югу: то думаю, что всѣ здѣшнія пріятности пропадутъ, или по крайней мѣрѣ уменьшатся. Мнѣ сказали, будто весна, или лучше та часть года, которую мы также называемъ, скучнѣе здѣсь зимы. Почему я хотѣла было выѣхать скорѣе отсюда, но разговоръ, какой я недавно имѣла съ Шведскимъ Посланникомъ, перемѣнилъ совсѣмъ мое намѣреніе; онъ имѣлъ предметомъ мое возвращеніе въ Германію чрезъ Швецію и Данію. Разговоръ, о коемъ недавно я упоминала, буду имѣть честь сообщить вамъ въ слѣдующемъ моемъ письмѣ.

Я есмь съ величайшимъ почтеніемъ и чувствительнѣйшею привязанностію

Вамъ преданная сестра

Е. К.

Вотъ тотъ самой разговоръ, которой я имѣла съ Шведскимъ Посланникомъ; и, по моему обѣщанію къ вамъ прислать, я помѣщаю его здѣсь.

Ш. П.

Милади! Я слышалъ, что вы хотите сдѣлать мнѣ честь взять у меня записку о вашемъ путешествіи.

Милади Е. Кравенъ.

Такъ, сударь; всѣ говорятъ, будто очень опасно переѣзжать эти ледовитыя моря, и я весьмабъ желала знать, какъ это бываетъ; потому что куда ни поѣду, вездѣ большую часть моего путешествія намѣрена, или такъ мнѣ хочется, ѣхать въ саняхъ; они мнѣ столь же кажутся

спокойными и любезными, сколь тряска кареты мучительна и несносна.

Ш... П...

Знаете ли вы, Милади, чтоб отсюда ѣхать къ намъ въ Швецію, надобно припрягать третью лошадь передъ парою; а особливо въ величайшемъ разстояніи опасныхъ мѣстъ?

Милади.

Что вы называете опасными мѣстами?

Ш... П...

Тѣ самыя, гдѣ страшно, чтобъ ледъ не проломился. Для сего на длинныхъ веревкахъ припрягаютъ третью лошадь напереди, которую называютъ потерянное дитя; потому что естьли ледъ обрушится, тотчасъ отрѣзываютъ веревки, и лошадь утопаетъ, а путешественники возвращаются назадъ.

Милади.

Но какъ я никогда еще не предпринимала такого путешествія, которое бы принудило меня возвратиться назадъ; и какъ мнѣ кажется, что и я сама подвергаюсь опасности заступить мѣсто потеряннаго дитяти, когда туда поѣду: то для сего и отложу мое путешествіе въ ваше отечество, Г. Посланникъ, до другаго случаю.

По томъ мы разговаривали о постороннихъ вещахъ. Теперь скорѣе буду приготовляться къ отъѣзду въ Крымъ, или лучше въ Тавриду. Меня увѣрили, что онъ есть весьма прекрасная земля. Признаюсь вамъ, я очень рада, что сіе потерянное дитя доставляетъ мнѣ прекрасное извиненіе, а вмѣстѣ и случай ѣхать въ Царь-Градъ.

Здѣсь много такихъ Госпожъ, съ которыми мнѣ очень жаль растаться; по тому что хотя онѣ молоды; но разумъ у нихъ украшенъ

шенѣ науками и совершенными дарованіями. Италіанская музыка и Арфа съ педалами у нихъ въ великой модѣ, а сочиненія нашихъ славныхъ Аглинскихъ Стихотворцевъ онѣ очень хорошо понимаютъ. Часто мнѣ представляется, когда смотрю на лица здѣшнихъ женщинъ, будто онѣ имѣютъ черты древнихъ Гречанокъ, а мущины кажутся Аѳинянами съ проницательнымъ и тонкимъ разумомъ, весьма способнымъ къ перенятію языковъ; въ самомъ дѣлѣ они легко могутъ говорить многими Европейскими и другими языками, и очень скоро перенимаютъ все то, что выдумали науки и художества другихъ народовъ, и что имѣютъ въ себѣ хорошаго и полезнаго.

Я почитаю себя, любезный братецъ, безпристрастною къ частности, или особенности каждаго народа, когда увѣряю васъ, что не примѣчаю здѣсь ни предрззсудковъ Агличанъ, ни высокомѣрія Фран-

Французовъ, ни надмѣнной гордости Нѣмцовъ, ни всѣхъ общенародныхъ слабостей, которыя часто дѣлаютъ весьма скучными всѣхъ зараженныхъ ими, хотябъ они были весьма умны и справедливы. Естли вѣрить нѣкоторымъ людямъ, то статься можетъ, что Руские имѣютъ свои пороки. Это я говорю по слуху; потому что ни съ кѣмъ я не намѣрена была совершенно дружиться, а желала только видѣть моихъ знакомыхъ всегда учтивыми, пріятными, но нескучными и наглыми.

Путешествіе мое для меня есть живѣйшая Географія, и я ничего такъ не желаю, какъ ѣздить по пріятнымъ, зеленѣющимся и цвѣтущимъ дорогамъ.

Разумъ и дарованія всегда для меня были и будутъ любезны и дороги. Вчера я видѣлась съ особами такихъ благородныхъ качествъ, что даже мнѣ трудно будетъ

съ ними растаться. Князь Репнинъ и племянникъ его Князь Куракинъ, которыхъ я часто видала въ Англіи, оба здѣсь; и какъ уже тому 13 лѣтъ, то и почитаю ихъ моими старыми знакомыми.

Я совсѣмъ было позабыла вамъ сказать, что Великая Княгиня, спустя пять дней по моемъ сюда пріѣздѣ, разрѣшилась отъ бремени Великою Княжною; и для того не имѣла чести Ее видѣть до того вечера, въ которой я удостоена была принятія при Дворѣ. Она очень снисходительна къ чужестранцамъ; потому что С. М. хотя и не докладывалъ Ей обо мнѣ; но однажды, какъ я была въ оперѣ, и *Ея Высочество* увидѣла меня, что перемѣняю мѣсто; то или по милостивому Ея ко мнѣ снисхожденію, или съ соизволенія *Ея Величества* прислала меня звать къ себѣ послѣ спектакля, что я съ радостію испол-

полнила. Тогда случилось со мною непріяшное приключеніе, которое хочу вамъ разсказать. Хотя три кареты и ожидали меня у крыльца залы; однакожъ я дожидалась болѣе часа, и едва могла найти изъ нихъ одну; причиною сему, или то, что отъ Театра до покоевъ Великой Княгини очень далеко, или М. С., который сказалъ мнѣ, что будетъ меня ожидать въ Эрмитажѣ. Три раза я обошла Дворецъ, и между тѣмъ, какъ была у дверей, то двѣ кареты въѣхали съ другой стороны. Князь Куракинъ, который взялся представить меня Великой Княгинѣ въ Эрмитажѣ, и котораго Великой Князь благоволилъ пригласить съ собою ужинать, пришелъ отъ того въ великое замѣшательство, что двери, которыя отворялись въ пріемную комнату, были заперты; а я съ своей стороны принуждена была сидѣть въ Фрейлинской комнатѣ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ К. Куракина

не нашелъ моей кареты. Князь пошелъ ужинать, а Великая Княгиня, узнавъ отъ него, гдѣ онъ меня оставилъ, прислала ко мнѣ прекрасную шубу. Я сказала Князю, что я сего подарка недостойна; но онъ требовалъ, чтобъ я ее надѣла, что и принуждена была исполнить. Спустя нѣсколько минутъ мнѣ подали карету. Всего смѣшнѣе для меня было то, что жена Саксонскаго Министра, съ которою я пріѣхала во Дворецъ, думала, будто я уѣхала домой въ моей каретѣ; а тѣ, которые со мною были, и которые пріѣхали въ моей каретѣ, думали, что я сѣла съ Саксонскою Посланницею и поѣхала къ ней. Наконецъ всѣ, стоя долго то у той, то у другой дворцовой двери, между тѣмъ какъ и я то же сама дѣлала, весьма устали и позабыли думать обо мнѣ; чтожъ касается до людей моихъ, они навѣрное полагали, будто я ужинаю во Дворцѣ.

Великая Княгиня бѣла, высока и величественна. Виртембергская Герцогиня, дочь Брюнсвикской Герцогини, собою хороша и очень походитъ на Аглинскихъ Королевскихъ дѣтей. Она осыпала меня учтивостями. Великіе Князья и Великія Княжны, какъ мнѣ сказывали, собою очень прекрасны и стройны.

Прощайте, любезный братецъ, и будьте увѣрены, что я есмь съ сердечнымъ почтеніемъ и привязанностію вамъ преданная.

П. П. Въ послѣдній разъ я также удостоилась говорить съ Императрицею. Вы конечно повѣрите, что выѣзжая изъ Петербурга, я почувствовала глубочайшее впечатлѣніе напоминанія о Ея милостяхъ и снисходительности. – Вотъ примѣръ этому: *Ея Величество* сказала мнѣ передъ оперою: „Милади! „мнѣ извѣстно ваше намѣреніе; но „какъ вы знаете, что непріятныя „вещи всегда откладываютъ, когда „только возможно: то и примете

 „отъ

„отъ меня прощальную аудіенцію „послѣ оперы.„ Слова сіи были смѣшены съ пріятною улыбкою. Она еще спросила меня очень ласково: Довольна ли я всѣми увеселеніями, какія мнѣ доставляли и вниманіемъ, которое ко мнѣ имѣли? Я отвѣчала: конечнобъ, *Ваше Величество*! я была неблагодарна, естьли бы не сожалѣла о такомъ Государствѣ, въ которомъ преимущественно предъ другими имѣла честь пользоваться великодушнѣйшимъ гостепріимствомъ, сопровождаемымъ величайшею щедростію. У Вице-Канцлера Остермана каждую середу бываетъ обѣдъ на 60 кувертовъ для иностранныхъ; а у вдовы, Княгини Голицыной, каждую недѣлю одинъ разъ ужинъ. У Г. Остермана также бываетъ ввечеру по воскресеньямъ балъ. Императрица, какъ сказывали мнѣ, платитъ всѣ издержки на столы въ сихъ открытыхъ домахъ, въ которыхъ угощаются Министры

чуже-

чужестранныхъ дворовъ и знатные путешественники; потому что во всѣхъ почти Государствахъ для многихъ причинъ не принимаютъ чужестранцевъ въ партикулярныхъ домахъ.

Нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ я сообщила свое намѣреніе ѣхать въ Крымъ; иные изъ нихъ говорили мнѣ, будто тамъ воздухъ не здоровъ, воды ядовиты, и естьли поѣду, конечно тамъ умру. Но какъ въ большомъ свѣтѣ новопріобрѣтенную землю и новыя ея красоты всегда почти злословятъ, то я этого и не боюсь, и совсѣмъ иначе объ сей странѣ думаю. Нѣкто изъ любопытныхъ иностранцевъ, бывшій тамъ для своихъ примѣчаній, такъ прекрасно ее мнѣ описалъ, что можетъ быть я рѣшусь имѣть небольшее владѣніе въ этой Татарской землѣ. Прощайте, почтеннѣйшій братецъ, я есмь совершенно вамъ преданная.

---

Пись-

## Письмо XXXIV.

*Москва, 28 Февраля 1786 года.*

Карету свою я оставила въ Петербургѣ, а наняла для себя и для небольшой моей свиты нѣсколько повозокъ, называемыхъ кибитки. Онѣ похожи очень на дѣтскія качалки, напереди у нихъ сдѣланы окошки въ кожаныхъ занавѣскахъ, которыя отдергиваются и закрываются. Я въ ней могу лежать, сидѣть и спокойно спать, какъ дитя въ пеленкахъ, будучи защищаема подушками и одѣялами отъ стужи. Кибитки этѣ ставятся на полоски. Естьли дорога хороша, то онѣ нетряски, и въ нихъ очень покойно и пріятно ѣхать. Но несказанное множество саней, безпрестанно переѣзжающихъ по снѣжной дорогѣ, дѣлаютъ по обѣимъ ея сторонамъ ухабы или ямы, и естьли сани въ нихъ попадутъ, или когда надобно будетъ изъ нихъ выѣзжать, тогда повозка получаетъ

чаетъ такіе удары, которые, увѣряю васъ, могутъ проломить и самую крѣпкую голову. Меня вывалили два раза. Изъ этихъ случаевъ я узнала, что кучера привыкли къ такимъ скочкамъ. Они тотчасъ проворно слезаютъ съ лошади, подымаютъ и оправливаютъ повозку; а никогда не спрашиваютъ: не ушибся ли путешественникъ. Они возятъ весьма странно: кучеръ сидитъ на козлахъ прямо лицемъ къ тремъ, рядомъ запряженнымъ лошадямъ. Пронзительный свистъ, или лучше сказать, дикой крикъ, есть побудительный знакъ, чтобъ лошади скорѣе бѣжали; – и какъ скоро закричитъ, тотчасъ поскачутъ во всю рысь. Естьли же онѣ поѣдутъ очень тихо, то кучеръ машетъ, или хлопаетъ кнутомъ надъ лошадьми, или свиститъ, кричитъ, и лошади слушаютъ его. Я примѣтила, что форейторъ никогда не бьетъ ихъ дорогою, а вмѣсто того они мнѣ сказывали, что кнутъ

дѣй-

дѣйствуетъ на конюшнѣ безъ пощады. Всякой умной человѣкъ не поѣдетъ изъ Петербурга на масленицѣ. Можно подумать, будто въ сіе время Руские крестьяне почитаютъ за непремѣнное кататься и быть пьяными. Во всѣхъ почти деревняхъ я видѣла такъ наполненные молодыми людьми обоего пола сани, что надлежало бы ихъ везти тремъ лошадямъ, но они ѣздили на одной, которая принуждена была скакать, или лучше сказать, летать съ этою шумящею толпою изъ одного края деревни въ другой. Избы въ деревняхъ построены въ два паралельные ряда и притомъ въ прямой линіи. Дѣвушки, наряженныя въ праздничные свои уборы, будучи всѣ вообще очень собою хороши, кажутся еще болѣе прекрасными въ пестрыхъ своихъ платкахъ, которыми онѣ умѣютъ хорошо и привлекательно повязывать свою голову.

Рус-

Рускіе мужики собою хороши, сильны и велики. Женщины, какъ уже я сказала, всѣ собою миловидны, а особливо у нихъ и у мущинъ зубы своею бѣлизною уподобляются снѣгу. Часто случалось мнѣ видѣть всѣхъ жителей цѣлой деревни собравшихся вокругъ моихъ повозокъ. На лбу, на шеѣ и на рукахъ у женщинъ надѣто было по нѣскольку нитокъ самого лучшаго восточнаго жемчугу; но и онъ не могъ быть равенъ своею бѣлизною ихъ чистымъ зубамъ. Для меня весьма удивительно, какъ маленькія дѣти, которыхъ лѣтъ до трехъ, а особливо зимою, держатъ въ теплыхъ избахъ, бываютъ здоровы безъ свѣжаго воздуха. Почти въ каждой избѣ сдѣланъ подлѣ печи полъ наподобіе антресолей. (1) Отецъ, мать и дѣти тамъ сидятъ большую часть дня и спятъ всю ночь. Жаръ вверху такъ великъ,

---

(1) Что мы называемъ полати.

ликЪ, что не могу понять, какЪ они могутЪ его терпѣть; но привычка чего не дѣлаетЪ; а для нихЪ также удивительно казалось, когда я отворяла дверь или окошко. И такЪ сколько противенЪ мнѣ чрезмѣрной жарЪ вЪ ихЪ избахЪ, столько и они боятся холоду. Потому-то у ихЪ дѣтей лице блѣдно и нездорово до пяти или шести лѣтЪ. Деревянные домы у поселянЪ не дурны. Они сдѣланы изЪ простыхЪ бревенЪ, составляющихЪ твердую и толстую стѣну. Бараньи шубы, обыкновенное ихЪ платье, очень теплы и весьма удобны для сего климата. ВЪ Англіи подумаютЪ, что люди, собственно принадлежащіе своимЪ господамЪ, должны претерпѣвать много неудобствЪ отЪ своего рабства; напротивЪ того сіе повиновеніе защищаетЪ ихЪ жизнь, имѣніе и безопасность. Впрочемъ всѣ такіе крестьяне имѣютЪ неоцѣненныя выгоды; потому что заплативЪ вЪ годЪ своему

ему господину около полугинеи, они имѣютъ, по раздѣлу своему, столько десятинъ земли въ господскомъ владѣніи, сколько могутъ ее вспахать, и все ихъ состояніе совершенно зависитъ отъ ихъ собственнаго трудолюбія. Правда, что господинъ долженъ ставить каждой годъ изъ своихъ мужиковъ рекрута; однако это для него не такъ тягостно; ибо съ трехъ, или четырехъ сотъ, отдать одного человѣка не великой убытокъ. Часто я слыхала, будто сія Имперія мало населена, судя по ея пространству; но когда подумаешь о войскѣ, принадлежащемъ *Ея Величеству*, и узнаешь, какимъ образомъ его набираютъ: то по сему основательно можно заключить, что Россія гораздо многолюднѣе, нежели какимъ путешествующіе представляли сіе Государство. Не имѣя никакого предразсужденія, съ удовольствіемъ думаю о смѣшномъ и ложномъ понятіи, какое Аглин-

ской простой народъ имѣетъ о вольности и о своихъ правахъ; потому что. . . Теперь, любезный и почтенный братецъ, сдѣлавъ вамъ такое описаніе Аглинской вольности, желаю вамъ доброй ночи, и оканчиваю обыкновеннымъ повтореніемъ, что я есмь отъ всего сердца ваша искреннѣйшая сестра

Е. К.

---

## Письмо XXXV.

*Москва, 3 Марта, 1786 года.*

Помнится мнѣ, что я еще къ вамъ не писала о тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія мнѣ нужно имѣть, чтобъ я могла продолжать путешествіе мое самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Кременчугскому и Херсонскому Губернаторамъ дано уже знать о моемъ намѣреніи ѣхать въ Перекопъ, которой есть ключь полуострова, называемаго Таврида. Судя по климату и физическому ея расположенію, думаю, что

что сія Область, недавно присоединенная къ Россіи, есть прелестнѣйшая; почему и не должно никогда Имперіи ее оставлять. Я хочу на малое время обратить ваше вниманіе на сей предметъ, и постараюсь, сколько возможно, и при томъ слѣдуя самому древнѣйшему ея описанію, представить короче.

Мнѣ хочется доказать вамъ, что Таврическая Область непремѣнно будетъ для нашихъ потомковъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. За долго прежде Гомера, первые извѣстные обитатели сего полуострова были Киммеры, сильный и храбрый народъ, происшедшій отъ Ѳракіянъ. Между тѣмъ, какъ они дѣлали набѣги на малую Азію, Скиѳы вошли во внутреннія части сего полуострова, и хотя имъ и завладѣли; но не отняли еще Крыма. Наконецъ завоеватели совсѣмъ выгнали изъ городовъ и селъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, на-

ходившихся въ нихъ, которые принуждены были скитаться и искать себѣ жилища въ горахъ и вертепахъ, отъ чего они и назвались Таврами; а въ послѣдствіи временъ и весь полуостровъ Таврическимъ, или Тавридою, или Таврою, проименованъ. Сіе мятежничество происходило около 656 году до Р. Х.; Греки же стали поселяться въ сей Области въ слѣдующемъ столѣтіи.

Милетцы построили тамъ два города, и назвали одинъ Пантикапеумъ, или Воспоръ, что нынѣ Керчь; а другой Ѳеодосія, нынѣ вообще извѣстной подъ именемъ Кафы. Императрица повелѣла сей послѣдній называть прежнимъ Греческимъ его именемъ. Въ немъ отправляется съ нѣкотораго времени изрядная торговля. Прежде нежели описывать буду разныя перемѣны, скажу вамъ о различныхъ народахъ, обитавшихъ одни послѣ другихъ въ сей странѣ, и ко-

которые наконецъ сдѣлали изъ нея Россійскую Область. Я намѣрена продолжать сіе повѣствованіе по обыкновенному его порядку, которой состоитъ въ прехожденіи отъ случаевъ къ причинамъ странныхъ приключеній. И такъ, мнѣ кажется, основательно можно сказать, что въ нѣкоторыхъ Россіянахъ видны остатки древнихъ Греческихъ фамилій: Неизвѣстность, помрачающая все, касающееся до завоеванныхъ Націй дикими варварскими народами, препятствуетъ узнать точное ихъ происхожденіе, или родословіе. Не справедливо ли будетъ сіе мнѣніе, что Греки, выгнанные изъ Ѳеодосіи и другихъ городовъ, находящихся на берегу моря, скитались, или лучше сказать, были прогнаны въ дальнѣйшія страны, и что постепенно ихъ потомки населяли сію землю, въ которой одна необходимость при-
 нуди-

нудила основать свое жилище? Многіе знаки превосходныхъ дарованій проникли и преодолѣли всѣ препятствія, увеличенныя по причинѣ невѣжества и климата, которыя и нынѣ видны еще въ Руских мужикахъ. Я съ своей стороны совершенно увѣрена въ томъ, что естьли бы можно было имѣть истинныя преданія, которыя бы споспѣшествовали къ узнанію происхожденія сего народа: тобъ вѣрно нашла оной происходящимъ отъ соотечественниковъ Талеса и Алцибіяда.

Теперь я начну продолжать повѣствованіе. За 480 лѣтъ до Р. Х. переведенцы, вышедшіе изъ Митилены, основали въ Крыму Монархію, въ которой, спустя 42 года, Спартакъ царствовалъ. Историки повѣствуютъ, что сей Государь и его наслѣдники покровительствовали Грековъ, а особливо Аѳинянъ, и хотя всѣхъ почти

чпи выгнали Скиѳовъ изъ Херсонеса Таврическаго; но Сарматы совсѣмъ завладѣли сими мѣстами. По семъ приключеніи Тавріяне, живщіе въ горахъ, дѣлали частые набѣги на Греческія селенія, и до тѣхъ поръ грабили и разоряли Грековъ, пока не призванъ былъ на помощь Митридатъ, Царь Понтійскій. Сей, выгнавъ Скиѳовъ, основалъ до Р. Х. за 112 лѣтъ Воспорское царство, заключающее въ себѣ Восточную часть полуострова съ противолежащею на востокѣ землею, даже до Кавказскихъ горъ. Вскорѣ послѣ Р. Х. Аланы заставили Царей, Самовластцовъ Воспорскихъ, платить себѣ подать, и выгнали Тавридянъ. Новые сіи владѣтели пользовались своими завоеваніями 150 лѣтъ. Во второмъ вѣкѣ Готфы царствовали послѣ Аланъ; и въ ихъ-то владѣніе раждающаяся Христіанская вѣра была введена въ Крымъ. По томъ сдѣ-

сдѣлали Епископства въ царствованіе Діоклитіана и Константина Великаго; но Готфы были принуждены покориться Гуннамъ; а какъ всѣ, обитавшіе прежде ихъ, были также выгнаны изъ полей, то и они сами укрывались въ горахъ, и жили въ нихъ подъ владѣніемъ собственныхъ своихъ Христіанскихъ Государей. Въ сихъ городахъ находилось еще нѣсколько Аланскихъ семей, но только малое число, разсѣянное по деревнямъ и селамъ. Около IV столѣтія, такъ называемое Воспорское царство не существовало уже болѣе подъ симъ именемъ. Венгерцы вошли въ Крымъ въ 464 году, и поселились съ Булгарцами или Булгарами во всѣхъ городахъ, находящихся между Дономъ и Днестромъ.

Готфы и Алане ушли въ Тамамъ, гдѣ они и основали свое пребываніе, построивъ себѣ жилища;

ща; а потомки Венгерцовъ стали называться Аултцигріане, и считались по Крыму. Катіары всѣхъ ихъ покорили, и вскорѣ принудили равно какъ Торскихъ Готфовъ, такъ и всѣ Греческіе города, находящіеся на берегу, платить себѣ дань. Около 8 столѣтія Готфы покушались было свергнуть съ себя иго подданства; однако были опять принуждены исполнять свою обязанность, и не переставали быть во владѣніи своихъ Царей. Въ 840 году Императоръ Ѳеофилъ основалъ въ Херсонѣ правленіе, которому сдѣлалъ подвластнымъ всѣ прочіе города Крыма и Кубани; ибо хотя жители сихъ земель и платили подать Катіарамъ; но они признавали державу Византійскую. Не смотря на сіе, съ тѣхъ поръ, какъ Катіары овладѣли Крымомъ, сей полуостровъ назывался Кгатъ, или Гатіарія, кромѣ горъ, которые назывались Готѳія, отъ жившихъ въ нихъ Готфовъ, и

Тсикія отъ Аланъ, которые въ немъ жили. Тогда-то Крымъ наполненъ былъ великимъ множествомъ Жидовъ.

Въ 882 году, Печенеги, или Кангли, выгнали Венгерцовъ изъ Крыма; а по ту сторону золотаго перешейка жили два поколѣнія, отставшія отъ Болгаръ и Венгерцовъ, извѣстные въ Россійскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Берендековъ, или черныхъ Булгаровъ. Отъ сего Катіары лишились всякой власти надъ сею частію, и имѣли ее только въ Азіи, гдѣ также въ 1015 году хотя она была и уничтожена, однакожъ Крымъ все назывался Катіарія.

Около 11 столѣтія, Печенеги принуждены были оставить сей полуостровъ, какъ свое владѣніе, Команамъ, иначе называемымъ Бютій или Полузы, которые завоевали какъ Грековъ, такъ и Готфовъ, находящихся въ оныхъ. По сей эпохѣ городъ Сугдаія, а нынѣ

Сол-

Солгатъ, сдѣлался столь славнымъ по внутренней и судоходной своей торговлѣ, что и прочія обитаемыя Греками пристани въ Крыму стали называться Солгатъ.

До 1204 года они признавали правленіе Византійской Имперіи; но съ тѣхъ поръ они сдѣлались независимыми отъ оной, или покорялись разнымъ Князьямъ, такъ что когда Турки завоевали сію страну, то она состояла изъ двухъ Княжествъ: первое, называемое Ѳедоръ, а нынѣ Інкерманъ, а другая Готія, нынѣ Мангулъ. Въ 1237 году Половцы въ Крыму были покорены Мангулами или Татарами, раздѣленными на Орды, или Провинціи, которые были управляемы въ поляхъ Князьями, называемыми Улугберги до тѣхъ поръ, пока Менгуели — Гіере не образовалъ Крымъ въ царство. Готфы и Греки платили Мангуламъ подать,

такъ

такъ какъ и они прежде сего платили Половцамъ. Въ началѣ Татарскаго правленія нѣсколько Черъ, Кафовъ или Черкасовъ, основались въ Крыму въ 1333 году. Часть, называемая Керчь, была управляема Княземъ ихъ націи; а какъ Татары производили великую торговлю въ Крыму: то сей полуостровъ и началъ называться симъ именемъ, которое есть одно, по которому онъ извѣстенъ всѣмъ восточнымъ народамъ. Когда Латинцы овладѣли Константинополемъ, тогда они производили изрядный торгъ въ Крыму, въ Таманѣ и въ Тонѣ. Знатнѣйшіе ихъ купцы были Венеціяне. Но когда Генуезцы, по договору, сдѣланному съ Императоромъ Михайломъ Палеологомъ, освободились отъ подданническаго права, которое имѣли на нихъ Греки, и мореплаваніе по Черному морю сдѣлалось для нихъ свободнымъ: тогда на-

начали они производить торговлю въ Крыму съ величайшею силою и успѣхомъ. Отъ того скоро произошли кровопролитныя войны, на которыхъ всегда почти они оставались побѣдителями. Съ согласіемъ Монгулъ-Хана построили городъ Кафу, и сдѣлали изъ нее кладовой анбаръ и главную контору для своей торговли, которая сдѣлалась наконецъ такъ важною, что полуостровъ назывался нѣсколько времени ея именемъ. Они постепенно завоевали бывшій Солгатъ и Семвалсъ, нынѣ называемая Балаклава. Правда, они платили дань Монгольскимъ Принцамъ до тѣхъ поръ, пока сохраняли свою власть; но какъ скоро она уничтожилась отъ междуусобныхъ раздоровъ, то Генуезцы свергнули бремя своего подданства, и Монгуские или Татарскіе Князья были то избираемы, то низвергаемы такъ, какъ угодно было Генуезцамъ. Тогда-то торговля между

жду Индіею и Крымомъ раздѣлилась въ верху на два рукова, или канала; Каспійскимъ моремъ и Астраханскимъ путемъ. Одна кончилась въ Танѣ, другая чрезъ Богдатъ и Таврическую Область въ Трапезонтѣ (Требизонтъ) и Севастополѣ. Тана принадлежала Генуезцамъ и Венеціянамъ подъ правленіемъ Монгуловъ. Генуезцы имѣли своихъ Консуловъ въ Трапезонтѣ и Севастополѣ.

Въ 1575 году Генуезцы лишились всякой власти въ Крыму по причинѣ завоеванія Турками Кафы, Соглата, Балаклавы и Таны на Донѣ. Новые сіи завоеватели истребили Готфскія и Ѳеодорскія Княжества, снабдили для большей безопасности всѣ главные города, находящіеся на берегу, изрядными гарнизонами, и такимъ образомъ уничтожили могущество Крымскихъ Хановъ. Однакожъ до 1584 года сіи послѣдніе бы-

были лучшіе союзники, нежели подданные Оттоманской Порты, которая, по праву, что она симъ именемъ называлась, не захотѣла въ такомъ качествѣ ихъ признавать, когда на выборъ свой они не испрашивали предварительнаго одобренія отъ Султана.

Кабинетъ Отоманской Имперіи сперва началъ устанавливать въ Кафѣ Санджака, а по томъ Беглербея, которой управлялъ всѣми владѣніями Султана въ Крыму по берегу Дона и на Азовскомъ морѣ, а въ городѣ Азовѣ поставили большой гарнизонъ, чтобъ тѣмъ удерживать отъ всякихъ предпріятій, или устрашать Хановъ. Но Турки, неискусною своею политикою, въ то самое время запретили Европейскимъ народамъ имѣть входъ въ Черное море и отъ сего запрещенія какъ внутренняя, такъ и наружная торговля совсѣмъ почти пре-

пресѣклась въ Крыму, и вывозъ съ тѣхъ поръ состоялъ только въ однихъ произведеніяхъ той страны, да въ невольникахъ.

Большая Черкаская ярмонка, о которой мы такъ много слыхали, и которая намъ столь мало извѣстна, происходила въ Кафѣ. Сюда-то они пріѣзжали продавать своихъ дѣтей Грекамъ, Генуезцамъ, Жидамъ, Армянамъ, которые опять перепродавали ихъ въ Константинополѣ; и сей торгъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Турки совершенно не распространили своей власти въ Крыму.

Во время Менгели-Герева владѣнія симъ полуостровомъ, превеликое множество въ немъ было Татаръ; но войны, которыя онъ имѣлъ съ ними на берегахъ Волги, доставили ему случай и средства привесть съ собою въ Крымъ нѣсколько тысячь Нагайцовъ, которыхъ онъ принудилъ тамъ поселиться.

въ

въ населеніи такимъ образомъ этой Области всѣ пріемники слѣдовали его примѣру, и скоро наполнили Кубань и всѣ земли, находящіяся между Днестромъ и Дономъ, военоплѣнными Татарами.

Крымъ долго былъ опаснымъ владѣніемъ для Рускихъ и Поляковъ; но опасность до тѣхъ только поръ продолжалась, пока обѣ сіи націи имѣли несовершенное понятіе о военномъ искусствѣ. До Карловицкаго мира они платили Хану годовую дань (*) 100000 Рейхсталеровъ, чтобы избавить и обезопасить обоюдныя свои земли отъ набѣговъ Татаръ. Россія, время отъ времени утвердясь въ семъ полуостровѣ какъ оружіемъ, такъ и политикою, совершенно имъ овладѣла. Послѣдній Ханъ получаетъ пенсію отъ Императрицы и живетъ нынѣ, какъ богатый господинъ.



(*) 120,000 рублей.

динЪ. Давно уже Ханы, прежде нежели сложили съ себя самодержавіе, не только безпрестанно были тревожимы съ одной стороны Турецкимъ Диваномъ, а съ другой политикою Россіянъ; но даже нѣкоторыя Татарскія Орды оскорбляли ихъ колеблющуюся власть.

Я описала вамъ такъ, какъ только могла лучше примѣры возмущеній, претерпѣнныя по сіе время тою Областію, въ которую вознамѣрилась ѣхать. Тамъ находится теперь 30 тысячь войска, принадлежащаго Императрицѣ, въ томъ числѣ 5 тысячь Козаковъ, которыхъ желаю очень видѣть. Нынѣ занимаются тамъ пріуготовленіемъ какъ дворца Ханова, такъ и другихъ домовъ Татарскаго дворянства къ прибытію Императрицы, и увѣряютъ меня, что я буду очень хорошо принята и угощена. Не смотря на всѣ дѣлаемыя мнѣ представленія, чтобъ отвратить меня отъ сего путешествія,

я конечно удовольствую свое желаніе. Что мнѣ до того, опасна ли ядовитая Татарская вода, и страшенъ ли проѣздъ по Черному морю въ Царь-градъ? — Я надѣюсь, увеселить васъ Географическими описаніями, различными видами и воинскими дѣйствіями, которыя хотя и представляетъ не такъ искусный человѣкъ въ Тактикѣ, какъ Пруськія ваши войска; но они позабавятъ, можетъ быть, такого Принца, которой, какъ вы, хорошій воинъ по праву происхожденія, наукъ и дѣятельности.

Теперь ѣду обѣдать къ моему банкиру, которому весьма хочется похвалиться предо мною своими оранжереями и имѣть удовольствіе хорошо меня накормить.

Я есмь ваша усердная сестра.

Е. К.

## Письмо XXXVI.

*Херсонъ, 12 Марта, 1786 года.*

Я принуждена была поставить мою кибитку на колесы въ маленькомъ простомъ городкѣ, называемомъ Сумы, прежде нежели могла ѣхать въ Полтаву. Въ Москвѣ, въ семъ превеликомъ городѣ, хотя и много предметовъ, достойныхъ моего вниманія; однако я такъ была нетерпѣлива встрѣтить весну, что ни къ одному человѣку не посылала, которой бы изъ учтивости конечно могъ меня удержать въ Москвѣ. Говоря о сей Россійской столицѣ, скажу, что я почитаю ее ужаснымъ соединеніемъ многихъ предмѣстій, или лучше сказать, групою многихъ селеній, находящихся въ великомъ разстояніи одно отъ другаго. Естьли хочешь дѣлать визитъ, или видѣть монументъ и другую какую нибудь рѣдкость, то надобно имѣть такіе большіе разъѣзды, что когда бы я здѣсь осталась,

лась, конечнобЪ выѣздЪ мой всякой день можно почесть изряднымЪ путешествіемЪ. Для меня всего лучше и всего болѣе показались вЪ Москвѣ колокольни. Онѣ представляютЪ четвероугольныя, разноцвѣтныя и высокія сЪ овальными окошками и позолоченными шпицами зданія; онѣ имѣютЪ готическій видЪ, которой почитается здѣсь красотою во всѣхЪ публичныхЪ зданіяхЪ. Я была вЪ Москвѣ вЪ то время, вЪ которое одна вдовствующая госпожа умерла; она, переживЪ всѣхЪ тѣхЪ, кого любила, отказала знатную сумму, чтобЪ покрыть одну изЪ этихЪ колоколенЪ самымЪ лучшимЪ червоннымЪ золотомЪ. ВЪ Полтавѣ мнѣ показывали то самое мѣсто, гдѣ была та славная баталія, которой худые успѣхи со стороны Карла XII остановили и уничтожили запальчивыя его требованія. Тамошній помѣщикЪ, (ПавелЪ БуденковЪ) своимЪ иждивеніемЪ воздвигнулЪ на семЪ мѣстѣ вЪ па-

мять сего знаменитаго приключенія изрядной обелискъ: въ столбѣ вдѣлана мѣдная доска, на которой представлено сіе сраженіе, довольно хорошо вырѣзанное. Въ Сумахъ я говорила съ братомъ Князя Куракина и Г. Ланскимъ; они оба Офицера́ми въ здѣшнемъ гарнизонѣ; имъ-то я обязана моею признательностію за доставленіе мнѣ преизрядной квартиры. Они-то принудили неупросимаго Жида уступить мнѣ небольшой новой домъ, въ которой онъ самъ хотѣлъ было переѣзжать. Оттепель такъ скоро настала, что я принуждена была пробыть здѣсь два дни, пока экипажа моего не поставили на колесы. Г. Ланской нѣсколько похожъ красотою, пріятностію и нѣжнымъ видомъ на покойнаго двоюроднаго своего брата, котораго, естьли портретъ написанъ безъ всякаго ласкательства: то безпристрастно можно сказать, что онъ былъ весьма собою пре-

кра-

красенъ. Князь Куракинъ и Г. Ланской съ величайшею нетерпѣливостію желаютъ оставить этотъ городъ. Они ожидаютъ, кажется, съ примѣтнымъ жаромъ какого нибудь случая, при которомъ бы могли оказать воинскую храбрость и геройское рвеніе, соотвѣтствующее ихъ должности. Сіи благородныя чувствованія лишаютъ ихъ веселыхъ собраній, достойныхъ ихъ происхожденія и воспитанія. На вопросы, которые я имъ сдѣлала, въ чемъ и какъ они проводятъ свое время, и съ кѣмъ обращаются, они сдѣлали мнѣ такія изрядныя описанія здѣшнихъ дворянъ, что слушая ихъ не льзя не смѣяться.

Въ Полтавѣ господскихъ домовъ нѣтъ. Я стояла у моего Банкира и гуляла въ окрестностяхъ города. Въ Кременчугѣ Оберъ-Комендантъ женатъ на весьма прекрасной женщинѣ; она уступила мнѣ весь-

ма хорошія комнаты, а лучше сего очень хорошо меня угостила. Князь Потемкинъ здѣсь имѣетъ превеликой домъ подлѣ городскихъ воротъ, которой я ѣздила смотрѣть. Здѣшній Губернаторъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать; у него весьма много было гостей за столомъ; а послѣ обѣда съѣхалось такое многочисленное собраніе, что не только отъ него, да и отъ города я желалабъ очень далеко уѣхать. Здѣсь-то я стала чувствовать дѣйствіе рекомендаціи, какую обо мнѣ сдѣлалъ Князь. Всѣ дворяне обращались со мною съ наивозможнымъ почтеніемъ, и оказывали мнѣ уваженіе и учтивость. Одна Агличанка, вышедшая въ замужство за Рускаго, здѣсь находящагося, пріѣхала ко мнѣ съ визитомъ; и, посмотрѣвъ на меня нѣсколько минутъ, спросила: „Вы Агличанка, Сударыня?" Точно такъ, отвѣчала я усмѣхнувшись. Она бросилась ко мнѣ на шею, и задушила было

меня

меня въ своихъ объятіяхъ. Извините меня, продолжала она: я также родилась въ Англіи, и съ тѣхъ поръ не имѣла радости видѣть моихъ соотечественницъ, какъ изъ нее выѣхала. Я за мужемъ, имѣю дѣтей, и навѣрно не увижу болѣе моего отечества. Всѣ здѣшнія госпожи просили меня къ себѣ; и, повидимому, сердечно желали пробыть со мною нѣсколько дней; но я не могу и не должна оставить въ неизвѣстности * * * о моемъ пребываніи и о моихъ обстоятельствахъ. Даже я не увѣдомила * * * и * * * о предпріятіи моего путешествія, а писала къ нимъ только изъ Петербурга, что поѣду въ ту страну, гдѣ теплѣе здѣшняго. Намѣреніе мое не писать къ нимъ о себѣ до тѣхъ поръ продолжится, пока благополучно не пріѣду въ Константинополь. Мнѣ должно, да и хочется осмотрѣть верьфи сего города и укрѣпленія, которыя будутъ дѣлать по новому плану, данному

Г. Полковникомъ Карсаковымъ. Онъ молодой, весьма учтивый и любезный человѣкъ, находящійся при гарнизонѣ здѣшняго города. Кажется, что онъ всегда имѣетъ на сердцѣ укрѣпленіе сего мѣста и славу своихъ соотечественниковъ. Завтра я опишу вамъ, что увижу на гуляньѣ, и есмь съ моимъ почитаніемъ.

Ваша покорная сестра

Е. К.

---

## Письмо XXXVII.

*Херсонъ, 9 Марта, 1786 года.*

Городъ сей, въ древности называемой Бористень, построенъ на Днѣпрѣ рѣкѣ, впадающей въ Черное море; – здѣсь быть верьфямъ не очень хорошо; потому что когда корабль построенъ, и когда надобно спускать его въ ту часть канала, которая бы довольно была глубока для корабля: то непремѣнно на-

добно

добно его тащить верблюдами. Городъ невеликъ, хотя въ немъ и находится много новыхъ, недавно изъ бѣлаго камня построенныхъ домовъ и церквей хорошей Архитектуры.

Въ окрестностяхъ сего города нѣтъ совсѣмъ лѣсу. Карсаковъ намѣревается развесть его въ довольномъ количествѣ. Печи топятъ тросникомъ: здѣсь его очень много на мѣлкихъ мѣстахъ Бористена противъ Херсона; изъ него дѣлаютъ плѣтни и хижинки на нѣкоторое время. Тросникъ этотъ очень великъ и крѣпокъ; онъ служитъ убѣжищемъ разнаго рода птицамъ, а особливо водянымъ, которыхъ здѣсь очень много и у которыхъ перья очень прекрасны. Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ ихъ ловить, плавая въ лодкѣ по рѣкѣ.

Карсаковъ и Капитанъ Мордвиновъ, оба воспитанные въ Англіи, современемъ будутъ представлять оп-

отличныхъ людей въ воинскихъ Россійскихъ лѣтописяхъ. Послѣдній искусной морской Офицеръ занимаетъ здѣсь Инспекторское мѣсто въ гавани при строеніи кораблей. Въ верфяхъ теперь есть прекрасные фрегаты. Губернаторомъ здѣсь Г. Репнинской; жена его молода и очень прелюбезная женщина. Я живу въ превеликомъ домѣ, построенномъ для Греческаго Архіепископа; но какъ онъ никѣмъ не былъ занятъ, то мнѣ его и опредѣлили. Сколько я ни просила, чтобъ избавили меня отъ церемоніальнаго уваженія часовыхъ и прочихъ приставовъ, которые отдаютъ мнѣ честь, когда иду въ двери, у которыхъ они стоятъ; потому что я не терплю почестей, а особливо тѣхъ, къ которымъ я не привыкла; но мнѣ сказали, что я не могу имъ возпрепятствовать исполнять данныя имъ повелѣнія. Жену Консула Римскаго Императора я видѣла здѣсь; она ходитъ въ

Гре-

Греческомъ платьѣ; что мнѣ показалось неблагопристойнымъ.

Херсонъ, можетъ быть современемъ весьма прекрасной городъ, и обогатитъ берега Бористена дѣйствіемъ своей богатой торговли; ее почесть можно безцѣннымъ источникомъ и единымъ вѣрнымъ началомъ величія и славы Государствъ. Я недовольна свѣдуща въ военномъ искусствѣ, чтобъ точно могла узнать, для какой неисправности и недостатка почитаютъ нужнымъ перестроивать укрѣпленія сего города. Но судя по дарованіямъ Г. Карсакова, я увѣрена, что они будутъ очень хорошо расположены и сдѣланы искуснѣйшимъ образомъ.

Мнѣ кажется, что нѣтъ лучше состоянія для молодаго Офицера, какъ быть опредѣлену къ такимъ мѣстамъ, гдѣ онъ своими трудами можетъ укрѣплять новопріобрѣтенныя Области, и сохранять ихъ въ безопасности для блага

сво-

своего отечества. Чрезъ два дни я поѣду отсюда. За честь себѣ поставлю писать къ вамъ изъ перваго города, въ которомъ остановлюсь на нѣсколько дней.

Естьли правду сказать, то у меня теперь въ головѣ однѣ только Географическія карты и разныя Топографическіе планы. Все, касающееся до любопытства, не оставляю безъ вниманія. На укрѣпленіяхъ и на поляхъ работаютъ осужденные преступники, которыхъ цѣпи и звѣрской видъ произвели во мнѣ сожалѣніе и ужасъ. Мое удивленіе еще болѣе умножилось, когда мнѣ сказали, что сихъ колодниковъ около 4000 человѣкъ; однакожъ признаюсь, что обыкновеніе, заставлять ихъ работать, показалось мнѣ снисходительнѣе, справедливѣе и полезнѣе, нежели чтобъ ихъ запирать въ тюрьмы, и дѣлать изъ нихъ безполезныхъ, или лучше сказать, тягостныхъ обществу людей,

дей, которое обязано ихъ содержать.

Г. Мордвиновъ мнѣ сказалъ, что фрегатъ, на которомъ я поѣду въ Константинополь, уже готовъ, и будетъ ожидать моего приказанія въ какой нибудь Крымской гавани, и что Графъ Войновичь, командующій въ Севастополѣ, давно уже обо мнѣ увѣдомленъ, и имѣетъ приказаніе поступать со мною самымъ учтивѣйшимъ образомъ. Г. Мордвиновъ и Карсаковъ похожи на Агличанъ, болѣе всякаго чужестранца, кромѣ одного, котораго я когда нибудь видала, и котораго отъ всѣхъ отличаю. Вы можете быть въ томъ увѣрены, что это та самая особа вы, которую почитаю и уважаю болѣе всего на свѣтѣ; однимъ словомъ, которой съ искреннѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь называться усердною сестрою.

Е. К.

---

Пись-

## Письмо XXXVIII.

*Карасубазаръ, 3 Апрѣля, 1786 года.*

Цѣлые два часа я ѣхала въ лодкѣ внизъ по Бористену и вышла на противолежащій Херсону берегъ. На немъ ожидала меня карета и лошади, принадлежащія Маіору, правящему постомъ, которой разстояніемъ отъ берега не болѣе, какъ на два часа ѣзды. Меня привезли къ нему въ домъ, гдѣ я застала большой обѣдъ. Изъ кушанья ничто такъ мнѣ не понравилось, какъ свѣжее масло, сдѣланное изъ буйловаго молока. Сей честнѣйшій человѣкъ недавно лишился своей жены, которую онъ очень любилъ, и которая была для него утѣшеніемъ въ этомъ скучномъ жилищѣ. Низкое и болотистое сіе мѣсто не можетъ доставлять ему никакого другаго удовольствія, кромѣ того, что онъ пользуется зрѣлищемъ здѣсь нахо-

ходящагося войска. Оттуда я поѣхала по Перекопскимъ равнинамъ, на которыхъ ничего не растетъ, кромѣ большой и дурной травы, которую солнце въ извѣстное годовое время засушаетъ. Вся эта страна и города, находящіеся между Херсономъ и Кременчугомъ, называются рубежъ. Ей болѣе приличествуетъ названіе степи, или пустыни; потому что кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоятъ на опредѣленныхъ станціяхъ почтовыя лошади, не видно ни дома, ни дерева. Но что болѣе всего мнѣ полюбилось, и чѣмъ ѣдучи нѣсколько верстъ отъ скуки я увеселялась, это были многочисленныя станицы гусей, называемыхъ Дудаки, которыхъ издали я почла за телятъ. Въ самомъ дѣлѣ это были милліоны маленькихъ птичекъ, величиною съ голубя. Они цвѣтомъ бѣло-коричневыя, и стада дикихъ гусей, которыхъ перья также коричневыя, бѣлыя и темныя; од-

накожЪ они меньше нашихЪ. ЧѣмЪ далѣе ѣхала, тѣмЪ менѣе попадалось мнѣ такихЪ птицЪ; надобно думать, что онѣ водятся вЪ густотѣ тростника, которой служитЪ имЪ убѣжищемЪ, и отЪ котораго онѣ не хотятЪ отдалиться.

ПерекопЪ построенЪ на горѣ. РовЪ, окружающій его, кажется, будто болѣе способствуетЪ непріятелямЪ скорѣе кЪ нему приступить, нежели чтобЪ защищать отЪ осаждающихЪ городЪ. ГубернаторЪ сЪ своей стороны употребилЪ всевозможное стараніе и прозьбы, чтобы удержать меня хотя на нѣсколько часовЪ. Но какЪ здѣсь нечего смотрѣть, то я и поѣхала далѣе. Оставя Перекопскую крѣпость, принуждена была послать человѣка вЪ Татарское селеніе за паспортомЪ. Пустой страхЪ лакеевЪ во время сего путешествія очень меня забавлялЪ. ЧеловѣкЪ мой изЪ этаго селенія возвратился такЪ блѣденЪ, какЪ смерть.

смерть. Онъ сказывалъ мнѣ, будто видѣлъ Татарскихъ начальниковъ, сидящихъ кругомъ съ трубками, и будто они были весьма черны и не хороши собою. Я посмотрѣла паспортъ. Онъ былъ написанъ или по Турецки, или по Татарски. Здѣсь-то я видѣла вельблюдовъ, которые везли телѣгу. Эта деревня подала мнѣ мысль не очень хорошую о чистотѣ и опрятности Татаръ. Я нигдѣ не видывала хуже и гнуснѣе сего мѣста. Перешеекъ въ Перекопѣ не болѣе имѣетъ разстоянія, какъ на 6 миль отъ Азовскаго моря, или лучше сказать, отъ его рукава, называемаго Суахъ, до Чернаго моря. Изъ Крыму весьма бы можно было сдѣлать изрядной островъ. Когда выѣдешь изъ Перекопа, то земля очень похожа на наши песчаные холмики, простирающіеся по берегу моря въ Англіи, а дернъ такого зеленаго цвѣту, какъ самой яркой зеленой бархатъ. Лошади, можно сказать,

летѣли. Хотя не было тогда ни одной въ конюшнѣ у почтмейстера, однакожъ я не долго дожидалась, пока перемѣняли моихъ; потому что Козаки обязаны доставлять подставныхъ. На дорогахъ, вмѣсто обыкновенныхъ верстъ, поставлены камни. Всѣ лошади пасутся въ поляхъ неподалеку отъ большой дороги. Какъ только увидятъ подходящаго къ себѣ Козака съ овсомъ, то весь табунъ его окружаетъ, и онъ беретъ изъ нихъ любую. Почты назначены въ степныхъ Татарскихъ деревняхъ. Весь дворъ, или жилище конюха, состоитъ въ одной хижинѣ, или землянкѣ, которыя весьма обыкновенны въ этой странѣ, гдѣ солнце очень печетъ, и гдѣ нѣтъ никакой тѣни. На лѣвой сторонѣ Перекопа, повыше нѣсколько третіей почты, я видѣла многія соленыя озера, или соленыя ямы. Какъ великолѣпно это зрѣлище! Предъ захожденіемъ солнца, я пріѣхала въ Татарскую

дерев-

деревню, состоящую изъ нѣсколькихъ домовъ, или лучше сказать, изъ шалашей, которые представляютъ большой кругъ съ довольнымъ пространствомъ отъ одного шалаша до другаго, и при томъ безъ забора или безъ всякой другой такогожъ рода защиты. Стада крупнаго и мѣлкаго скота тихо шли съ песчаныхъ холмиковъ въ то селеніе, въ которомъ я остановилась, и представляли мнѣ сколь простой, столь и великолѣпной видъ, напоминавшій ту блаженную тишину и то изобиліе Патріарховъ, которымъ они наслаждались въ первые невинные дни юнаго свѣта. — Я здѣсь остановилась и приказала сдѣлать чаю; потому что спѣшу, какъ можно скорѣе, уѣхать. Хотя и оставила мою карету и арфу въ Петербургѣ; но не думайте, чтобъ я была безъ какихъ нибудь впрочемъ и маленькихъ запасовъ даже и въ моей кибиткѣ. Чайный мой при-

 боръ,

боръ, состоящій изъ жестянаго чайника, положенъ въ плетеную корзинку, есть первая поклажа, а боковое Аглинское мое сѣдло, привязанное за кибиткою, другая. Главная моя пища въ дорогѣ свѣжее молоко, въ которомъ иногда развожу нѣсколько шоколаду. Вездѣ, гдѣ только ни останавливалась, просила изъ любопытства отвѣдать воды, и вездѣ находила ее прекрасною. . . Я легко себѣ воображаю, что Князь Потемкинъ имѣетъ много у себя завистниковъ. Его достоинства въ этомъ меня утверждаютъ; но какъ онъ правитъ Тавридою и всѣми войсками, находящимися въ ней, то сіе и подало причину выдумать и сплесть множество злобныхъ неправдъ на щетъ сей земли, чтобъ этимъ хотя нѣсколько помрачить его славу, на которую онъ имѣетъ право, сохраняя или умножая владѣнія своей Государыни. По сіе время я еще ничего не видала, чтобъ могло утвердить

меня

меня въ томъ мнѣніи, будто эта страна нездорова. Завтра буду имѣть честь сдѣлать вамъ подробное описаніе моего сюда пріѣзда, здѣшняго пріема, и между прочимъ подамъ нѣкоторое понятіе объ этомъ мѣстѣ. Честь имѣю быть съ совершенною моею къ вамъ привязанностію

Ваша покорная сестра.

Е. К.

---

## Письмо XXXIX.

*Карасубазаръ, 4 Апрѣля, 1786 года.*

Вчера ввечеру, около половины одиннадцатаго часа, я приказала людямъ своимъ не запрягать еще лошадей. Мнѣ очень хотѣлось отдохнуть. Я имѣю такую дурную привычку, что никакъ не могу заснуть ѣдучи въ каретѣ. Въ этомъ одномъ и признаю себя слабою путешественницею. Такъ какъ почта была въ дурной Татарской деревнѣ: то я и не вышла изъ кареты.

Спустя нѣсколько минутъ, люди сказали мнѣ, что племянникъ Казачьяго Генерала желаетъ меня видѣть, и что очень сожалѣютъ о нечаянномъ и скоромъ моемъ отъѣздѣ изъ Перекопа; поколику они имѣли приказаніе провожать меня изъ этого города. Я опустила рѣшетку въ правомъ моемъ окошкѣ, и увидѣла двухъ молодцевъ очень изрядныхъ собою. Я сказала имъ, что не намѣрена ихъ здѣсь долго удерживать; а они съ тѣмъ и поѣхали назадъ. Я знала, что съ ними было много народу въ . . . Отпустя ихъ, я подняла завѣсъ у переднихъ окошекъ моей кареты, чтобы наслаждаться восхожденіемъ солнца, какъ, къ величайшему моему удивленію, увидѣла себя окруженною 20 или 30 Казаками, которыми командовалъ Офицеръ. Послѣдній, увидя меня, усмѣхнулся, и снялъ шапку. Бывшіе съ нимъ Казаки закричали пронзительнымъ голосомъ, и тотъ

же

же часъ лошади, повозки и они всѣ поскакали очень скоро. Лошади, запряженныя въ карету, которая ѣхала за моею, такъ скоро поскакали, что бросились мимо моей и чуть чуть меня не вывалили. Любопытство заставило меня спросить, для чего такъ громко всѣ закричали? Въ отвѣтъ мнѣ сказано было, что Казаки, мои провожатые, увидя затворенную мою карету, вообразили себѣ, будто я умерла; потому что Казакъ не можетъ себѣ представить, какъ здоровой человѣкъ можетъ путешествовать весь закутавшись, и что улыбка Офицерова и крикъ, которой я слышала, происходили отъ радости и удивленія, увидя, что молодая Аглинская Принцесса, такъ они меня называли, здорова и жива. Казаки сказали мнѣ еще: будто они думали, что карета везла мое тѣло въ Карасубазаръ, чтобъ его тамъ похоронить. Казаки скачутъ всегда верь-

хомъ, имѣя въ рукѣ длинныя Алебарды, (Пики) которыя держатъ концомъ къ верху, а не такъ, какъ Татары держатъ ихъ концомъ внизъ. Около 6 часовъ я пріѣхала въ Татарской городъ Карасубазаръ, которой находится по лѣвую сторону отъ дороги, и остановилась въ Генеральскомъ домѣ, весьма хорошо сдѣланномъ къ пріѣзду Императрицы. Губернаторъ Генералъ Каховской, братъ его и весь почти Генералитетъ уже встали и всѣ были одѣты. Съ усталымъ и утомленнымъ лицомъ, въ спальномъ чепчикѣ я вошла на крыльцо къ хорошо напудреннымъ особамъ. Тотчасъ всѣ окружили меня Кавалеры съ многими разноцвѣтными лентами, золотыми цѣпьми и другими знаками Кавалерскихъ орденомъ. По сему великолѣпію мнѣ представилось, будтобъ я тогда была въ Сентъ-Жамескомъ дворцѣ въ торжественной день. Откланявшись всѣмъ я легла въ по-

постелю, и встала въ часъ по полудни, одѣлась и осматривала то мѣсто, гдѣ я была. Этотъ домъ построенъ на рѣкѣ Коразу, что по ихъ значитъ чорная вода. Она орошаетъ поле, находящееся предъ домомъ, и протекаетъ извиваючись близь города. Она очень узка, быстра и довольно прозрачна. Сіе прекрасное, сельское мѣсто способно подать Императрицѣ хорошее мнѣніе о новомъ своемъ Государствѣ; потому что этимъ именемъ очень можно его назвать. Мнѣ представили Казацкаго начальника. Онъ имѣлъ военный видъ, сѣдые прекрасные волосы, и носилъ ленту и бриліянтовую звѣзду, пожалованную ему Государынею. Генералъ сказалъ мнѣ, говоря объ этомъ чиновникѣ, что онъ сожалѣетъ, что сей воинъ не моложе теперь 20 годами; потому что Императрица не имѣла еще у себя въ службѣ Героя храбрѣе его. Ввечеру я была въ концертѣ, состоящемъ

ящемъ изъ толпы музыкантовъ, и слышала природную музыку Русскихъ мужиковъ. Она такъ странна, что не могу удержаться, чтобы вамъ хотя нѣсколько ее не описать. Человѣкъ стоялъ посреди трехъ или четырехъ, еще 7 или 8 составляли другой кругъ около первыхъ; а третій кругъ былъ изъ многихъ. Тотъ, которой находился въ срединѣ, началъ пѣть. и пропѣвъ стишокъ, первый кругъ съ нимъ соединился, а потомъ и второй до тѣхъ поръ, пока всѣ запѣли; тогда они подняли такой ужасной крикъ, что нѣсколько Офицеровъ едва могли принудить, чтобъ они замолчали; но всего страннѣе то, что они пѣли всѣ не въ одинъ голосъ. Хотя бъ музыка и не имѣла перемѣнныхъ тоновъ, и пѣсни ихъ были бы не способны къ хорошему пѣнію; однакожъ когда иные, безъ другаго учителя, кромѣ уха, поютъ терціей, то товарищи ихъ подымаютъ

ютъ очень чисто квинту; и этотъ концертъ бываетъ недуренъ. Естьлибъ вы спросили у котораго нибудь изъ нихъ, за чемъ онъ не поетъ ту же ноту, какъ и его товарищъ, стоящій передъ нимъ? навѣрное онъ не пойметъ этаго вопроса. Въ пѣсняхъ ихъ трактуется объ охотѣ, или о войнѣ, или главная цѣль ихъ состоитъ въ подражаніи разныхъ степеней удальства. Они очень забавны. Какъ эти пѣвцы были простые молодые мужики, то сначала были очень застѣнчивы; но мало по малу они вошли въ такую дикую смѣлость, что мы всѣ отъ добраго сердца тому смѣялись. Губернаторъ здѣсь не живетъ, а находится въ мѣстечкѣ, называемомъ Атмехетъ. Онъ пріѣхалъ сюда только меня встрѣтить и отправить въ Крымъ. – Этотъ Генералъ имѣетъ задумчивый, но пріятный видъ. Лице и черты его обѣщаютъ умнаго человѣка. Я слышала, что онъ очень много

спо-

споспѣшествовалъ своею нѣжностію и твердостію вселить въ Татарахъ мысль о подданствѣ, которому они никакъ не хотѣли было себя подвергнуть. Къ чести сихъ послѣднихъ можно упомянуть и сіе, что тѣ, которые противились сдѣлать присягу въ подданствѣ и въ повиновеніи, совершенно оставили эту землю и удалились въ Кавказскія горы. Они хотя послѣ о своемъ упорствѣ и сожалѣли; но это уже было поздно. Вся земля здѣсь покрыта песчаными холмиками, кромѣ тѣхъ только лощинъ, въ которыхъ сѣютъ пшено, и въ которыхъ разведено нѣсколько виноградниковъ. Татары ихъ называютъ своими садами. Не нахожу такого приличнаго и свойственнаго выраженія, которое бы могло изъяснить вамъ почтительныя вниманія, уваженіе, учтивость, здѣсь мнѣ оказанныя, и снисхожденіе, съ которымъ мнѣ отвѣчаютъ на всѣ мои вопросы.

Здѣсь

Здѣсь есть теперь начальникъ Албанцовъ, хотя онъ и имѣетъ постъ въ Балаклавѣ, морской гавани. Императрица очень цѣнитъ его храбрость. Платье его различествуетъ отъ Казацкаго, и болѣе походитъ на одежды древнихъ Римлянъ. Онъ уже пожилой человѣкъ. Чрезъ два, или три дни, буду къ вамъ писать о вершинѣ рѣки Каразу, которую увижу проѣздомъ отсюда въ Бакчисарай, столицу и въ прежнія времена резиденцію великаго Хана. — Прощайте.

---

## Письмо XL.

*Апрѣля*, 1786 *года*.

Вчера я ѣздила смотрѣть вершину рѣки. Она течетъ въ глубинѣ каменной скалы, лежащей посреди многихъ другихъ, которыя окружаютъ покатость долины. Г. Рибасъ, егерской Маiоръ, пре-

прекрасный и проворный молодой человѣкъ, мнѣ ее срисовалъ. Я ѣздила туда на бѣлой Генеральской лошади, и нашла ее весьма покойную для ѣзды, хотя немного и упрямую, можетъ быть отъ того, что она не привыкла къ женскому сѣдлу.

Никогда почти не случалось мнѣ видѣть веселѣе и пріятнѣе этого гулянья. Насъ было около сорока человѣкъ верьхами. Разнообразность платья и цвѣтовъ придавала зеленѣющемуся лугу, испещренному разными цвѣтами, болѣе яркой зелености, и представляла его живописною картиною. Мы поѣхали по пригорку, пока имѣли въ виду каменные скалы; бока ихъ такъ круты, что принуждены были слесть съ лошадей и карапкаться на нихъ такъ, какъ только могли. Вершина эта не такъ великолѣпна и вмѣстѣ поразительна, какъ Воклюзскій фонтанъ; но вмѣсто того она прекрасна и имѣетъ романическій

скій видЪ. Другая вершина украшаетЪ звѣринецЪ, вЪ которомЪ можно доспать большіе камни. Возвращаясь оттуда, я отстала отЪ компаніи, и пошла смотрѣть здѣшнія казармы. ВЪ иныя любопытство заставило меня войти. Онѣ построены вЪ прямой линіи на стремнинѣ. Идучи внизЪ кЪ Генеральскому дому, я нашла тамЪ всѣ вЪ чистотѣ и порядкѣ. Старой Казацкой начальникЪ удивлялся тому, какЪ я сидѣла верьхомЪ и какЪ проворно слезла сЪ лошади. ОнЪ поцѣловалЪ подолЪ моей юбки и сказалЪ мнѣ нѣчто по своему, чего я совсѣмЪ не поняла. ГенералЪ растолковалЪ, и сказалЪ мнѣ, будто онЪ меня очень хвалитЪ и говоритЪ: что я достойна родиться Казачькою. Ввечеру я ѣздила сЪ ГубернаторомЪ и ГенераломЪ до Карасубазара; и на дорогѣ видѣла притворное сраженіе двухЪ КазацкихЪ дивизіоновЪ. КакЪ меня обЪ этомЪ не пред-

 упре-

упредили, то я очень, очень удивилась. Казаки, ѣхавшіе по обѣимъ сторонамъ кареты, скинули стремяна; и, ставъ на сѣдло, поскакали изо всей мочи съ пронзительнымъ крикомъ. Генералъ усмѣхнулся моему удивленію и сказалъ, что Казацкой начальникъ хотѣлъ меня этимъ забавить. По томъ онъ просилъ меня выйти изъ кареты, и мы вошли вмѣстѣ на возвышенное мѣсто, противулежащее другому возвышенію, гдѣ было войско Казаковъ. Я увидѣла, что они пошли тихимъ маршемъ. Одинъ Казакъ, противостоящей партіи, подъѣхалъ къ этому войску, и, кажется, поворачиваясь на всѣ стороны, будто призывалъ свою партію, которая также, какъ и онъ, искала непріятельскаго войска. Наконецъ они съѣхались, но не въ боевомъ порядкѣ; иные были на лѣвой, другіе на правой сторонѣ; иные стояли передъ большею частію арміи, другіе позади. Вдругъ услы-

услышали крикъ и пистолетный выстрѣлъ. Это былъ знакъ начинать сраженіе. Войско, шедшее послѣ, начало производить воинскія дѣйствія, чтобъ сдѣлать каре предъ непріятелемъ, которой осаждалъ его со всѣхъ сторонъ. Тогда началось сраженіе, въ которомъ двѣ партіи соединяли храбрость съ проворствомъ. Одинъ, ухвативъ другаго, тащилъ его съ лошади, и пріуготовлялся его раздѣть до нага, (1) какъ вдругъ салдатъ побѣжденной партіи такъ сильно ударилъ побѣдителя, что этотъ растянулся на землѣ, а самъ посадилъ товарища на лошадь, и поскакалъ назадъ съ лошадью своего непріятеля. Нѣкоторые слезали съ лошадей для того, чтобъ удачнѣе стащить своего соперника съ



(1) Естьли Казакъ можетъ обойтись безъ дальныхъ хлопотъ, то никогда не убиваетъ непріятеля, а прежде его ограбитъ, опасаясь, чтобъ добыча и платье побѣжденнаго не замарались въ крови.

его лошади: то они, то ихъ преслѣдовали. Всякое оружіе было употреблено: алебарда, сабля, пистолетъ; и когда сраженіе было очень сильно, то происходили весьма проворныя дѣйствія, которыхъ не льзя было совсѣмъ разглядѣть отъ скорости.

Мнѣ было очень весело смотрѣть на сіи воинскія дѣйствія. Я просила Генерала, какъ можно лучше возблагодарить, вмѣсто меня, Казацкаго начальника. Послѣ сего я поѣхала въ городъ, и меня отвезли въ домъ Кадія, гдѣ его жена меня приняла. Никому не позволено было входить въ комнату, кромѣ переводчика и молодаго двенадцати-лѣтняго Рускаго дворянина. На головѣ у этой женщины надѣта была чалма, украшенная драгоцѣнными каменьями и дешевымъ жемчугомъ. Ногти ея вымазаны были красною краскою, лице раскрашено также красною и бѣлою, а жилы синею. Она по-

показалась мнѣ 60 лѣтнею въ морщинахъ старушонкою; но мнѣ сказали, что ей не болѣе 50 лѣтъ. На ней былъ, вмѣсто дамскаго платья, кафтанъ, или Доломанъ, родъ длиннаго Турецкаго платья съ жилетомъ, а вмѣсто пояса платокъ, вышитой золотомъ и разными шелками. Она указала мнѣ подушки, чтобъ я сѣла. Когда я примѣтила, что она очень пристально смотритъ на мои перчатки, тотчасъ я ихъ сняла. По томъ она подошла ко мнѣ, усмѣхнулась, взяла меня за руку, и начала мигать глазами и качать головою въ знакъ того, что это ей очень понравилось. Послѣ сего стала щупать мою руку выше локтя до половины плеча, и не переставала мигать и качать головою. Принесли кофе и подали конфекты, сдѣланные изъ розоваго цвѣту. Переводчикъ просилъ меня усильно, чтобъ я отвѣдала того и другаго, что я и сдѣлала. Конфекты пода-

 ютъ

ютъ послѣ всего. У Восточныхъ народовъ это значитъ, что уже пора ѣхать домой. Разговоръ нашъ чрезъ переводчика не заключалъ ничего въ себѣ важнаго. Татарской домъ есть весьма пріятное строеніе объ одномъ жильѣ; въ немъ нѣтъ ни столовъ, ни креселъ, ни другихъ деревянныхъ украшеній. Около стѣнъ положены большія подушки, на которыхъ мы сидѣли и лежали облокотясь.

При моемъ отъѣздѣ я поклонилась, а эта госпожа кивнула мнѣ головой, какъ мужчина. Выѣзжая изъ воротъ, я видѣла на дворѣ пляшущую женщину, которой во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ подражалъ маленькой мальчикъ. Странная ихъ пляска мнѣ не понравилась. Женщина эта очень недурно дѣйствовала корпусомъ; но только ногъ совсѣмъ почти не поднимала. По томъ я пошла въ мечеть, гдѣ было нѣсколько богомольныхъ Музульмановъ. Они стояли кругомъ по-

посреди мечети, и со вздохами ударяли лбомъ о полъ, и вставали попеременно. Продолжая нѣсколько разъ такія тѣлодвиженія, и вертясь все одинакимъ образомъ, многіе изъ нихъ упадали въ обморокъ, въ которомъ валились на землю. Ихъ относили въ отдаленные углы мечети, въ которыхъ складываютъ этихъ богомольныхъ суевѣровъ, посвящающихъ свое тѣло и время въ доказательство набожности святому ихъ Пророку. Въ этихъ дѣйствіяхъ они часто произносятъ слово Алла, что значитъ Богъ.

Въ одномъ изъ закаулковъ, о которыхъ говорила, я видѣла человѣка, о которомъ мнѣ сказывали, будто бы онъ пробылъ тамъ 40 часовъ не пивши и не ѣвши. Этѣ люди почитаютъ такое воздержаніе дѣйствіемъ благочестія, и естьли они оживотворяются вдохновеніемъ Пророка, то стараются выходя изъ темныхъ и сырыхъ

своихъ убѣжищъ, въ которыхъ по нѣскольку часовъ пролеживаютъ, опять притти въ помянутой кругъ, и начинаютъ дѣлать такія же тѣлодвиженія; но отъ этаго новаго усилія они обыкновенно падаютъ безъ чувствъ, и тогда-то ихъ отвозятъ домой для возстановленія истощенныхъ ихъ силъ. Это суевѣрное притворство впечатлѣваетъ въ народѣ сильное уваженіе и пристрастіе къ тѣмъ, которые его отправляютъ. Я также возвратилась домой, будучи не довольна, какъ этими глупостями, такъ и нечистотою города. Мечеть снаружи очень дурна, а внутри представляетъ унылый видъ, хотя впрочемъ и была освѣщена множествомъ лампадъ. Минаре, которое мы называемъ колокольнями или башнями, и всѣ Минаре, которыя я видѣла въ городѣ, очень прекрасны по тому только, что высоки и очень узки. Съ этихъ-то башенъ человѣкъ созываетъ набожныхъ

ныхъ Музульманъ молиться. Вмѣсто того, чтобъ звонить въ колокола, какъ у насъ, онъ кричитъ. Шумъ, которой производитъ созывающій человѣкъ, почти также пріятенъ.

Главная торговля этого города состоитъ въ кожахъ, которыя мы называемъ сафьянами разныхъ цвѣтовъ: желтой, красной, зеленой и голубой. Его можно купить очень дешево, и онъ такъ мякокъ, какъ атласъ. Безчисленное множество барановъ, которыми поля покрыты, доставляютъ имъ очень много дешевыхъ кожъ. Здѣсь-то продаются прекраснѣйшіе и самые дорогіе мѣхи. Бараны всѣ въ пятнахъ. Пестрыя ягнячьи кожи также весьма хороши. Чтобъ ихъ имѣть самыя рѣдкія, то они бьютъ овецъ тогда, когда онѣ сукочи, разрѣзываютъ брюхо и вынимаютъ ягненка, котораго кожа покрыта мѣлкими пятнами и такъ тонка и лосна, какъ самой тонкой атласъ. Но какъ много надобно

но такихъ маленькихъ животныхъ на подбой одного платья, то нечему и удивляться, что такой мѣхъ есть драгоцѣннѣйшій подарокъ, которымъ даритъ Императрица Посланниковъ. Ахъ, какъ бы я желала быть такъ богатою, чтобъ могла прислать вамъ такой мѣхъ на шубу! Я есмь съ сердечнымъ расположеніемъ

Ваша усердная сестра.

---

## Письмо XLI.

*Бахчисарай, 8 Апрѣля, 1786 года.*

По пріѣздѣ моемъ сюда, я обѣдала въ стану у Казацкаго начальника, гдѣ угощали меня подлинно что по Казацки. Длинной столъ накрытъ былъ на 30 человѣкъ. На одномъ концѣ поставлена была изрядная часть жареной свинины, а на другомъ жареная баранина. Посреди стола стояла превеличайшая чаша съ творогомъ; на немъ были также

же небольшія блюдцы съ кушаньями, которыя нарочно изготовили для меня и для бывшихъ тутъ же Рускихъ. Поваръ готовилъ ихъ какъ можно лучше, чтобъ усладить нашъ вкусъ. Старой воинъ хотѣлъ, чтобъ я отвѣдала болѣе 30 Донскихъ винъ. Три или четыре сорта охотно я пила, и они мнѣ очень показались. Послѣ обѣда я смотрѣла изъ окошекъ на притворное сраженіе двухъ партій и видѣла также трехъ Калмыковъ. Этѣ люди такъ дурны и такой свирѣпый имѣютъ видъ, что не льзя себѣ вообразить. Глаза у нихъ малы и впалые, носъ плоской, окладъ лица четвероугольной и желтаго цвѣту. Они такіе мастера пускать стрѣлы, что одинъ въ моихъ глазахъ убилъ стрѣлою за 100 шаговъ гуся, а другой за 50 разбилъ яицо. Молодые Казацкіе Офицеры оказали свое проворство въ семъ родѣ; но они были новички передъ Калмыками, которые также

пѣли

пѣли и плясали, хотя ихъ пляска и пѣсни безъ вкуса и безъ всякой нѣжности и согласія.

Когда Казакъ болѣнъ, онъ пьетъ нѣсколько дней сряду кислое молоко; и это одно только лѣкарство, извѣстное въ этой землѣ отъ лихорадки.

Я ночевала въ домѣ, которой принадлежалъ Татарскому дворянину, и которой нынѣ занимаетъ Россійскій постъ, гдѣ я видѣла болѣе 1200 самыхъ прекрасныхъ людей; они всѣ необыкновенной величины. Въ Татарскомъ домѣ всегда есть отдѣленное строеніе, употребляемое для пріему путешествующихъ и чужестранцевъ, которымъ хозяинъ оказываетъ учтивѣйшее гостепріимство. Въ этомъ мѣстѣ Генералъ съ нами распрощался. Я пріѣхала сюда съ Губернаторомъ въ его каретѣ; а прочіе, бывшіе въ нашей компаніи, поѣхали въ Кафу, или Феодосію. Завтра соединюсь съ ними въ одномъ мѣ-

мѣстѣ, называемомъ Мангусъ. Насъ провожали только два Казака; потому что Генералъ, въ удовольствіе Татаръ, никогда не ѣздитъ по этой землѣ съ салдатами. Бахчисарай лежитъ на такой крутой покатости, что повисшіе большіе камни, кажется, готовы упасть на домы и ихъ задавить. За одну милю отъ города я видѣла на лѣвой сторонѣ небольшой, но хорошо одѣтый Татарской корпусъ; подъ ними было болѣе ста лошадей. Каймаканъ (1) ѣхалъ передъ этими салдатами, и явился къ намъ, чтобъ насъ провожать. Не знавши сего, я спросила Губернатора: естьли здѣсь Рускія войска? На что онъ мнѣ сказалъ,

(1) Слово это значитъ первой Хановъ Министръ. Нѣкто при мнѣ назвалъ его Cremor Tartar (Креморъ Тартаръ), опасаясь, чтобъ ему не перевели эту шутку, я перевела ее: это сливки Татарскіе. Онъ сказалъ съ довольнымъ видомъ: это правда. (Примѣч. Автора)

залЪ, что повыше города есть 1000 человѣкЪ. ВЪ этомЪ мѣстечкѣ щитаютЪ 5000 ТатарЪ. Я не думаю однакожЪ, чтобы хотя одинЪ былЪ дома, когда мы ѣхали; потому что улицы были наполнены сЪ обѣихЪ сторонЪ зрителями. ВидЪ ихЪ очень страненЪ. ВЪ то время, какЪ мы ѣхали мимо ихЪ: то большая часть потупили глаза вЪ землю, а другіе смотрѣли на меня; по томЪ опять тотчасЪ потупляли ихЪ вЪ землю, какЪ будто бы боялись смотрѣть на открытое женское лице. Другіе, которыхЪ новость эта утѣшала, глядѣли прямо мнѣ вЪ глаза и очень смѣялись. Здѣсь производится изрядный торгЪ саблями, шпагами и ножами. Меня увѣряли, будто большая часть изЪ этихЪ оружій такЪ хорошо закалены, что они равняются сЪ Дамасскими.

ХановЪ дворецЪ построенЪ неправильно. Большая его часть состоитЪ вЪ одномЪ жильѣ, которое

рое поддерживается деревянными столбами. Онъ выкрашенъ и вызолоченъ страннымъ, но для глазъ пріятнымъ образомъ. Сводъ, или Амбразура, последней двери сдѣланъ по препорціи, а надпись, надъ ними написанная крупными золотыми словами, дѣлаетъ главное ихъ украшеніе. Мнѣ сказывали, что онъ весь обрушился; но Губернаторъ его перестроилъ, выкрасилъ и вызолотилъ. Онъ приготовленъ былъ для прибытія Государыни, которая проѣзжала чрезъ этотъ городъ. Гаремъ (1) весьма пространное зданіе и выше прочихъ строеній. Но что мнѣ показалось очень прекраснымъ, это многіе квадратныя комнаты въ нижнемъ жильѣ, въ которыхъ полы усланы мраморными плитами,

и

(1) Гаремъ значитъ такое зданіе, въ которомъ находятся женщины. Домъ всегда отдѣленъ отъ того, гдѣ живетъ господинъ. Сестры, матери, жены, любовницы, всѣ живутъ въ немъ вмѣстѣ.

и искусно сдѣланные фонтаны или водометы, которые безпрестанно бьютъ. Комната моя болѣе 40 квадратныхъ футовъ; окны въ ней въ два ряда, одинъ надъ другимъ, со всѣхъ трехъ сторонъ, и это было для меня великимъ безпокойствомъ; потому что я едва нашла такое мѣсто, въ которомъ бы можно было поставить мнѣ свою постелю.

Я нигдѣ не видала такого соединенія красотъ, золота, серебра и разныхъ цвѣтовъ, вмѣстѣ смѣшанныхъ, какъ здѣсь. Каймаканъ и другіе два знатные Татарина съ нами ужинали. Едвали гдѣ можно найти такихъ, или подобныхъ имъ простяковъ, какъ этѣ люди. Каймаканъ, первой Хановъ Министръ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о мѣстоположеніи своей земли; онъ думаетъ, будто Англія и Петербургъ все одно. Завтра буду обѣдать съ его сестрою. Она за мужемъ, за богатымъ Татариномъ,

ко-

которой взялъ на откупъ мыльные здѣшніе заводы; потому что между прочими произведеніями сего полуострова здѣсь есть руда, родъ жирной глины, которая похожа очень на мыло, и весьма удобна для выдѣлыванія всякихъ кожъ. Цареградскія женщины очень много его употребляютъ. Меня увѣряли, что этотъ Татаринъ имѣетъ отъ своего заводу величайшій доходъ. Изъ моихъ окошекъ я увидѣла родъ купола, которой возбудилъ во мнѣ любопытство, и узнала, что Ханъ соорудилъ его въ память своей жены Христіанки, которую онъ такъ нѣжно любилъ, что по смерти ея не могъ утѣшиться. Онъ для того поставилъ этотъ монументъ, чтобы часто наслаждаться удовольствіемъ, видя мѣсто, заключающее въ себѣ драгоцѣнные и любезнѣйшіе для него остатки. (1)



(1) Въ окрестностяхъ Бахчисарая есть много развалившихся зданій, какъ-то:

По чувствительности этого Татарскаго Хана я заключила, что онъ имѣетъ сердце, достойное быть любимымъ Христіанскою супругою. Я есмь ваша покорная и усердная сестра.

Е. К.

П. П. Во всемъ полуостровѣ очень много растетъ дикой спаржи и родъ дикаго же хрѣну, который бываетъ толщиною въ ногу и притомъ такъ крѣпокъ и такъ вкусенъ, что я никогда такого не ѣдала.

---

Пись-

---

бань, шатровъ и проч. и проч. Я была въ одной изъ этихъ бань; она круглая и внутри украшена мраморомъ и нишами, въ которые садились тѣ, которые купались. Это такая вещь, о которой мы не имѣемъ понятія. Холодныя ванны неизвѣстны въ Турціи и въ Татаріи. (Примѣч. Автора)

## Письмо XLII.

*Севастополь, 12 Апрѣля, 1786 года.*

Послѣднее мое письмо я послала къ вамъ изъ Бахчисарая. Съ того времени я была еще на другомъ Россійскомъ постѣ, находящемся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ древній городъ Кримъ, котораго не осталось ни малѣйшаго знака. Генералъ Шликтъ тамъ стоитъ съ прекраснымъ Рускимъ коннымъ полкомъ, и занимаетъ наружное строеніе, принадлежащее къ богатому дому, которой приготовленъ былъ къ прибытію Императрицы. Этотъ Генералъ сражался такъ храбро за возмущеніе Польши съ Россіянами, что отличное его мужество заставило Императрицу принять его въ свою службу. Онъ показывалъ мнѣ своихъ лошадей, между которыми темногнѣдая, или лучше сказать, золотаго цвѣту Арабская, такая прекрасная въ своемъ родѣ лошадь, что я во всю жизнь свою другой, ей подобной,

никогда не видывала. Здѣсь за нужное почитаю повторить вамъ о томъ, о чемъ уже къ вамъ писала: я обѣдала у Каймакановой сестры. Гаремъ этаго Министра и домъ его деверя построены очень романически при подошвѣ страннаго вида каменной горы, изъ подъ которой бьютъ нѣсколько прозрачныхъ ключей, которыхъ вода употребляется для домовъ и для бани этой Госпожи. На вершинѣ сихъ горъ (это нѣсколько удивительно) видны такія мѣста, къ которымъ конечно привязывали превеличайшие канаты. Татары говорятъ, что море прежде сего орошало подошвы сихъ камней, и что они тогда служили имъ для привязыванія кораблей. Мы обѣдали въ мужниныхъ комнатахъ. Смотря на нихъ, я удивлялась, что такой богатой Татаринъ жилъ въ нечистомъ и такъ дурно прибранномъ домѣ. Жиръ и медъ составляютъ почти весь

Та-

Татарской столъ. Послѣ обѣда Каймаканъ пошелъ черезъ дворъ, и мнѣ сказали, чтобъ я за нимъ слѣдовала. Я вошла съ нимъ на другой, гдѣ четыре женщины и нѣсколько дѣвушекъ тотчасъ насъ встрѣтили, и по томъ его сестра къ намъ вышла. Платье на ней было великолѣпное, а особливо поясъ, на которомъ были два круга. Браслеты, въ срединѣ которыхъ вставлены рѣдкіе прекрасные изумруды, также пребогатые. Она подала мнѣ большой бокалъ, въ которомъ было около двухъ кружекъ шербету или Сорбету, родъ дурнаго лимонаду; а послѣ намъ подали кофе и конфекты. Мы говорили очень хорошо знаками. Она не дурна и не стара; но какъ судить о лицѣ, покрытомъ непріятнымъ лакомъ, и гдѣ брови насурмлены и соединены прямою линеею, которая идетъ вдоль по носу? Перчатки мои причинили ей такое же безпокойство, какое и прежней

Татаркѣ. По первымъ догадкамъ тотчасъ я ихъ сняла; но она не была такъ любопытна, какъ Кадіева жена. Мнѣ казалось, что брату ея очень пріятно было, видя насъ разговаривающихъ знаками. На мнѣ былъ тогда шемизъ съ воротникомъ, которой былъ обшитъ прекраснымъ кружевомъ. Я думала, что такое платье покажется ей удивительнымъ; однако въ мысляхъ моихъ обманулась; потому что кружево и все, что не золото, не серебро, не жемчугъ и не драгоцѣнные каменья, здѣсь ничего не значатъ; и послѣ узнала, что бѣлье у нихъ также мало въ употребленіи. Для мужскихъ и женскихъ рубашекъ вообще ткутся матеріи изъ тонкаго шолку, или изъ бумаги и шолку, которыя они рѣдко перемѣняютъ. Баня, въ которую они часто ходятъ, препятствуетъ, чтобъ это обыкновеніе было отвратительною неопрятностію, которой безъ нее

ко-

конечно надлежало быть. Какъ Госпожа сія вышла изъ Гарема, то братъ ея, пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, пришелъ къ намъ, потомъ поцѣловалъ подолъ моего платья, и подарилъ мнѣ прекрасной платокъ, вышитой его сестрою. Губернаторъ сказалъ мнѣ, чтобъ я его взяла. Принявъ этотъ подарокъ, я просила Каймакана поблагодарить и увѣрить ее, что любя ее, буду его беречь. Платокъ этотъ кисейной, края вышиты разными шелками и золотомъ; но для меня удивительно то, что шитье на обѣихъ сторонахъ одинаково.

Я была въ Судакѣ; въ немъ видны еще основанія этаго большаго города, которой Генуэзцы перестроили на косогорѣ. Съ вершины этихъ горъ видно море подъ ногами; и тамъ-то есть еще остатки церкви, въ которой находится гранитовая колонна. Она такъ слабо поставлена, что отъ

малѣйшаго трясенія должна перпендикулярно упасть въ находящееся у подошвы горы море. Кажется, что городъ сей долженъ быть неприступнымъ съ моря для какого бы то ни было флота. Судя какъ по мѣстоположенію, такъ по укрѣпленію и надежнѣйшимъ постамъ, которыхъ остатки и доселѣ еще видны, надобно думать, что онъ былъ безопаснымъ укрѣпленіемъ и защитою противъ осадъ народа, живущаго во внутренности сей земли. По лѣвую сторону этаго города есть изрядная гавань. Въ Южной сторонѣ полуострова разводятъ виноградные сады, и дикаго винограда растетъ очень много. Теперь не у многихъ есть хорошіе виноградники; и потому-то здѣсь дѣлаютъ очень мало вина. Императрица опредѣлила Француза, которой, кажется, для того только и собираетъ спѣлой виноградъ, чтобъ дѣлать вод-

ку,

ку, которой онъ очень много гонитъ. Онъ живетъ теперь въ Судакѣ, и конечно очень скоро разбогатѣетъ. Очень жаль, что онъ не показываетъ Рускимъ, какъ разводить виноградъ. Изъ Судака я поѣхала въ Эпметхетъ, гдѣ живетъ Губернаторъ.

Домъ его построенъ на высотѣ, не подалеку отъ долины, подлѣ которой течетъ рѣка Сальгвиръ. Земля у береговъ этой рѣки очень похожа на черноземъ нашихъ огородовъ и весьма плодородна. Домъ Губернатора прекрасенъ, покоенъ и во всемъ достаточенъ. Всѣ казармы и другія зданія, построенныя Рускими, имѣютъ прекрасный видъ. Я видѣла нѣсколько человѣкъ, которые ѣздили на охоту съ Татарскими борзыми собаками; онѣ очень велики и хороши. Губернаторъ показывалъ мнѣ рѣдкое собраніе, имъ сдѣланное. Это птицы, набитыя соломою, насѣкомыя и другіе предметы, от-

носящіеся до Натуральной Исторіи, и очень хорошо сбереженные; какъ-то еще камни и минералы и прочія рѣдкости Крымскія. Красота прелестнаго дерна, превосходной грунтъ земли, виноградники, и климатъ довольно имѣютъ очаровательныя прелести, которыя сильны заставить полюбить эту страну. Вещь, которую я особенно разсматривала, есть маленькой прекрасной цвѣтокъ, разстилающійся по дерну какъ сѣточка. Я спросила, что это такое? Я очень удивилась, узнавъ, что это персики, которые, будучи объѣдены ягнятами, дѣлаются такими маленькими кустарничками.

Мнѣ очень было грусно разстаться съ Губернаторомъ; на лицѣ его видны твердость и важность, которыя дѣлали уваженіе его ко мнѣ гораздо пріятнѣйшимъ. Могу сказать, что онъ не позабылъ ничего такого, о чемъ бы я

могла съ сердечнымъ удовольствіемъ вспоминать во все продолженіе моего путешествія; равно также не позабуду ласкъ и учтивости Рускихъ Офицеровъ, которые дали мнѣ карты полуострова, и всѣ тѣ свѣдѣнія, какія только я желала знать. Искренно желаю доказать ему когда нибудь въ Англіи мою чувствительность и благодарность за его благосклонность и труды. Любезный этотъ Губернаторъ просилъ меня отвести четверть бочки вина Г. Булгакову, Россійскому Министру, находящемуся въ Константинополѣ, и принять отъ него въ подарокъ толстой хрѣнъ, о которомъ я выше упоминала.

Здѣсь я нашла фрегатъ о 36 пушкахъ. Онъ цѣлыя двѣ недѣли въ готовности ожидалъ меня, и отправится со мною подъ видомъ купеческаго корабля. Губернаторъ проводилъ меня до этаго города, описаніе котораго слишкомъ будетъ

детъ велико для этаго письма. И такъ я должна здѣсь остановиться, сказать только вамъ, что здѣсь мнѣ одной опредѣленъ цѣлой домъ. Архитектура и всѣ мебели его Аглинскіе. Онъ принадлежалъ Адмиралу Макензи, которой недавно умеръ. Сюда я пріѣхала по морскому рукаву въ шлюбкѣ Графа Войновича. Вышедши изъ нее и прошедши нѣсколько шаговъ, къ величайшей радости и пріятнѣйшему удивленію, я услышала два или три голоса мущинъ, которые поклонясь мнѣ учтиво, сказали: Милади! мы ваши соотечественники. — Въ самой вещи и здѣсь очень много Агличанъ, которые служатъ морскими Порутчиками въ Рускомъ флотѣ. Домъ покойнаго Адмирала подлѣ самого того мѣста, гдѣ я вышла на берегъ. Снаружи онъ представляетъ весьма прекрасный видъ. – Остаюсь искренная и усердная

Ваша сестра.

---

Пись-

## Письмо XLIII.

*Любезный Князь!*

Я весьма желала бы, чтобъ вы могли видѣть это мѣсто. Удивительные и странные берега представляютъ гавань совсѣмъ не похожею на тѣ, какія прежде сего видала. Пристань вдоль по берегу моря между двумя такими высочайшими горами простирается, что Слава ЕКАТЕРИНЫ, самой большой корабль въ Россійскомъ флотѣ, которой стоитъ здѣсь на якорѣ, за нею не видѣнъ; потому что берегъ выше флюгера, привязаннаго на концѣ главной мачты. Мѣсто это такъ глубоко, что корабль едва достаетъ до дна. Всѣ Европейскіе флоты могутъ быть въ безопасности отъ бурь и непріятеля въ гаваняхъ, и въ такихъ натуральныхъ пристаняхъ, которыхъ здѣсь очень много. Довольно бы было двухъ батарей, которыми можно укрѣпить устье съ одной

сто-

стороны, чтобъ потопить тѣ корабли, которые осмѣлились бы въ нихъ пройти; а естьли бы они находились со стороны моря, то возпрепятствовали бы войти флоту. Графъ Войновичь здѣсь командуетъ. Въ Икерманѣ онъ имѣетъ маленькую аренду; которая конечно прежде этаго была изряднымъ городомъ; но нынѣ остались однѣ только пещеры, вытесанныя въ каменныхъ горахъ. Здѣсь есть большая церковь. Олтарь и колонны ея достойны любопытства и примѣчанія.

Камни, изъ которыхъ они сдѣланы, бѣловаты и походятъ на мраморъ. Идучи по лѣстницѣ, я проходила также и сквозь весьма любопытные и большіе залы, въ которыхъ, кажется, очень можно было жить. Я такъ, какъ трубочистъ, входила снизу, а вонъ выходила сверху изъ этихъ странныхъ комнатъ. Хотя мнѣ и великаго стоило безпокойства безпре-

стан-

станно съ трудомъ оборачиваясь, чтобъ въ нихъ войти; однако при всѣхъ этихъ оборотахъ не могла подумать, будто вошла такъ высоко. Какъ скоро посмотрѣла вокругъ себя, то, къ величайшему моему удивленію, увидѣла Икерманской заливъ и Черное море по крайней мѣрѣ ниже 250 футовъ меня. Хотя я и не весь объѣхала полуостровъ; но вѣрно надѣюсь, что совершенно его знаю, и хотя это свѣдѣніе для меня новое: но весьмабъ желала, чтобы такіе искусные и трудолюбивые жители его населяли, которые могли бы ему возвратить торговлю и то обиліе, какого естественныя его произведенія ожидаютъ отъ человѣческой руки. Какое разумное существо, смотря на природу, представляющую глазамъ нашимъ всѣ свои прелести и всѣ свои красоты, безъ всякой помощи искусства образованныя, и призывающую насъ къ трудолюбію безпрестаннымъ излія-

ліяніемъ щедрыхъ своихъ даровъ; какое существо, любезный Князь! моглобъ удержаться, чтобъ не возпламениться желаніемъ спосп҄ѣшествовать дѣйствіямъ естественныхъ ея силъ? Признаюсь, весьма бы я желала, чтобъ Аглинское селеніе завело здѣсь фабрики моего отечества. Оно обогатило бы эту страну, основало бы на этихъ берегахъ безопасную и знатную торговлю, научило бы Грековъ, всегда утѣсненныхъ въ ихъ островахъ, трудолюбію и честности. Вывело бы безчувственныхъ Турокъ изъ роскошной и слабой безпечности, и подало бы способъ щастливымъ своимъ кораблямъ, проходя чрезъ Архипелагъ и Средиземное море, благополучно приставать къ Аглинскимъ гаванямъ, находящимся на опасныхъ для нихъ, а для насъ благополучныхъ берегахъ нашего острова. Это желаніе не мечта и не пылкое стихотворческое воображеніе; но это основательное и

искрен-

искреннее прошеніе женщины, почиатющей родъ человѣческой единымъ семействомъ, и подъ симъ видомъ усердствующей, чтобъ они могли въ совершенномъ единствѣ споспѣшествовать общему благу, и чтобъ всѣ народы оставили несправедливости, тщеславіе и алчные откупы. У меня много плановъ съ этой земли, сдѣланныхъ въ точности и хорошо растушеванныхъ, и надѣюсь имѣть честь ихъ показать вамъ при первомъ нашемъ свиданіи. Письмо это оканчиваю изъявленіемъ того удовольствія, какое чувствуетъ, называясь вашею покорною и усердною сестрою

Е. К.

---

## Письмо XLIV.

Третьяго дня мы ѣздили гулять въ прелестную долину, называемую Баядаръ. Объѣздя нѣсколько

ко времени по горамъ, Графъ Войновичь сказалъ, что мы еще за 25 миль отъ того мѣста, куда ѣхали, и что надобно ѣхать верьхомъ на Казацкихъ лошадяхъ, которыя съ нами тогда были. Но какъ я этого не знала, то и не взяла съ собою моего сѣдла. Я сказала Графу, что никакъ не могу сидѣть на лошади такъ, какъ мущины, а особливо на Казацкомъ сѣдлѣ. Мы принуждены были возвратиться въ Севастополь. Вчера мы опять ѣздили въ эту Баядарскую долину, и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ оставили свои кареты, я велѣла осѣдлать Аглинскимъ моимъ сѣдломъ самую большую Казацкую лошадь, и объѣздивъ около 12 миль по прекраснѣйшимъ горамъ, увидѣли на правой сторонѣ небольшую прелестную долину. Проѣхавъ ее и густой лѣсъ, мы достигли Баядарской долины. Мѣстоположеніе ее великолѣпно, плѣнительно и до-

достойно, чтобъ трудолюбивый народъ наслаждался на ней прелестьми покоя. Нѣкоторыя по разнымъ мѣстамъ разсѣянныя Татарскія деревеньки уменшаютъ дикой ея видъ. На мѣстахъ, исполненныхъ пріятностей, надлежало бы пастись стадамъ крупнаго скота, а на холмахъ могли бы тучнѣть стада барановъ. Вышедши на эту долину, горы на лѣвой сторонѣ показались намъ не такъ высоки и не такъ усыпаны камнями, какъ тѣ, которыя были у насъ на правой рукѣ. Онѣ лежатъ на одной линіи съ Судакскими горами и представляютъ непрерывный рядъ. Никтобъ не повѣрилъ, что гуляя по прекрасной этой землѣ, такъ близкой къ морю, можно было найти на камняхъ, находящихся на всякомъ почти шагу, дикой разнаго роду виноградъ, гранатовыя деревья и другіе душистые кустарники. Я вошла на одну высокую гору, которая, кажется мнѣ, на-

 хо-

ходится посреди долины, и сѣла на ней съ путешествующими моими товарищами, чтобъ насладиться симъ прекраснымъ зрѣлищемъ. Эта долина длиннѣе 20 тысячь миль, а ширина ея такъ велика, что можетъ представить правильную и пріятную овальную фигуру.

Двѣ или три рѣчки ее пересѣкаютъ. Въ каждой деревенькѣ протекаетъ чистой ручеекъ. Албанской Полковникъ, котораго я видѣла въ Карасубазарѣ, сюда пріѣхалъ къ намъ съ своимъ сыномъ. Я никогда не забуду той минуты, въ которую съ нимъ видѣлась. Какъ они уже были отъ насъ близко: то слезли съ лошадей. Сперва я взглянула на сына. Онъ довольно высокъ, хотя и не болѣе тринадцати лѣтъ. Платье на немъ было Римскихъ древнихъ воиновъ, въ каскѣ, въ панцырѣ съ золотыми фигурами, которой былъ напереди вмѣсто жилета. Я совсѣмъ

не знала, что они оба сюда будутъ; мнѣ нужно было видѣть только отца, чтобъ узнать, кто были тѣ люди, которыхъ я видѣла. Они оба, подходя къ намъ, вели своихъ лошадей подъ узцы. Потомъ подошедъ ко мнѣ, просили меня очень убѣдительно, чтобъ я на возвратномъ моемъ пути заѣхала къ нимъ обѣдать въ Балаклаву. Что я и сдѣлала. Естьлибъ я не была принуждена ѣхать водою изъ этой земли: то конечнобъ постаралась убѣдить этаго казака, чтобъ онъ продалъ мнѣ свою лошадь; она такъ хорошо и легко скачетъ, что я нѣсколько разъ принуждена была остановиться на дорогѣ и ожидать компаніи.

Казаки очень дорого цѣнятъ своихъ лошадей. Они гордятся тѣмъ, что безсмертный Прусскій Король, покойный вашъ дядя, не ѣзжалъ на другой лошади во время войны, кромѣ Донской. Казакъ, которой далъ мнѣ свою лошадь,

 видя

видя ее подо мною, изрядно скачущую, столько же радовался, какъ мнѣ было пріятно на ней сидѣть. Мы поѣхали на лѣво къ Полковнику, и, дѣлая излучины около прекрасныхъ и пріятныхъ покатистыхъ горъ, увидѣли передъ нами Балаклавскую гавань. Албанской начальникъ поставилъ полкъ свой во фрунтъ на лѣвой сторонѣ у подошвы горъ передъ моремъ, на берегу котораго находится его домъ. Не льзя ничего вообразить себѣ страннѣе Албанскаго войска, когда кто видѣлъ только регулярные полки. Ружья у нихъ изъ разныхъ земель. Каждой можетъ одѣваться и вооружаться такъ, какъ ему угодно. Восточные и Италіянскіе кинжалы и самаго страннаго образа пистолеты висятъ у нихъ на поясахъ. Иные были въ шляпахъ, другіе въ шапкахъ, а иные въ каскахъ. Григорій Хапоновъ, ихъ Полковникъ, просилъ, чтобъ мнѣ сказали, что

его

его салдаты осторожны, расторопны, предпріимчивы и храбры. Въ самомъ дѣлѣ постъ его здѣсь весьма важенъ, и потому-то его сюда и опредѣлили какъ искуснаго и славнаго воина. Албанцы носятъ коротенькіе панцыри съ двумя, тремя, или четырьмя рядами мѣдныхъ пуговицъ, хорошо переплетенныхъ. Это украшеніе, которое они очень любятъ, въ самомъ дѣлѣ очень не дурно.

Полковничья жена и другія госпожи вышли встрѣчать меня на крыльцо, и ввели въ комнаты, гдѣ мы разговаривали чрезъ переводчиковъ. Въ гавани было нѣсколько Турецкихъ лодокъ; а на самомъ берегу сдѣлана рогатка, за которую никому не позволено переходить. Турки пріѣхали продавать апельсины. При семъ случаѣ всѣ берутъ предосторожность, чтобъ не заразиться отъ нихъ чумою. И такъ хотя и позволяютъ имъ выходить на берегъ; но они должны сласть

свои апельсины въ одно мѣсто и торговаться въ назначенномъ другъ отъ друга разстояніи. За столомъ насъ сидѣло болѣе 30 человѣкъ. Послѣ обѣда я возвратилась въ Севастополь въ каретѣ со всею моею компаніею. Небольшія суда, находящіяся въ гавани, я назвала лодками; но меня увѣряютъ, будто это были корабли. Они, по моему мнѣнію, весьма опасны, какъ для людей, такъ и для товаровъ; потому что они длинны, узки и сверху очень тяжелы. Фрегатъ, приготовленный для меня, показался мнѣ изряднымъ. Три морскіе Офицера, которые со мною поѣдутъ, никогда еще не бывали въ Константинополѣ. Судно наше пойдетъ подъ именемъ купеческаго корабля; потому что по сдѣланному между Портою и Россіею трактату, купеческіе только корабли могутъ изъ Чернаго моря входить въ Константинопольскій каналъ; а военные не пользуются

симъ

симЪ преимуществомЪ. На нашемЪ кораблѢ есть матрозЪ изЪ ГрековЪ, которой, естьли Богу угодно, хорошо насЪ довезетЪ. Хотя меня увѢряли, будто плаваніе наше не болѢе двухЪ дней продолжится; но я сказала корабельнымЪ моимЪ товарищамЪ, что по щету моему Ѣзды будетЪ на 7 дней. По чему я назначила это число, мнѢ не трудно будетЪ вамЪ сказать; ибо другой причины нѢтЪ, кромѢ того, какЪ я знаю, что мнѢ надобно будетЪ пить какую нибудь горькую чашу; по сему и рѢшилась воображать себѢ, будто должна ее пить втрое. Я увѢряю васЪ, что изчисляя такимЪ образомЪ будущіе случаи, не буду себя никогда такЪ часто обманывать, какЪ по сіе время этому себя подвергала, а особливо тогда, когда только естественная веселость моего нрава представляла мнѢ предметы слишкомЪ прекрасными. Первое мое письмо вы получите сЪ береговЪ

Цареградскаго канала; и надѣюсь, что оно васъ увеселитъ. Я какъ тамъ, такъ и вездѣ пребуду съ почтёніемъ, благодарностію и уваженіемъ всегда вамъ преданная и усердная сестра

E. K.

П. П. Вамъ конечно покажется странно и смѣшно, что сравниваю переправу мою черезъ море съ горькою чашею. Вы еще болѣе удивитесь, узнавъ, что я не терплю путешествія; но при томъ знаете и то, почему я его предприняла. . . .

Я намѣрена ѣхать въ городъ, на развалинахъ котораго надлежало бы основаться столицѣ всего свѣта. Когда буду на морѣ больна, то стану думать объ этомъ, и вспомню Аглинскую пословицу: Тише ѣдешь, далѣе будешь.

---

## Письмо XLV.

*Французскій дворецъ, Пера, 20 Апрѣля, 1786.*

Я пріѣхала сюда, любезный Князь, благополучно, и спѣшу сообщить вамъ подробности моего путешествія. Въ море пустилась я по утру въ 5 часовъ 13 числа. Графъ Войновичь проводилъ меня изъ гавани на маленькомъ фрегатѣ, и простился сомною, какъ уже я совсѣмъ убралась въ своей каютѣ. Поблагодаря его за всѣ учтивости, я отъ искренняго сердца пожелала ему имѣть случай оказать вскорости храбрость свою на морѣ, чего, кажется, онъ весьма ожидаетъ. Онъ отдалъ мнѣ честь пушечнымъ залпомъ, и, въ слѣдъ за сими выстрѣлами, мы пустились въ море при помощи попутнаго вѣтра. Не болѣе еще двухъ дней были на морѣ, какъ вдругъ настала тишина, и мы простояли три дни и три

ночи

ночи на одномъ мѣстѣ, ожидая благополучнаго вѣтра, которой скоро сдѣлался прохладителенъ, и пошелъ дождь. Вѣтеръ дулъ съ боку, а дождь препятствовалъ намъ видѣть берега. Послѣ сего хотя я и очень ясно ихъ видѣла; но мы проѣздили такимъ образомъ болѣе 24 часовъ на лѣвой сторонѣ, не видя предметовъ, находящихся при входѣ въ каналъ. На седьмой день матрозъ Грекъ, одинъ только, которой бывалъ въ Константинополѣ, на ту пору напился безъ чувствъ, и не только не въ состояніи былъ править кораблемъ, но даже не могъ развести зубовъ. Офицеры такою неисправностію и замѣшательствомъ весьма встревожились. Они сдѣлали между собою и прочими корабельными служителями совѣтъ. Къ щастію, у меня была маленькая карта Чернаго моря и входа въ каналъ. Это былъ единственный нашъ вождь. Я надѣла Амазонское платье; въ

одну

одну руку взяла свой ящичекъ, а въ другую зонтикъ, и сказала Капитану, что рѣшилась сѣсть лучше въ лодку и пристать къ Турецкому берегу, нежели подвергать себя опасности, потерявъ изъ виду каналъ, или вѣѣхать въ него, не будучи совершенно увѣрена, что это онъ самой. На Европейскомъ берегу есть большая каменная гора, которая отъ него такъ далеко, что безъ хорошей карты или матроза можно ее почесть за вѣѣздъ въ Босфоръ, у которой всякой годъ нѣсколько Турецкихъ кораблей становятся на мѣль.

Офицеры и корабельные служители цѣлое утро пробыли на палубѣ, и искали глазами берегъ; но не смотря на всѣ старанія, мы объѣздили болѣе 90 миль; впрочемъ всегда имѣли въ виду твердую землю. Наконецъ примѣтили, что быстрота рѣкъ въ три дни, въ которые была необыкновенная тишина, отдалила нашъ корабль

отъ

отъ берега въ правую сторону. Что касается до меня, когда я стояла на верхнихъ палубахъ, то Капитанъ вдругъ сказалъ мнѣ, чтобъ я посмотрѣла на какое-то селеніе или церковь, или на то и другое похожее, которое онъ увидѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ это была Турецкая колокольня. Спустя нѣсколько минутъ, мы увидѣли ту ужасную гору, отъ которой каждой годъ около 1000 Турецкихъ суденъ претерпѣваютъ кораблекрушеніе; потому что Турки часто забываютъ, что естьли надобно имъ въѣзжать въ гавань, держать должно на право, а естьли выѣзжать, то на лѣво. По этому они очень похожи на знакомаго мнѣ Ирландца, которой, ѣдучи въ каретѣ на гору, не могъ того понять, что возвращаясь домой надлежало ѣхать ему подъ гору. Въ этомъ мнѣніи, изъ котораго онъ никогда не выходилъ, утверждало его то, что какъ до-

рога

рога одна: то будто и надлежало ему ѣдучи домой все подыматься на гору. Чтобъ опять начать описывать вамъ, любезный Князь, мое путешествіе, то сперва вообразите себѣ мою радость, когда мы стали около 6 часовъ вечера на якорѣ, и когда я увидѣла себя и всѣхъ товарищей внѣ опасностей, которымъ подвержены были на Черномъ морѣ, и что уже совершенно избавилась отъ кораблекрушенія, которое чуть чуть не претерпѣли. Теперешній домикъ мой похожъ на птичью лавку, по множеству птицъ, которыхъ я имѣла, между которыми была маленькая цапля, бѣлаго молочнаго цвѣта, которая прилетѣла на нашъ корабль. Мы ужинали очень весело; и я отдохнула нѣсколько часовъ. На другой день сѣли въ большую лодку, и поѣхали внизъ на веслахъ къ дому Г. Булгакова въ Буюкдерѣ. Онъ тогда былъ въ предмѣстіи Пера, куда

куда насъ и отвезли въ Турецкой шлюбкѣ. Чтобъ прiѣхать въ Буiюкдеръ, надобно переплыть Босфоръ, котораго теченiе въ семъ мѣстѣ дѣлаетъ опасной оборотъ. — Я совѣтую прочитать Г. Жибона, естьли хотите знать подробное описанiе страннаго мѣстоположенiя Константинополя; потому что мое перо сдѣлаетъ весьма несовершенной образецъ. Картины въ сравненiи съ тою, которую онъ представилъ столь удивительными и достойными его красокъ, ничто; однакожъ скажу и то, что нѣтъ такого виду, которой бы могъ меня занять и мнѣ понравиться, естьли только его вообще сравнить съ разными предметами, изображающими берега этаго славнаго пролива. Каменные утесы, зелень, древнiе замки, построенные Генуезцами на вершинахъ холмовъ Кiоски; (1) Минаре безпоря-

(1) Турецкiй шатеръ изъ деревъ, или бесѣдка, закрытая со всѣхъ сторонъ жалузями. (Примѣч. Автора)

рядочно посаженныя, большія Яворы, пространныя поля, безчисленное множество народу, лодокЪ и кораблей, стоящихЪ около береговЪ, или покрывающихЪ каналЪ; а что всего страннѣе показалось мнѣ, что я ничего не видала, чтобЪ походило на скучную симетрію ФранцузскихЪ садовЪ. Турки такЪ привязаны кЪ естественнымЪ прелестямЪ, что естьли хотятЪ строить домЪ вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ растетЪ дерево, то дѣлаютЪ довольное пространство вЪ строеніи, чтобЪ оно могло пройти и свободно бы вЪ своей скважинѣ росло; они думаютЪ, будто вѣтьви, покрытыя листьями, есть лучшее украшеніе домовой кровлѣ. ВпрочемЪ естьли мы сравнимЪ великолѣпную зелень сЪ трубами, то можно тогда судить, кто изЪ насЪ справедливѣе. Берега такЪ мѣлки, что во всякой натуральной гавани

находится флотЪ ТурецкихЪ кораблей, на которыхЪ мачты смѣшиваются сЪ верьхушками деревЪ. Разновидность и множество оныхЪ представляютЪ изЪ этой живой картины самой прелестнѣйшій видЪ, какой только я видала.

Удивленіе Г. Булгакова было чрезвычайно, когда онЪ разпечаталЪ свои письма, и увидѣлЪ вЪ нихЪ мое имя. Едва имѣлЪ онЪ время предложить мнѣ свои услуги, какЪ люди отЪ Г. Графа Шуазель - Гуфье пришли звать меня по приказу ихЪ господина, которой, тому уже три недѣли, какЪ получилЪ письмо отЪ Г. де Сегюра, Французскаго Посланника при РоссійскомЪ дворѣ, вЪ которомЪ онЪ кЪ нему писалЪ о моемЪ сюда пріѣздѣ. Признаюсь, что мнѣ очень было пріятно, такЪ какЪ я довольно наслышалась о Графѣ Шуазели, что онЪ желалЪ имѣть со

мною

мною компанію, которую онЪ себѢ присвоивалЪ, какЪ неоспоримое право. Поговоря нѢсколько сЪ нимЪ, я почувствовала большее удовольствіе, что буду пользоваться его знакомствомЪ и разговорами; оно такЪ велико, что не могу вамЪ его изобразить, потому что желаніе, какое я имѢла познакомившись сЪ нимЪ, равняется сЪ его талантами и сЪ его учтивостію. Прощайте, любезный Князь, на нѢсколько времени. Я очень устала, истомилась и огорѢла отЪ солнца. КЪ довершенію моей теперешней радости восхищаетЪ меня и одно напоминаніе о той особѢ, именемЪ которой я тщеславлюсь и называюсь его искренною сестрою.

Е. К.

## Письмо XLVI.

*25 Апрѣля, 1786 года.*

Двоякое чувствую удовольствіе, живучи въ домѣ Французскаго Посланника. Графъ Шуазель шесть мѣсяцовъ боленъ, и никуда не выѣзжаетъ. Теперь ему легче. Но какъ я у него живу: то для меня принимаетъ къ себѣ гостей, и самъ иногда выѣзжаетъ, а сіи выѣзды скоро поправятъ его здоровье. У него живетъ нѣсколько художниковъ, которые все свое искусство употребляютъ, чтобъ точнѣе срисовать самыя прекраснѣйшія развалины, какія еще остались въ Европѣ, или въ Азіи. Гдѣ бы только живописецъ ихъ не нашелъ, онъ приказываетъ ихъ снять и разкрашивать. Г. Казасъ, котораго неоднократно ограбливали Арапы, есть его живописецъ; его рисунки, съ величайшею точностію сдѣланные, пріобрѣтутъ ему безсмерт-

смертную славу. Собраніе Г. Шуазеля, можетъ быть, есть самая рѣдкая вещь въ свѣтѣ такого роду. Онъ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, намѣренъ сдѣлать изъ Монтмаратскаго Гипса, или другаго состава, которой бы болѣе походилъ на мраморъ, всѣ храмы и развалины въ меньшемъ видѣ, и поставить ихъ въ Галлереѣ на столахъ.

Посланникъ увѣряетъ меня, будто самый прекрасной и самый древній Амфитеатръ, какой только есть, находится въ полѣ въ Истріи, за трехъ-дневную ѣзду моремъ къ Юго-Востоку отъ Венеціи. Онъ построенъ подлѣ гавани, и теперь еще находится въ хорошемъ состояніи. Августовъ храмъ и торжественные ворота оба Коринфскаго ордена, сооруженные въ этомъ же городѣ, какъ и самые лучшіе памятники, которые остались намъ отъ древности. Г. Казасъ ихъ срисовалъ.

ввечеру, когда у насъ нѣтъ гостей, и когда Посланникъ окончитъ свои дѣла, онъ приходитъ ко мнѣ съ Г. Казасомъ, и съ нѣкоторыми другими господами, которые всѣ приносятъ съ собою большія портфели, наполненныя прекраснѣйшими картинами, и мы часа по три проводимъ, разсматривая ихъ, и разговаривая о любезнѣйшихъ мнѣ матеріяхъ. Это рѣдкой примѣръ хорошаго вкуса въ Французѣ, опредѣлившемъ себя на 10 лѣтъ, чтобъ только изыскивать и собирать всѣ остатки Архитектуры древнихъ, которые достойны, чтобъ ихъ хранить.

Живое описаніе путешествія въ Грецію, сочиненное Графомъ Шуазелемъ, и также опасныя путешествія, которыя онъ самъ предпринималъ, не болѣе будучи двадцати двухъ лѣтъ, для познанія новыхъ древностей, естьли могу такъ сказать, должны сдѣлать имя его безцѣннымъ и пріятнѣйшимъ

шимъ для любителей художествъ. Но какъ теперь умъ и вкусъ его образованы, и какъ онъ намѣренъ собрать и привесть въ порядокъ свои записки: то я увѣрена, что сіе сочиненіе, которое скоро выдастъ въ дополненіе первому, будетъ самымъ полнымъ памятникомъ, какой бы только могъ быть въ семъ родѣ. Конечно вы удивитесь, что доселѣ не наполняю моего письма великолѣпнымъ описаніемъ тѣхъ предметовъ, которые всякой день вижу изъ моихъ окошекъ; глаза мои и уши болѣе заняты были внутренностями домашними, нежели сколько внѣ онаго. Графъ Шуазель не только уменъ, но весьма любезенъ, ласковъ и учтивъ; онъ не имѣетъ отвратительнаго, своенравнаго или вздорнаго вида молодыхъ Французскихъ господъ, которые думаютъ, будто непремѣнно должно говорить женщинѣ бездѣльныя вещи, или, увидѣвъ ее въ первой разъ, изо всей

силы кричать о ея красотѣ. Въ немъ видны достоинства степеннаго придворнаго, искусно соединенныя съ нынѣшнею вольностію въ обхожденіяхъ.

Естьли бы я была Римская Императрица, онъ не сталъ бы болѣе мнѣ оказывать почтенія, и не имѣлъ бы больше уваженія къ своей сестрѣ, какое имѣетъ ко мнѣ. Домъ его похожъ на прекраснѣйшее Парижское великолѣпное зданіе. Онъ построенъ изъ хорошаго камня и дерева, изъ весьма рѣдкихъ здѣсь матеріяловъ; потому что всѣ домы точно такъ сдѣланы, какъ театры на ярмонкахъ, и при томъ изъ очень дурныхъ строевыхъ припасовъ. Изъ однихъ окошекъ его дому видна гавань, древними называемая Золотой Рогъ, а изъ другихъ Мраморное море, находящіеся на немъ острова и часть Сераля. Изъ моей комнаты вчера я видѣла Султана, сидящаго на серебряной софѣ, между

тѣмъ

тѣмъ какъ лодки, и тѣ, которымъ надлежало съ нимъ ѣхать, стояли рядомъ на берегу канала въ саду. Этѣ лодки представляютъ великолѣпный видъ; онѣ сдѣланы очень легки, выкрашены и позолочены въ отмѣнно хорошемъ вкусѣ. У насъ былъ телескопъ, помощію котораго мы видѣли очень хорошо все Оттоманское великолѣпіе.

Султанъ чернилъ себѣ бороду, чтобъ казаться моложе. Это весьма не пристало къ блѣдному и багровому его лицу; и по этой разнообразности очень скоро можно его узнать издали. Шатеръ, въ которомъ сдѣлана серебряная софа, на которой онъ сидѣлъ, не великъ, и похожъ на сотню другихъ шатровъ, находящихся на берегахъ канала. Есть чему удивляться, когда вспомнишь о разныхъ наименованіяхъ одинакихъ предметовъ, которые въ разныхъ странахъ разно называются. Сло-

во Сераль, или Серагліо, у многихъ народовъ обыкновенно означаетъ то мѣсто, въ которое запираютъ женщинъ. Здѣсь оно означаетъ столицу Великаго Султана. Сераль не льзя назвать Султанскимъ дворцомъ; потому что шатры, сады, дворы, стѣны и конюшни, все такъ между собою смѣшаны, что они представляютъ размѣтанные во многихъ садахъ многіе домы.

Улицы въ Перѣ и въ Константинополѣ такъ узки, что нѣтъ такой, по которой бы можно было проѣхать въ каретѣ. Окны въ домахъ снаружи такъ сближены, что люди, живущіе вверху, могутъ иногда изъ одного дому въ другой брать себя за руки. Не одинъ Турокъ иначе не поѣдетъ за четыре двора въ гости, какъ не верьхомъ. По пріѣздѣ моемъ сюда, я видѣла, что одинъ вышелъ изъ лодки къ четыремъ человѣкамъ, ожидавшимъ его съ прекрас-

красною сѣрою лошадью, которую они проваживали вдоль по берегу. Хозяинъ на нее сѣлъ съ важнымъ видомъ, и слезъ съ нее за нѣсколько домовъ отъ того мѣста, гдѣ онъ присталъ къ берегу.

Что касается до женщинъ, на улицахъ ихъ столько, или еще болѣе, нежели мущинъ; но онѣ похожи на бродящіе муміи. На нихъ длинное темнозеленаго цвѣта суконное платье, которое закрываетъ тѣло ихъ отъ шеи до ногъ. Сверхъ сего онѣ обертываютъ себѣ плеча и руки кисеею, другой покрываютъ себѣ глаза и голову. Подъ такими покрывалами вы можете себѣ представить, что лицо и все тѣло такъ обверчены, что такую женщину легко принять можно за мущину, или знатную Принцессу за невольницу. Я нигдѣ не видала, чтобъ женщины были такъ вольны, какъ здѣсь; имъ за такую вольность ни малѣйшихъ не дѣлаютъ выговоровъ. Когда мужъ

Ту-

рокЪ видитЪ у дверей своего Гарема туфли, то не можетЪ туда войти. Уваженіе его кЪ сему полу препятствуетЪ показываться, когда тамЪ бываетЪ незнакомая особа. По этому мущинамЪ очень удобно ходить также вЪ ГаремЪ подЪ видомЪ женщинЪ. Естьли бы я вздумала итти гулять по улицамЪ: то одѣлась бы какЪ здѣшнія женщины; потому что онѣ насмѣхаются надЪ всѣми, которыя естьли ходятЪ сЪ открытымЪ лицомЪ. Когда выѣзжаю, то беру ПосланниковЪ ПортшезЪ, которой точно такой же, какЪ мой Аглинской, кромѣ того, что ПосланниковЪ вызолоченЪ и покрытЪ лакомЪ, какЪ Французская карета. Меня носятЪ шесть ТурокЪ; потому что они думаютЪ, будто двухЪ или четырехЪ человѣкЪ мало нести одну особу. Двое ЯнычарЪ вЪ большихЪ изЪ мѣху сдѣланныхЪ чалмахЪ идутЪ передЪ ПортшезомЪ. Порта всегда опредѣляетЪ ЯнычарЪ

на

на караулѣ ко всѣмъ Посланникамъ. Къ щастью я недолго ѣзжу съ этою толпою; потому что Турки такъ дурно носятъ, что всякую минуту боюсь, чтобъ меня не опрокинули. Въ Портшезѣ ѣзжу только до площадки, которая служитъ гаванью Пере, и недалеко находится отъ дому, въ которомъ я живу.

Тамъ лодка Посланникова насъ ожидаетъ, и мы ѣздимъ въ ней на веслахъ. Здѣсь нанимаютъ лодки какъ кареты въ Англіи. Онѣ всѣ украшены изрядною рѣзьбою и вызолочены; по виду онѣ легки и пріятны. Турки столь хорошіе гребцы, что совсѣмъ, кажется, не соотвѣтствуетъ нерадѣнію, которое царствуетъ у нихъ во всякомъ родѣ людей. Третьяго дня я видѣла лежащаго на подушкахъ Турка, которой очень тихо и рѣдко ковалъ желѣзо, изъ котораго хотѣлъ сдѣлать подкову, и во все это время курилъ табакъ. Знатные

ные Турки еще безпечнѣе; они вы-
думали новое изобрѣтеніе, кото-
рое избавляетъ ихъ труда дер-
жать трубку въ рукахъ; она ле-
житъ на маленькомъ станкѣ о
двухъ колесцахъ, и такимъ об-
разомъ человѣкъ, которой куритъ
табакъ, только что вдыхаетъ въ
себя и выпускаетъ дымъ, или по-
ложа трубку на нижнюю губу,
можетъ самъ ворочать головою на
всѣ стороны. Можетъ быть это
особенное щастіе для Европы, что
Турки такъ глупы и лѣнивы. Есть-
ли бы это обширное Государство
было населено тщеславнымъ и ум-
нымъ народомъ, то удивительное
могущество, которое бы еще болѣе
умножилось и вліяніе его въ поли-
тическое равновѣсіе непремѣнно
сдѣлали бы его обладателемъ цѣла-
го свѣта. Въ настоящемъ состоя-
ніи дѣлъ оно теперь ничто иное,
какъ неодушевленная препона,
служащая къ продолженію торгов-
ли и предупреждающая раздоры
ме-

между другими Державами. Турокъ, по своей безтолковой непонятности, охотно простоитъ цѣлой день на берегу канала и просмотритъ на бумажной змѣй, или дѣтскія лодочки. Я видѣла одного, сидящаго подъ тѣнію большаго Явора; онъ смотрѣлъ на сосудъ, похожій на бутылку, стукъ котораго и безпрерывное теченіе воды весьма его занимало. Я не понимаю, какъ пружины правленія могутъ хорошо дѣйствовать; потому что весь Диванъ, или совѣтъ, вообще состоитъ изъ наемныхъ невѣждъ. Нынѣшній Визирь былъ водовозъ Гассанъ Бея, Капитанъ Паша, или Великій Адмиралъ, былъ прежде сего у него въ Алгирѣ слугою. Первыя въ Портѣ мѣста ничѣмъ инымъ достать не можно, какъ дѣйствіемъ интригъ. Всякой значущій человѣкъ, всякая Султанша имѣетъ своихъ любимцевъ, и стараются хитростями опредѣлить ихъ къ публичнымъ

долж-

должностямЪ. *** ДворЪ не обильнѣе происками; но тамЪ они не такЪ запутаны, какЪ при ОттоманскомЪ. Взбунтовавшійся Паша набираетЪ войско, и явно вооружается противЪ Государя, отЪ котораго получилЪ свою власть. НынѢ есть одинЪ вЪ Албаніи, которой имѢетЪ 40,000 человѢкЪ, и которому не трудно будетЪ завоевать множество мѢстЪ. Его называютЪ МахмудЪ, и ему нѢтЪ еще 30 лѢтЪ. ОнЪ, не смотря на Порту, получилЪ вЪ наслѢдство послѢ отца правленіе надЪ сею землею, которою и нынѢ еще управляетЪ. Странно, что Турки не вѢрятЪ, что чему быть, тому не миновать, видя, что не льзя быть возведеннымЪ ни по праву родства, ни посредствомЪ дарованій на достоинства, ни опредѢлену кЪ должностямЪ, ни достойнымЪ довѢренности, и что вообще нѢтЪ справедливой причины, за которую бы можно было велѢть

имЪ

имѣ отрубить голову. Недавно случившееся приключеніе доказываетъ, что Султанская довѣренность не всегда избавляетъ отъ скорой и неожидаемой смерти. Нѣкто, называемый Петракій, Грекъ, которой былъ родъ Государственнаго банкира, имѣлъ по своей должности частой доступъ къ Ахмету. Сіе возродило ненависть въ Министрѣ, которой однажды въ совѣтѣ подъ разными видами требовалъ, чтобъ Петракію отрубили голову?

Султанъ, котораго доказательства, приведенныя въ оправданіе этаго человѣка, были превосходнѣе тѣхъ, какія употребляли его непріятели, не хотѣлъ было исполнить сего предложенія; но Капитанъ-Паша и всѣ, державшіе его сторону, смѣло сказали, что они безъ того не выдутъ изъ совѣта, естьли Султанъ не подпишетъ указа; что наконецъ онъ и принужденъ былъ исполнить, проливая слезы. Въ такихъ случаяхъ

употребляется особливой человѣкъ, должность котораго состоитъ въ томъ, чтобъ итти въ домъ невинной сей жертвы, дабы разсмотрѣть бумаги, и узнать имена тѣхъ, которые имѣли во время его жизни сношенiе съ Кабинетомъ.

Человѣкъ, опредѣленный для сего, все нужное собралъ; и, запечатавъ четырью большими печатьми, поручилъ доставить въ собственныя руки Султану, которой отъ того весьма встревожился, что тайну ихъ узнали; потому что Петраркiй былъ тайный его Агентъ, и отдавалъ ему деньги, которыя онъ получалъ за мѣста, доставляемыя имъ по особенной довѣренности своего Государя. Петраркiевы книги были въ такомъ хорошемъ порядкѣ, что всѣ платимыя имъ деньги, числа и мѣста исправно были въ нихъ записаны.

Не

Не можно себѣ вообразить, какою подлостью и низкими хитростьми занимаются здѣшніе Министры. Султанъ очень великихъ мыслей о умѣ и мужествѣ Капитана Паши. Когда онъ выѣзжаетъ изъ столицы, то Государь думаетъ, будто уже она въ совершенной опасности. Сверьхъ того всѣ соглашаются въ семъ мнѣніи, что онъ умѣлъ привесть въ лучшее состояніе Полицію въ городѣ, нежели какою она по сіе время была. На пожарѣ четырехъ Янычаръ, не хорошо отправлявшихъ свою должность, онъ велѣлъ бросить въ огонь, чтобъ тѣмъ *поощрять другихъ*, какъ сказалъ Волтеръ, въ подобномъ случаѣ. Онъ ходитъ всегда со львомъ, которой за нимъ слѣдуетъ, какъ собака. Недавно онъ пришелъ съ симъ страшнымъ звѣремъ въ Диванъ; но Министры такъ испугались, что нѣкоторые выпрыгнули изъ окошекъ, иные

чуть не сломили себѣ шеи на лѣстницѣ, и оставили всѣ Великаго Адмирала и его льва однихъ распоряжать на этотъ разъ дѣлами въ Диванѣ.

Это, по моему мнѣнію, весьма хорошее и пріятное обыкновеніе для Посланниковъ, что Турки не принимаютъ и сами не ѣздятъ въ гости. Чтобъ могло быть для нихъ скучнѣе компаніи этихъ глупыхъ людей, настоящихъ организованныхъ машинъ?

Вы, думаю, знаете, что они всегда воображали себѣ, будто Россійскому флоту никакъ не возможно притти въ Константинополь другимъ путемъ, кромѣ Чернаго моря. Хотя Французы и старались доказать имъ помощію картъ проѣздъ непріятелей чрезъ Архипелагъ; но до тѣхъ поръ не вѣрили, какъ Турецкій флотъ принужденъ былъ сражаться съ Россійскимъ въ Чесменскомъ заливѣ. Эта побѣда переувѣрила Турокъ:

воз-

возможно ли Рускимъ къ нимъ приближаться.

Меня увѣряли, будто одинъ Г. Бувери, имѣвшій любопытство видѣть Константинополь, пріѣхалъ смотрѣть его съ того фрегата, на которомъ онъ находился, и не хотѣлъ вытти на берегъ, въ чемъ я и не могу его охуждать. Константинополь и въѣздъ въ Босфоръ изъ мраморнаго моря представляютъ великолѣпнѣйшую, пріятнѣйшую и величественную картину. Это самое живѣйшее зрѣлище, какимъ только пылкое воображеніе наслаждаться можетъ.

Совсѣмъ неудивительно, что Константинъ I. избралъ этотъ городъ столицею восточной Имперіи. Природа, соединивъ здѣсь землю съ водами, представляетъ такой привлекательный видъ, что и вкусъ, презирающій всѣ тщеславныя человѣческія предпріятія, пожелалъ

лалъ бы, чтобъ прекраснѣйшее мѣсто не было бы неодушевленная картина; но для меня кажется пріятнѣе полагать бытіе всему тому, что можетъ находиться въ возможномъ. Мнѣ весьма весело въ мысляхъ иногда располагать на плѣнительныхъ этихъ брегахъ всѣ прекраснѣйшіе города, которые я видѣла, какъ-то: Лондонъ, Парижъ, Амстердамъ, Петербургъ, Москву. Я отдѣляю ихъ одинъ отъ другаго; и для каждаго изъ нихъ нахожу довольно мѣста. Но я оканчиваю мои предположенія; поколику думаю, что человѣку должно менѣе тамъ дѣлать, гдѣ природа много сдѣлала, *и что все такъ устроено, какъ должно быть.* Конечно я большую имѣю причину такъ думать, считая васъ себѣ братомъ и другомъ. Боюсь однакожъ, чтобъ долгое мое письмо не уничтожило въ вашемъ умѣ Оптимической моей системы.

И такЪ оканчиваю его симЪ сердечнымЪ увѣреніемЪ, что я всегда и вездѣ буду

Вашею усердною сестрою

Е. К.

## Письмо XLVII.

Гавань, называемая Золотой РогЪ, раздѣляющая Перу и Константинополь, имѣетЪ какую-то странность, которую желала бы, чтобЪ мнѣ растолковали. Всѣ нечистоты обоихЪ городовЪ и мусорЪ вЪ нее обыкновенно сваливаютЪ. Таможни, казармы, магазины, верьфи, построены подлѣ нее; вЪ нее смѣтаютЪ пыль, навозЪ и грязь. Никакой не имѣютЪ предосторожности, чтобЪ ее держать вЪ чистотѣ. НѣтЪ ни одного берега, которой бы хорошо былЪ отдѣланЪ рукою человѣческою.

ОднакожЪ отЪ быстроты, или отЪ множества ключей, или отЪ дру-

гой какой либо натуральной причины, гавань эта всегда бываетъ чиста, довольно глубока и удобно можетъ держать въ себѣ самые большіе купеческіе корабли. Въ ней также можно, какъ и въ прочихъ каналахъ гавани, причаливать всякія суда къ берегу. Чѣмъ болѣе рѣчной воды втекаетъ въ эту гавань, тѣмъ уже она становится и сдѣлается наконецъ узкимъ ручайкомъ. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она довольно широка, и походить можетъ на небольшую рѣку, Французы недавно остановили плотинами протечную воду, и сдѣлали маленькіе водяные квадраты въ подражаніе Морльскимъ. Въ этихъ мѣстахъ построили шатры и регулярно насадили много деревъ. Туда-то всякую пятницу Турки пріѣзжаютъ обѣдать, пить кофе; или, сидя на посланныхъ коврахъ подъ тѣнію большихъ и толстыхъ Яворовъ, курятъ табакъ. Я не могу сдѣлать вамъ точ-

точнаго понятія о видѣ прекрасныхъ сихъ деревъ; (*) а скажу только, что они, по множеству и величинѣ, которыя уже вамъ описала, весьма приличествуютъ къ изображенію ландшафта и дѣлаютъ лучшее его украшеніе. Большіе дубы вашего отечества или моего былибъ въ сравненіи съ ними

 ми

(*) Этѣ дерева высоки, прямы, годны на разсаживаніе для виду пріятныхъ входовъ и большихъ залъ въ паркахъ. Они отъ корня не имѣютъ вѣтвей; но на верщинѣ составляютъ весьма густую и круглую опушку. Вѣтьви въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидятъ на стволѣ, нѣсколько къ верху загнулись; однако же по правильному разположенію кожа отростковъ, или лѣтораслей, цвѣтомъ синепурпуровая. Самыя деревья иногда бываютъ толщины необычайной. Плиній въ гл. I. кн. 12 своей Естественной Исторіи упоминаетъ о двухъ Яворахъ, изъ которыхъ одинъ въ толщину былъ болѣе 80 футовъ поперечника болѣе (40 фут.), и въ пустотѣ котораго Муціянъ ужиналъ и ночевалъ съ 21 человѣкомъ; а въ другомъ Князь Каій, внукъ Августовъ, ужиналъ съ 15 особами, окруженъ будучи

ми слабые трости. Тамъ видны группы женщинъ, составляющихъ отдѣленную компанію отъ мущинъ; онѣ пріѣзжаютъ въ экипажахъ, подобныхъ каретамъ, которые почитаютъ каретами, а собственнымъ именемъ ихъ называютъ Арабатъ. Это отвратительныя крытыя телѣги; въ нихъ нѣсколько рядовъ сдѣлано лаковъ, и при томъ они не повѣшены на ремняхъ. Однажды я полюбопытствовала сѣсть въ такую карету, и поѣхала было въ ней въ долину, называемую Echelle du Grand ſeigneur

будучи всею своею свитою. Отецъ Анжъ де Сентъ Жозефъ говоритъ также, что онъ видѣлъ близъ Испагани такой Яворъ, на вѣтьвяхъ котораго сдѣлана была палатка; а въ ней помѣститься могло 50 человѣкъ. Яворы любятъ особенно мѣста очень сырыя. Дерева этѣ разводятся тамъ ужаснымъ образомъ. Дерево западнаго Явора можетъ по своему качеству сравниться съ букомъ и дубомъ, а впрочемъ оно желтоватно, гладко, жестко и недробко.
(Примѣч. Рускаго переводчика.)

поиг (Султанова лѣстница); но тотчасъ принуждена была изъ нее вытти, и предпочла лучше итти 6 миль пѣшкомъ, нежели чтобъ до смерти быть измученой отъ ужасной тряски. Всѣ Посланники съ тѣхъ поръ, какъ я сюда пріѣхала, даютъ балы и обѣды. Гж. Гербертъ, жена Имперскаго Министра, очень любезна. Я съ нею часто вижусь. Жена Воландскаго Посланника очень добрая женщина. Здѣсь мнѣ очень весело. Всѣ отвѣчаютъ ласково и даже съ почтеніемъ на тысячи моихъ вопросовъ. Одного только нашла здѣсь человѣка, у котораго никогда ни о чемъ не спрашиваю; потому что научилась узнавать людей по лицу, прежде нежели они говорятъ, намѣрены ли отвѣчать на всѣ мои вопросы. Этотъ человѣкъ отъ долгаго своего здѣсь пребыванія перемѣнился. . . .

Естьли увѣдомленія, которыя онъ доставляетъ въ *** Кабинетъ. .

такъ

такъ справедливы, какъ его разговоры въ собраніяхъ, то народныя обстоятельства пойдутъ, право, удивительно. . . . .

Я позабыла сказать вамъ, что здѣсь видѣла Сиръ Рихарда Ворслея, которой много путешествовалъ, и съ которымъ есть живописецъ. Онъ показывалъ мнѣ рисунокъ съ замка Отранто, которой, сказалъ онъ, что намѣренъ подарить М. В.; но пожалуйте, Государь мой, спросила я, скажите мнѣ, знаете ли вы его? И какъ онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ: то я немедленно стала просить, чтобъ эту коммисію поручилъ мнѣ, увѣряя его какъ о моей дружбѣ съ М. В., такъ и о томъ, что непремѣнно буду имѣть удовольствіе ему его доставить. Онъ просилъ меня, чтобъ я взяла нѣсколько Египетскихъ камушковъ, изъ которыхъ можно сдѣлать черенки для вилокъ и ножей; а я, въ знакъ моей благодарности, выпросила ему позволеніе

ѣхать

ѣхать въ Крымъ въ томъ фрегатѣ, на которомъ я сама сюда пріѣхала.

Недавно мнѣ сказывали, что здѣсь живетъ купецъ изъ Агличанъ, которой весьма огорчается тѣмъ, что я живу въ домѣ Французскаго Посланника. Онъ говоритъ, что естьлибъ домъ Сирапенстія не показался мнѣ довольно хорошимъ, то у него есть новой, которой бы онъ тотчасъ опросталъ, и съ превеликимъ удовольствіемъ мнѣ весь бы отдалъ. *Это чувствительная обида для Аглинской націи, говоритъ онъ, что Аглинская Герцогиня живетъ у Французскаго Посланника!* Аглинскіе купцы очень до меня добры: кажется, что они угадываютъ, какъ я ихъ люблю и почитаю.

Г. Булгаковъ недавно прислалъ ко мнѣ лучшее Мерлинское форте-піано, чтобъ я пользовалась имъ до тѣхъ поръ, пока здѣсь пробуду, а Г. Шуазель, не знаю гдѣ-

то

то нашелъ для меня арфу съ педалами, и велѣлъ поставить ее въ моей комнатѣ.

Мнѣ кажется, что всѣ желаютъ меня удержать здѣсь долѣе; потому что для нихъ странно, что женщина пріѣхала сюда, не будучи принуждена, какъ Министрова жена съ нимъ ѣхать. Г. Гербертъ сказалъ мнѣ. . . . Это для того сообщаю вамъ, чтобъ вы могли по крайней мѣрѣ знать, что. . . Пожалуйте, не почитайте меня совсѣмъ недостойною вашего уваженія и любви. Я совершенно надѣюсь увѣрить васъ, что очень умѣю ихъ цѣнить, будучи всегда

Вашею усердною

Е. К.

## Письмо XLVIII.

Все то, что имѣетъ въ природѣ чрезвычайныя преимущества, должно быть такъ соединено съ не-

несоотвѣтствіями, отличающими худое отъ хорошаго, что они въ равномъ находятся достоинствѣ съ опредѣленнымъ для всѣхъ смертныхъ благополучіемъ. Это такая прелестная и плѣнительная страна, что воздухъ, предметы, мѣста, все дѣлаетъ изъ нее положеніе земнаго рая; но чума, землетрясенія, сіи ужасныя несчастія въ состояніи навсегда отвратить отъ себя здраво судящаго человѣка. Естьли можно сравнить между собою людей и дарованія, то какое есть преимущество прекраснѣйшей женщины предъ большимъ числомъ тѣхъ особъ ея пола, которыя своими душевными достоинствами равняются ея красотѣ? Не есть ли она предметъ зависти своихъ соперницъ? Даже иногда подлыя страсти, владѣющія ея сердцемъ, не заставляютъ ли трепетать ея обожателей, ввѣряющихъ себя обманчивымъ ея прелестямъ?

Сра-

Сравненіе это пришло мнѣ въ голову тогда, когда я говорила о Греческихъ островахъ. На всѣхъ этихъ островахъ находятся, какъ меня увѣряли, огнедышущія горы. Нѣкоторыя изъ нихъ были поглощены; а тѣ, которыя снабжали Грецію ученѣйшими людьми, равно какъ и они находятся только въ однѣхъ книгахъ. Другая причина также споспѣшествовала къ этому сравненію. Это приключеніе съ нами случилось въ то время, какъ мы хотѣли плыть въ Тофану. У береговъ сдѣланы маленькія деревянныя подмостки, на которыя входятъ, чтобъ сѣсть въ лодку. Въ самое то время, какъ мы подходили къ нимъ, Турки вынули и очень скоро понесли мертвое тѣло. Идучи близко насъ, нечаянно тронули Г. де Шуазеля и меня. Онъ вздрогнулъ, и я спросила у него этому причину. Онъ сказалъ мнѣ, что навѣрно этотъ человѣкъ умеръ отъ моровой язвы;

вы; и въ самомъ дѣлѣ онъ не обманулся. Вообразите себѣ, какъ это было непріятно тому, кто шесть мѣсяцовъ не выходилъ изъ своей комнаты.

Я ѣздила смотрѣть храмъ Св. Софіи, превращенной въ мечеть и два другія сего жъ рода зданія. Куполъ Св. Софіи очень великъ, и достоинъ вниманія. Многія прекрасныя колонны поставлены наизнанку, и притомъ съ капителями Турецкой архитектуры. Въ этихъ святыхъ храмахъ нѣтъ ни прекрасныхъ идолопоклоннических статуй, ни драгоцѣнныхъ украшеній нынѣшняго Рима. Нѣсколько дурныхъ лампадъ, неправильно повѣшенныхъ, суть всѣ тѣ подаянія и издержки, которыя Магометане дѣлаютъ въ знакъ своего почтенія къ Богу и къ ихъ Пророку. Вошедши въ мечеть, я просидѣла нѣсколько времени, разсматривая зданіе сего храма. Я видѣла многихъ мужщинъ и женщинъ,

 сто-

стоящихъ на колѣняхъ, которые, кажется, молились очень усердно. Мечети всегда отворены; и я не могла удержаться, чтобъ не сдѣлать сего размышленія о ихъ Богослуженіи: оно весьма способно къ прикрытію искусною личиною тайныхъ всякаго рода заговоровъ. Обверченный, какъ Мумія, человѣкъ свободно стать можетъ на колѣни подлѣ другаго, не будучи никѣмъ подозрѣваемъ, и говорить ему на ухо все, что ему угодно. Чѣмъ долѣе бы они между собою разговаривали, тѣмъ болѣе молчаливый зритель симъ былъ бы тронутъ. Для Богослуженія нѣтъ особеннаго часа и человѣка, отправляющаго службу. Правда, что днемъ въ нѣкоторые опредѣленные часы видны люди на колокольняхъ, или Минарѣ, которые съ нихъ кричатъ и увѣдомляютъ вѣрныхъ Музульманъ о наступающемъ времени ихъ молитвы; но они молятся, смотря по обстоятельствамъ

и по набожеству не только тогда, когда хотятъ, но когда и гдѣ имъ заблагоразсудится; потому что я видала Турокъ, такъ прилѣжно молящихся на колѣняхъ въ самыхъ общенародныхъ мѣстахъ города, что даже многіе различные предметы и шумъ, производимый около ихъ, никакъ не развлекалъ ихъ мыслей, и не безпокоилъ. Чтобъ имѣть случай лучше мнѣ осмотрѣть мечети, то Посланникъ принужденъ былъ испросить на то позволеніе. Порта приняла очень благосклонно это желаніе, и сказала, что во власти моей состоитъ осмотрѣть ихъ до семидесяти пяти. Погребательныя мѣста, или кладбищи, очень многочисленны, и окружаютъ нѣкоторымъ образомъ Перу и Константинополь; они имѣютъ мрачные и романическіе входы; потому что деревья и камни смѣшаны очень безпорядочно вмѣстѣ, и представляютъ разнообразныя кучи различ-

ныхъ предметовъ для тѣхъ, которые любятъ ходить по кладбищамъ. Всякой камень такого роду монумента увѣнчанъ съ верху чалмою, которой фигура показываетъ ремесло, или качество покойника. Я пришлю вамъ рисунокъ; онъ доставитъ вѣрное и точное объ нихъ понятіе.

Не могу сдѣлать вамъ настоящаго и подлиннаго описанія красоты этихъ деревъ, которыхъ, а особливо на кладбищахъ, не обстригаютъ, и которыя по этой причинѣ возвышаются и растутъ по ихъ волѣ во множествѣ и въ пріятномъ безпорядкѣ. Нѣтъ ни стѣнъ, ни заборовъ, ни другихъ такого рода оградъ, которыя бы означали пространство сихъ погребательныхъ мѣстъ. Иныя простираются на одну, или на двѣ мили; и путешественникъ могъ бы также, какъ и Турокъ, обходить ихъ съ равнымъ удовольствіемъ, естьли бъ только они не раждали печаль-

ныхъ

ныхъ размышленій. Но когда по-думаешь, что эта земля наполнена чумными Турками, которыхъ попираютъ ногами, и что каждая вновь зарытая яма скрываетъ человѣка, похищеннаго чумою, котораго тѣло скорѣе въ ней згниваетъ; когда представишь себѣ, какимъ образомъ погребаютъ этѣ тѣла, насыпавъ на нихъ немножко земли, отъ того, что ихъ туда очень скоро кладутъ, или лучше сказать мечутъ: то разсудокъ, или чувствія боязни заставляютъ скорѣе удаляться отъ сего мѣста. Турки держатся ученія о рокѣ; они вѣрятъ предопредѣленію; почему и думаютъ, будто судьба избавляетъ Христіанъ отъ ужаснаго сего Божія попущенія, которое только для нихъ однихъ предоставлено. — Отъ того-то они и ходятъ безъ страха подъ тѣнію этихъ деревъ, которыхъ вѣтвистыя верьхушки по-

крываютъ печальные остатки ихъ родителей и друзей.

Константинополь весь почти окруженъ превысокою стѣною, украшенною шпицами, и укрѣпленною высокими четвероугольными башнями, сдѣланными Греческими Императорами: они точно такой архитектуры, какъ и стѣны Варвикскаго и Беркелейскаго замковъ. Большая часть этихъ четвероугольныхъ башенъ, которыя служатъ вмѣсто воротъ, приходятъ отъ небреженія въ упадокъ. Нѣкоторые изъ Турокъ вѣрятъ древнему пророчеству, которое предсказываетъ, что Россійская Императрица торжественно и всенародно войдетъ въ Царь-градъ, въ однѣ изъ помянутыхъ воротъ, въ качествѣ Греческой Монархини. Многіе изъ нихъ такъ этому вѣрятъ, что взяли уже свои мѣры, дабы въ семъ случаѣ благополучно переѣхать чрезъ Босфоръ въ Азію. Есть даже изъ

нихъ и такіе, которые назначаютъ тѣ самыя вороты, въ которыя Она войдетъ. Весьма бы пріятно было для многихъ народовъ, когдабъ они увидѣли Оттоманскую Имперію далѣе отъ сего мѣста отдаленную, гдѣ нынѣ она находится. Кажется, что сама природа для всѣхъ торгующихъ народовъ сдѣлала проѣздъ, который безпечная недѣятельность Турокъ надолгое время пресѣкла и воспретила. Всѣ тѣ, которые имѣютъ почтительное уваженіе къ прекрасноизваяннымъ и высѣченнымъ памятникамъ, какіе только древность произвела, соединяютъ свои моленія, чтобъ Аѳины и всѣ въ нихъ еще находящіяся въ семъ родѣ рѣдкости, не были совсѣмъ истреблены невѣжествомъ сихъ варваровъ. Они ежедневно жгутъ и дѣлаютъ известь изъ развалинъ и остатковъ тѣхъ вещей, которыя украсили бы кабинеты любопытныхъ; они употребляютъ на дѣланіе

 стѣнъ,

стѣнъ, или фонтановъ, тѣ матеріялы, изъ которыхъ высокія дарованія и искусство образовали бы совершенныя произведенія. Изъ нихъ осталась только одна маленькая часть той колонны, которая конечно была драгоцѣннѣйшимъ украшеніемъ Аттмейдана, или лошадинаго рынка.

Я видѣла торжественное шествіе Султаново на молитву. Мечеть стоитъ не очень далеко отъ воротъ Сераля. Передъ нимъ шли 150 Янычаръ и другіе чиновники въ двѣ шеренги. Онъ сидѣлъ на сѣрой лошади, которую два человѣка вели за узду, а за нимъ ѣхалъ его сынъ на соловой лошади, дитя, повидимому, очень слабаго здоровья. Одинъ чиновникъ держалъ надъ Султаномъ зеленой Парасоль, края котораго украшены были алмазами. Турки любятъ лучше всего алмазы. Въ то время, какъ Порта останавливаетъ производить работу на батареяхъ въ

са-

самыхъ нужныхъ мѣстахъ, подъ видомъ неимѣнія денегъ на уплату за пушки и за нужныя для обороны Имперіи вещи, Ювелиры не находятъ довольно драгоцѣнныхъ камней, требуемыхъ безпрестанно Гаремомъ, за которые онъ всегда платитъ чистыя деньги. Величина, а не красота или блескъ въ камняхъ, почитается у нихъ драгоцѣнностію. Здѣсь не увидишь почти ни одного алмаза, которой бы не былъ алаго цвѣту.

Съ многочисленною компаніею я была въ деревнѣ Капитанъ-Паши; но какъ это письмо слишкомъ долго, и при томъ мало имѣетъ любопытнаго о семъ путешествіи: то я и помѣщу его въ слѣдующемъ. Будьте впрочемъ увѣрены, что я съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и съ искреннѣйшимъ усердіемъ навсегда имѣю честь быть

Вашъ вѣрный другъ и ваша сестра.

---

## Письмо XLIX.

*Французскій дворецъ, Пера, 7 Мая 1786 года.*

Г. Шуазель сдѣлалъ предложеніе Посланницамъ и мнѣ ѣхать въ загородной домъ Капитана-Паши. Мы поѣхали туда въ каретахъ по Ромельской дорогѣ, и не было ѣзды въ этотъ домъ отъ Константинополя какъ съ милю. Онъ недавно построенъ; около него сдѣланы новые неправильные сады. Посланникамъ и другимъ господамъ позволили гулять по садамъ; но насъ, Посланниковыхъ женъ и меня проводили въ отдѣленный отъ дома корпусъ, въ которомъ полъ былъ покрытъ водою и очень походилъ на большой чистый водоемъ. Какъ насъ туда ввели, и когда мы вошли на площадку лѣстницы, тогда отворили множество комнатъ. Въ нѣкоторыхъ невидно было ничего; въ другихъ

тихъ сидѣли три женщины очень близко одна подлѣ другой. Въ третіей была молодая особа, на которой чалма украшена была множествомъ драгоцѣнныхъ камней; она сидѣла почти на колѣняхъ у страшной Арабки. Намъ сказали, что это молодая особа, невѣстка Капитана-Паши. Она посмотрѣла на насъ съ великимъ удивленіемъ, и тотчасъ, какъ будто бы очень испугалась, бросилась на руки къ Арапкѣ съ тѣмъ, чтобъ она ее отъ насъ спрятала. Оттуда провели насъ въ комнату, которая была больше всѣхъ прежнихъ, какія мы видѣли. Въ ней сидѣла жена Капитана Паши, женщина среднихъ лѣтъ, одѣтая очень великолѣпно. Она приняла насъ съ обыкновенною учтивостію. Съ нею было много женщинъ; а подлѣ нее стояла маленькая дѣвочка, также богато одѣтая, какъ и она сама. Это было дитя, ею принятое вмѣсто дочери. Она

изви-

извинялась предЪ нами, что не вышла встрѣчать насЪ у дверей; потому что она обѣдала сЪ своимЪ мужемЪ, какЪ мы пріѣхали. НамЪ подали кофе, щербету и конфектЪ; но мы отказались отЪ этаго угощенія и спѣшили итти кЪ нашимЪ КовалерамЪ, которые давно ждали насЪ вЪ саду.

Вы не можете себѣ представить, какая чистота во внутренности Гарема. Коридоры и полы покрыты крѣпкими и частыми плетенками, сдѣланными изЪ тростника блѣдноватаго и палеваго цвѣту. ВЪ комнатахЪ никакихЪ нѣтЪ другихЪ мебелей, кромѣ однѣхЪ подушекЪ, которыя занимаютЪ всѣ ихЪ пространство, а занавѣсы вЪ нихЪ всѣ бѣлые полотняные. КакЪ Турчанки, такЪ и Турки никогда не входятЪ вЪ покои вЪ туфляхЪ, которые они, выѣзжая со двора, надѣваютЪ; почему вЪ ихЪ комнатахЪ нѣтЪ ни песку, ни нечистоты и никакого

кого сору. На этотЪ случай я сдѣлалась такою *простою женщиною*, что не упустила разсмотрѣть платье, которое, естьли бы зависть не опорочивала вЪ глазахЪ женщинЪ всего того, что другія носятЪ вЪ семЪ родѣ, можно почесть довольно пріятнымЪ. Оно состоитЪ вЪ юбкѣ и коротенькомЪ жилетѣ, которое верхнее длинное платье сЪ короткими рукавами закрываетЪ. На хозяйкѣ было атласное шитое разноцвѣтными шелками сЪ золотомЪ и драгоцѣнными каменьями. ПодЪ этимЪ долгимЪ платьемЪ виденЪ поясЪ, которой украшенЪ напереди вЪ два ряда алмазами, и на немЪ висѣлЪ прекрасной шитой платокЪ. Казалось, что чалма, вЪ излишествѣ убранная драгоцѣнными каменьями и жемчугомЪ, тяжестію своею наклоняла голову этой госпожи. Но что болѣе всего портило такой уборЪ, это былЪ лоскутЪ горностая, которой служилЪ

жилъ вмѣсто воротника. Каждая женщина дѣлаетъ его гораздо больше, чтобъ быть великолѣпнѣе другихъ, и въ такомъ употребленіи онъ очень похожъ на большой четвероугольный пластырь, который закрываетъ собою всю спину до самыхъ бедръ. Этѣ простыя и непросвѣщенныя существа не видятъ, какъ необычайная величина сего мѣха обезображиваетъ богатую и великолѣпную ихъ одежду. Волосы у нихъ заплетены косами, которые непорядочно висятъ сзади, а иногда приколоты снаружи къ верхушкѣ чалмы. Безъ сомнѣнія, природа опредѣлила нѣкоторымъ изъ сихъ женщинъ быть прекрасными; но бѣлилы и румяны, которыми онѣ грубо намазываютъ себѣ лице, подсурмленныя брови и почернѣвшіе зубы отъ частаго куренія табаку и круглыя плеча дѣлаютъ ихъ болѣе дурными, нежели хорошими. Послѣдніе, какъ видное

ное въ ихъ тѣлѣ безобразіе, происходитъ отъ того, что онѣ съ самаго дѣтства привыкли сидѣть всегда нагнувшись, какъ портные.

Черной порошокъ, которымъ онѣ проводятъ линѣечки надъ вѣками, придаетъ глазамъ ихъ грубые взоры. Вопросы ихъ такъ глупы, какъ щеголеваты ихъ наряды. За мужемъ ли вы? Естьли у васъ дѣти? Не неможете ли вы чѣмъ нибудь? Любители вы Константинополь? — Вотъ въ чемъ состоятъ ихъ всѣ разговоры. Турчанки проводятъ большую часть дня въ банѣ, или за своимъ туалетомъ. Поистиннѣ, странное провожденіе времени! Отъ перваго увядаютъ ихъ прелести, а второе уничтожаетъ тѣмъ ихъ дѣйствіе. Отъ того, что онѣ ходятъ часто въ теплую баню, жизненные соки разслабеваютъ; и отъ сего-то этѣ женщины въ 15 лѣтъ кажутся старѣе меня. Тщетно онѣ стараются возстановить

искус-

искусствомъ прелести, которыхъ отъ теплыхъ своихъ бань лишаются. Но до тѣхъ поръ, пока найдется изъ нихъ хотя одна, которая узнаетъ причину, истребляющую въ нихъ сей небесный даръ, и пока не дастъ знать потомкамъ сего вреда, и не предоставитъ лучшаго способа, какъ поступать съ природною красотою, онѣ будутъ всегда также скоро увядать, какъ роза, которую онѣ справедливо до безумія любятъ.

Наши Кавалеры нетерпѣливо желали знать, что мы видѣли въ Гаремѣ. Какъ всѣ мы пошли было со двора, то нарочно посланный изъ Гарема бѣжалъ за нами; онъ просилъ насъ, чтобъ мы приказали каретамъ нашимъ сдѣлать два или три круга на дворѣ, какъ для удовольствія жены Капитанъ-Паши, такъ и для всѣхъ прочихъ, находящихся въ Гаремѣ, которыя смотрѣли сквозь желузи. Можно

ли

ли было отказать такому странному прошенію, какЪ вы можете себѣ представить. УдовольствовавЪ ихЪ желаніе, мы поѣхали домой и смѣялись необыкновеннымЪ нашимЪ приключеніямЪ.

Не думайте, чтобЪ кареты могли вЪ Перѣ и Константинополѣ ѣздить такЪ скоро, какЪ вЪ Лондонѣ или Парижѣ. Улицы наполнены множествомЪ собакЪ, которыя никому собственно не принадлежатЪ; но лучше сказать, они общія, и такЪ привыкли видѣть, что Турки, ѣдущіе верьхами, останавливаются и объѣзжаютЪ тѣ улицы, гдѣ они стоятЪ на солнцѣ; почему и наши люди принуждены были вЪ этой дорогѣ до самаго дому Французскаго Посланника нѣсколько разЪ останавливать карету и прогонять этихЪ бѣгающихЪ собакЪ. Они всѣ очень дурны и всѣ одной породы большихЪ АглинскихЪ собакЪ. НѣтЪ ничего глупѣе того, что

всѣ ихъ здѣсь любятъ. На каждой навозной или грязной кучѣ видны ихъ сотни; они бѣгаютъ по нихъ и грызутся за кость, найденную въ сору; потому что такая любовь къ симъ животнымъ, составляющая весь ихъ кормъ, не довольна для прокормленія всѣхъ, и потому многія каждой день умираютъ съ голоду. Здѣсь ни у кого нѣтъ своей собаки; они всѣ спятъ и щенятся на улицахъ. Турки очень почитаютъ голубей, и сіи также по всему городу летаютъ и спорятъ съ собаками о пищѣ.

Прощайте, любезный братецъ, примите благосклонно мои желанія и мое къ вамъ почтеніе.

Е. К.

---

## Письмо L.

Я видѣла ужасное зрѣлище, хотя впрочемъ для живущихъ въ Перѣ и Константинополѣ весьма обык-

обыкновенное. Вчера я была на каналѣ и смотрѣла отъѣздъ Капитана Паши, командующаго Турецкимъ флотомъ, которой направлялъ парусы въ Египетское море. Ввечеру въ Константинополѣ сдѣлался страшной пожаръ. Причиною онаго навѣрно были Адмираловы партизаны, которые произвели такую тревогу для того, чтобъ дать почувствовать или подумать Султану, что онъ въ великой опасности остается безъ своего любимца.

Вы конечно удивитесь сей догадкѣ; но здѣсь нѣтъ ничего обыкновеннѣе этихъ переворотовъ. Я пошла съ Посланникомъ и многими другими особами въ обсерваторію, находящуюся надъ домомъ. Мы пробыли тамъ, дѣлая свои примѣчанія, до трехъ часовъ утра. Деревянные домы здѣсь построены очень неосторожно; и потому-то они скоро загораются какъ трутъ, и горятъ, какъ сѣрныя спички.

Эта сцена представляла ужасъ и смятеніе; хотя загорѣлось на самомъ берегу, и хотя Янычары дѣйствовали очень проворно, чтобъ погасить огонь; однакожъ болѣе семидесяти домовъ сгорѣло.

Султанъ, когда хочетъ увѣрить простой народъ, что онъ не опасается, выходитъ съ двумя, или тремя человѣками, инкогнито. Я видѣла, какъ онъ вышелъ такимъ образомъ послѣ отправившейся эскадры изъ заднихъ воротъ своего сада. Вечерній огонь очень споспѣшествовалъ къ возобновленію прошедшаго его страха. Здѣсь всегда заранѣе знаютъ, когда онъ выходитъ безъ стражи и безъ свиты. Это совершенно походитъ на дѣтской поступокъ, которыя поютъ въ темнотѣ, чтобы показать своимъ кормилицамъ, будто они не боятся въ то самое время, когда въ самомъ дѣлѣ дрожатъ отъ страха.

Тур-

Турки думаютъ, будто взглядъ Христіанина предвозвѣщаетъ несчастіе ихъ домамъ и дѣтямъ. По сему-то суевѣрію, чтобъ отвратить такъ называемой ими *дурной взглядъ*, *или сглазить*, они вѣшаютъ шарики, или другія какія нибудь примѣчанія достойныя вещицы наверьху крышки, или въ другихъ частяхъ дома, чтобъ привлечь взоры любопытныхъ зрителей и возпрепятствовать имъ долго смотрѣть на домъ. Что же касается до дѣтей, а особливо большихъ господъ, Евнухи ихъ всегда прячутъ, какъ только имъ покажется, что Христіанинъ, мужщина или женщина, на нихъ смотритъ. Все это, право, сущее ребячество. Турки имѣютъ кромѣ сихъ глупостей тысячи суевѣрныхъ предубѣжденій въ разсужденіи *вольныхъ*. Этимъ именемъ они называютъ всѣхъ тѣхъ, которые носятъ Европейское платье. Между прочимъ они думаютъ,

 буд-

будто имѣютъ совершенное понятіе о Медицинѣ, и просятъ у Христіанъ лекарствъ отъ болѣзней. О сихъ-то однѣхъ вещахъ охотно разговариваютъ съ нами.

Красныя сафьянныя, карманныя книжки, весьма искусно вышитыя золотомъ, которыя вы конечно видали, здѣсь очень дешевы. Самыя дорогія не болѣе стоятъ полугинеи или пятнадцать шиленговъ. Одну или двѣ я къ вамъ пришлю; въ нихъ вы будете класть мои письма. Я давно знаю, любезный Князь, что какъ бы наружность оныхъ ни была великолѣпна; но не будетъ вамъ такъ пріятна, какъ вранье, находящееся въ нихъ. Во множествѣ глупостей, которыя здѣсь примѣчаю, есть одна, которой не могу найти никакой причины. Султаны прежде строили на берегу канала разные дворцы, которые нынѣ оставлены. На Азійскомъ берегу есть одинъ, построенный посреди пре-

прекраснаго саду, которой вездѣ сталъ уже валиться. Въ немъ находятся еще зеркала и дорогіе уборы, которыхъ изъ него не выносятъ. Они предоставлены произвольному дѣйствію всѣхъ четырехъ стихій. Такъ какъ никто не имѣетъ на оные права, то Порта и публика равнымъ образомъ ихъ теряютъ. Садъ, изъ котораго можно сдѣлать большой звѣринецъ, совсѣмъ запустѣлъ. И какъ никто туда не ходитъ, то прелестное это мѣсто, какъ одно изъ лучшихъ на семъ берегу противъ Сераля, вѣтшаетъ и современемъ развалится и опустѣетъ. Я вижу, что во всякой землѣ также поступаютъ съ дворцами и другими Королевскими загородными дворами, которые будучи оставлены по своенравію Государей, остаются безъ всякаго попеченія ни объ нихъ, ни о внутреннихъ ихъ уборахъ.

Хотя между Турками и есть глупые, смѣшные обычаи и странныя мнѣнія; однакожъ знатные оказываютъ много великолѣпія и великодушія въ своихъ поведеніяхъ. Ни одинъ Оттоманской Министръ не имѣетъ свиданія съ Посланникомъ, или другимъ какимъ знатнымъ чужестранцемъ, не сдѣлавъ ему подарковъ, за которые они также отдариваютъ по богатству или благородству своей души. Г. Шуазель не пользуется симъ обстоятельствомъ, чтобъ обогатиться; а потому меня и увѣряютъ, что онъ никогда не принимаетъ подарковъ, не отдаривъ за нихъ вдвое, чего они стоятъ. Я болѣе еще въ томъ увѣрена, что онъ, по свойственному ему великодушію, и для славы и чести своего Государя и отечества такъ поступаетъ. Хотя обѣ сіи причины дѣлаютъ великія вліянія на его дѣла . . . и . . .

Вы

Вы видите, что здѣсь нѣтъ ничего легче Министру, какъ пользоваться сими свиданіями, какъ дѣлать деньги и извлекать чистое золото изъ политическихъ его разговоровъ.

Турки обращеніемъ своимъ съ нашимъ поломъ заслуживаютъ, чтобъ прочія націи имъ въ этомъ слѣдовали. Когда знатному или бывшему при должности отрубятъ голову: то пересмотрятъ всѣ его бумаги, и все то похищаютъ, что только находится въ его домѣ; но вдову всѣмъ снабжаютъ и оставляютъ ей всѣ ее богатыя украшенія и драгоцѣнные каменья.

Гаремъ, есть предметъ важной и священной даже и для хищной алчности, которая за то только убиваетъ своего господина, что онъ былъ богатъ. Можно сказать, что въ Турціи женщины совершенно избавлены пустыхъ рѣчей грубой, любопытной и праздной публики, или что назы-

вается *свѣтъ*, которой никогда не можетъ безпокоить Турецкую госпожу. Ея красота, дарованія, счастіе или несчастіе, равно не извѣстны, и равно сокрыты отъ коварныхъ глазъ зрителей. Естьлибъ Турчанки не были слишкомъ безразсудны, то думаю, что онѣ не должны никогда имѣть большихъ печалей; потому что жена несчастнаго деньщика, которой достаетъ себѣ пропитаніе нося воду, или жена дрягеля сидитъ всегда дома, убранная своими драгоцѣнными каменьями, или выѣзжаетъ туда, куда ей угодно, и все, что только мужъ ее ни вырабатываетъ, большую часть изъ онаго отдаетъ ей. Въ большихъ домахъ, женщины, составляющія свиту Турецкаго чиновника, опредѣлены для умноженія великолѣпія первой его супруги, которая поступаетъ съ ними въ Гаремѣ такъ, какъ ей угодно. Естьли вѣрить тому, что мнѣ сказывали, будто въ Турціи

мужъ не долго обожаетъ послѣ женидьбы свою жену; но такъ какъ жена, она дѣлитъ съ нимъ все его богатство, и нѣтъ, думаю, такой земли, въ которой бы сей полъ имѣлъ столько безопасной вольности, какъ въ Турціи. Образъ жизни и поведеніе здѣшнихъ женщинъ удостовѣряетъ меня, что отъ нихъ только зависитъ быть самыми счастливѣйшими твореніями въ свѣтѣ.

Любопытство заставило меня посѣтить двухъ Гречанокъ, которыя шли замужъ въ Константинополѣ. У нихъ есть такое обыкновеніе, что всѣмъ позволяется смотрѣть ихъ приданое. Послѣднее было великолѣпно, а этѣ женщины очень прекрасны, и по различію пріятности ихъ лицъ онѣ казались еще прелестнѣе. Одна изъ нихъ имѣла настоящее Греческое лице, маленькую голову, прямой носъ, боль-

большіе голубые глаза, волосы и рѣсницы темные, долгую и круглую шею, и по природному сложенію была собою болѣе можно сказать тонка, нежели дородна, пріятнаго и задумчиваго вида; другая очень дородна, глаза имѣла черные и быстрые, видъ милой и веселый, тѣло такъ нѣжно, что видна кровь, которая обращалась въ ея жилахъ быстрѣе, нежели у ея невѣстки. Хотя ротъ не много и великъ; но онъ не уменьшалъ ея красоты и въ немъ были видны прекрасные бѣлые зубы. Первая имѣла и ротъ и зубы лучше; однакожъ она не старалась ихъ показывать и оживлять черты своего лица улыбками вмѣсто того, что красавица съ черными глазами поминутно смѣялась всему, или лучше сказать безъ всякой причины. Онѣ обѣ были не много нарумянены. Нѣсколько блѣдная и бѣлая кожа

бѣло-

бѣлокурой соотвѣтствовала ея худощавости; а другая часто пріятно краснѣла. Съ нихъ очень бы можно было срисовать Мелпомену и Талію. Я весьма бъ желала имѣть съ собою Сиръ Іозуа Рейнолда. Оригинальныя его композиціи такъ прекрасны, что конечно полюбятся молодому Стихотворцу; но я надѣюсь, что кисть его не неудостоила бы срисовать этѣ столь прекрасные подлинные два предмета. Здѣсь весьма рѣдко можно увидѣть бѣлокурые, или совсѣмъ темные волосы. Мнѣ сказывали, что естьли невольница имѣетъ такіе волосы, то за нее платятъ болѣе кошельковъ Піастровъ, нежели за другую. Знатныя суммы щитаютъ здѣсь кошельками. Прощайте, любезный Князь, прощайте! — Желаю, чтобъ письма мои доставляли вамъ такое же удовольствіе, какое я чувствую сама, посвѣщая вамъ праздные мои часы.

При истинномЪ увѣреніи навсегда, сЪ совершенною радостію имѣю честь быть

Вѣрнѣйшею и покорною вашею сестрою

Е. К.

---

## Письмо II.

*Французской дворецЪ, Пера, 6 Мая, 1786 года.*

Пожалуйте, не воображайте себѣ, любезный Князь, будтобЪ прелестнѣйшая картина, представляющаяся моему взору, возпрепятствовала мнѣ видѣть красоты ГреческихЪ острововЪ, находящихся вЪ близкомЪ отселѣ разстояніи; напротивЪ того я намѣреваюсь воспользоваться симЪ случаемЪ. Я совѣтовалась сЪ Г. ШуазелемЪ, какЪ бы лучше мнѣ нанять корабль, хотя впрочемЪ трудности были и очень чрезвычайны. ОнЪ, по своей искренности, добродушію и обыкновенной учтивости, нашелЪ средство

всѣ

всѣ скоро преодолѣть; онъ доставилъ мнѣ маленькой фрегатъ, называемый Тарлетонъ, о 14 пушкахъ подъ командою господина Трюгета, его друга, человѣка небольшаго росту, но весьма пріятнаго и учтиваго. Этотъ фрегатецъ сдѣланъ по Аглинскому вкусу. Онъ взятъ въ послѣднюю войну въ Америкѣ. Г. Шуазель, которому Бурзскія воды нужны для его здоровья, поѣдетъ съ нами до Мадагнанской гавани, и, по выходѣ его на сіи берега, я поѣду въ тѣ мѣста, которыя онъ мнѣ назначитъ; потому что никто не можетъ мнѣ присовѣтывать лучше его. Онъ отпуститъ со мною двухъ художниковъ, живущихъ у него, и я во всемъ послѣдую его мнѣнію. Вы видите, что моя щастливая планета доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть прелестнѣйшія земли, и путешествіе мое будетъ продолжаться самымъ пріятнѣйшимъ образомъ съ малыми безпокой-

покойствами, а съ большимъ увеселеніемъ, которое всегда чувствуетъ человѣкъ, путешествующій одинъ. Древній мудрецъ гдѣ-то сказалъ, что *нещастіе никогда не бываетъ одно.* Равнымъ образомъ могу сказать и о щастливыхъ приключеніяхъ.

Конечно сперва я подумала, что разность въ образѣ здѣшней жизни отъ образа другихъ Европейскихъ городовъ, должна была бы имѣть особливое непріятное вліяніе на живость Г. Шуазеля; а слѣдственно подѣйствовала бы и въ уменьшеніи его здоровья; но я въ этомъ обманулась; я не почитаю этотъ городъ общественнымъ мѣстомъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ многолюдныхъ собраній. Посланники сидятъ дома. Какъ вамъ довольно извѣстно качество члена Дипломатическаго общества, равно также извѣстно и то, что сія должность не дѣлаетъ человѣка пріятнымъ въ бесѣдѣ. Разныя выгоды

ды ихъ дворовъ, которые имѣютъ взаимныя соотношенія, принуждаютъ Посланниковъ по необходимости перемѣнять мысли относительно къ публичнымъ дѣламъ; и отъ сей-то разнообразности происходитъ уединенная ихъ жизнь. Теперь опишу вамъ всѣхъ, находящихся здѣсь чужестранныхъ Министровъ. . . . —

Но время, любезный Князь, обратить вниманіе наше на Грековъ, которыхъ здѣсь также много, какъ и Турокъ. Остатки, или лучше сказать, возобновленіе древней Греческой красоты, часто еще между ими видны. Духъ патріотическій нынѣ состоитъ въ величайшей привязанности къ берегамъ канала. Порта всегда избираетъ изъ нихъ же Господаря для управленія Молдавіею или Валахіею. Этотъ правитель бываетъ тамъ три года въ сей должности, и оставляетъ ее, наживъ себѣ изрядное богатство, которое упо-

требляетъ на строеніе домовъ и садовъ въ сосѣдственныхъ мѣстахъ Константинополя. Занимающіе этѣ посты напередъ должны быть увѣрены, что ихъ не допустятъ умереть въ постелѣ; потому что имъ всѣмъ почти отрубаютъ голову прежде отставки. Частые примѣры ужасной сей участи нимало не отвращаютъ ихъ отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они ведутъ жизнь безпокойную и возмущаемую безпрестаннымъ страхомъ. Они такъ тщательно скрываютъ отъ всѣхъ свое богатство, какъ только возможно; но правленіе имѣетъ проныrливыхъ шпіоновъ. Сіи несчастные Греки это знаютъ, и справедливой страхъ дѣлаетъ ихъ плѣнниками въ ихъ собственныхъ домахъ. Босфоръ кажется имъ столько пріятнымъ, что лишаетъ ихъ всякаго другаго удовольствія. Странное ослѣпленіе! Когда существуетъ другая Имперія, исповѣдую-

дующая ихъ религію, въ которой бы они были безопасны, спокойны и покровительствуемы, естьлибъ перешли въ оную совсѣмъ своимъ богатствомъ.

Нѣсколько тому дней, какъ я видѣла публичной отъѣздъ Принца, которому поручено правленіе надъ Валахіею. Свита, сопровождавшая его, была прекрасная; она состояла изъ придворныхъ, изъ его Гвардіи и изъ его стражей, назначенныхъ отъ Порты. Янычары и повора всѣ ѣхали по два въ рядъ; одна часть открывала сію торжественную процессію, а другая его замыкала несчетнымъ множествомъ лошадей. Всѣ лошади были покрыты золотыми, парчевыми и дорогаго шитья чепраками. Передъ новымъ правителемъ, которой ѣхалъ въ срединѣ, везли два бѣлые лошадиные хвоста, которые были привязаны на палки, и родъ шапки похожей на каску, которая была знакомъ новаго его достоинства.

 Онъ

Онъ уже человѣкъ немолодой и знаетъ Посланника. Взглянувъ на тѣ окны, въ которыя мы смотрѣли, онъ кивнулъ намъ головою. Свита эта долго проѣзжала чрезъ узкой проходъ одинъ за другимъ; и я не вспомню, чтобъ когда нибудь видала зрѣлище великолѣпнѣе сего отъѣзда. Господарь называется Николай Морезиндъ, уроженецъ Греческаго острова Наксія. Теперешнее его имя не то, которымъ онъ прежде назывался; онъ за тѣмъ принялъ другое, что оно пріятнѣе было Портѣ.

Греки часто обращаются съ лирою древнихъ; но думаю, что въ прежнія времена, такъ какъ и нынѣ гармоническая пріятность оной трогаетъ одни только ихъ глаза. На этомъ инструментѣ, или дурной скрыпкѣ, или цитрѣ, они наигрываютъ отвратительные и несогласные тоны, которые сопровождаютъ соотвѣтствующимъ

имЪ крикомЪ, который почитается у нихЪ пѣніемЪ и музыкою.

Правда, музыка есть искусство, о которомЪ Греки и Турки ни малѣйшаго не имѣютЪ понятія.

Вы желаете мнѣ, какЪ и увѣрена, чтобЪ я летѣла на легкихЪ крыльяхЪ зефира. Я за это покорно васЪ благодарю. ИзЪ перваго мѣста буду имѣть честь кЪ вамЪ писать, гдѣ скоро надѣюсь найти удобный случай доставить вамЪ мое письмо.

Прощайте, любезный Князь, я есмь сЪ почтеніемЪ и любовію совершенно вамЪ преданная

Е. К.

---

## Письмо LII.

*Пера, 11 Мая 1786 года, полночь.*

Я не располагалась было писать кЪ вамЪ по крайней мѣрѣ до моего пріѣзду кЪ ТраянскимЪ берегамЪ;

тамъ; но какъ воображеніе мое меня ласкаетъ, что подробное описаніе, лично касающееся до Султана, васъ увеселитъ, то и хочу сообщить вамъ что я слышала. Онъ чрезмѣрно боязливъ, робокъ, застѣнчивъ, несвѣдущь и совершенно неспособенъ къ усмиренію волнъ, возстающихъ между мятежливыхъ его Министровъ отъ ихъ корыстолюбивыхъ хитростей, и къ управленію внутреннымъ порядкомъ кабинета Оттоманской Порты. Ужасная его безпечность препятствуетъ ему заботиться и навѣдываться о томъ, что происходитъ внѣ Константинополя. Онъ имѣетъ слѣпую довѣренность къ Гасану, великому Адмиралу или Капитану-Пашѣ, мужество котораго есть надежное убѣжище въ страхѣ сего Государя. Янычары часто бунтуютъ. Провинціальные правители или Паши также всѣ въ одно время возмущаются. Пожары въ Константинополѣ такъ часты,

сты, а при томЪ и Россійскій Кабинетъ нынѣ такЪ *взыскателенЪ*, что недолго ожидать той минуты, вЪ которую Турки совершенно будутЪ побѣждены и станутЪ испускать вздохи справедливаго на самихЪ себя негодованія. Есть знатная партія, которая давно уже очень явно негодуетЪ на терпѣніе Порты. Чему же дивиться, естьли вЪ семЪ безпорядкѣ и замѣшательствѣ Государь, которой никогда не выходилЪ изЪ Сераля, и которой также очень нерѣшителенЪ, какЪ и большая часть его женЪ, самЪ трепещетЪ на своемЪ престолѣ? —

Селиму, племяннику его, которой долженЪ ему наслѣдовать, около двадцати шести лѣтЪ. Мнѣ сказывали, что его разумЪ проникаетЪ сквозь облака слабаго воспитанія, которое онЪ получилЪ. КакЪ скоро онЪ узналЪ варварское обыкновеніе лишать жизни всѣхЪ дѣ-

дѣтей, которыя родятся въ Сералѣ, и которыя незаконныя дѣти царствующаго Султана: то всѣмъ обьявилъ, что онъ никогда не будетъ причиною смерти ни одного изъ сихъ твореній, и всегда съ удивительнымъ постоянствомъ избѣгалъ случаевъ, могущихъ сдѣлать его отцомъ. Это одно изъ доказательствъ, возвѣщающихъ твердой его характеръ.

Нынѣ ввечеру всѣ тѣ, которыхъ мнѣ представляли, были у меня, и желали мнѣ пріятнаго и благополучнаго путешествія. . .

Х*** вошелъ ко мнѣ. Онъ такъ похожъ на двоюроднаго брата Гогрестена, что легко почесть можно одного за другаго. Онъ увѣрилъ меня, что острова Наксосъ и Смирна въ это время опустошаемы были чумою, и что камни и бури въ Архипелагѣ дѣлаютъ мореплаваніе къ нимъ самымъ опаснѣйшимъ въ свѣтѣ, изъ котораго однакожъ онъ желалъ мнѣ благополучна-

го

го возвращенія, и при томъ чистосердечно мнѣ сказалъ, что предпріятое мною путешествіе было весьма опасно. Тайная улыбка, которую я примѣтила на лицахъ и извѣстная слава, которую онъ снискалъ своими выдумками, послужили къ совершенному моему успокоенію; и естьли онъ имѣлъ другое намѣреніе, то совершенно въ немъ не успѣлъ. Мы не могли удержаться отъ смѣху, когда этотъ Гогрестень уѣхалъ.

Венеціанскій Посланникъ здѣсь. Онъ человѣкъ очень умный; но недоволенъ своею должностію. Страсть его быть въ Римѣ безпредѣльна; тамъ онъ конечно бы могъ по своимъ склонностямъ и своему вкусу посвятить себя художествамъ. Онъ очень говорливъ; и конечно также какъ и Г. Шуазель нѣсколько похожъ на того Принца Арапскихъ ночей, которой пріѣхалъ въ такую землю, гдѣ всѣ жители превращены были въ камни,

и въ самой вещи такая нація, съ которою никакъ не льзя подружиться, есть родъ статуй скучныхъ для чужестранца, принужденнаго тамъ жить. Разность ихъ есть та, что этѣ статуи ходятъ, или ѣздятъ верхомъ, или плаваютъ въ лодкахъ.

У Г. Шуазеля есть прекрасные музыканты, и мы нѣсколько имѣли концертовъ. Здѣсь также есть Дамы, которыя очень хорошо поютъ; но какъ я слишкомъ стыдлива въ разсужденіи сего, то никому изъ здѣшнихъ не скажу, что умѣю пѣть; потому... Желаю вамъ доброй ночи.

Е. К.

---

## Письмо LIII.

*Аѳины, 20 Мая 1786 года.*

Изъ Перы мы поѣхали на фрегатѣ Тарлетонѣ 12 числа по полудни въ шесть часовъ съ половиною. На немъ были Г. Шуазель, боль-

большая часть его домашнихъ, я, мой товарищь и корабельные Офицеры. Не понимаю, какъ маленькой этотъ фрегатъ могъ помѣстить всѣхъ насъ и нашихъ лакеевъ; это однакожь сущая правда. Время было самое прекраснѣйшее. Мы проѣхали острова, называемые Принцы, находящіеся въ лѣвой сторонѣ за 7 миль повыше Константинополя. Изъ этихъ острововъ мы направили парусы къ мысу Вурбурону, составляющему часть Мадагнанской гавани. Все это разстояніемъ въ дорогѣ около 24½ миль. Отъ Бурбуронскаго мыса поѣхали въ Мадагнанскую гавань, которая лежитъ оттуда за 13 миль. Какъ вѣтеръ былъ очень малъ, то эти сорокъ четыре мили съ половиною мы ѣхали 17 часовъ. Выпустивъ любезнаго нашего больнаго, мы опять распустили парусы, и когда уже были посреди моря, жестокая буря насъ застигла, и едва съ великимъ трудомъ могли отдалиться

отъ

отъ острова Мармора, ужасной обнаженной каменной скалы, которая, кажется, для того находится посреди сего моря, чтобы принимать остатки кораблей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Я была очень больна и ужасно какъ устала; потому что качаніе такого малаго судна всю меня растрясло. Когда увидѣла, что уже нахожусь на высотѣ славной сей Трои, то одно только имѣла желаніе, чтобъ скорѣе выйти на берегъ. Но какъ на землѣ ничего не видать, и какъ мы не имѣли времени искать въ ея нѣдрахъ остатковъ, погребенныхъ въ ней Героевъ: то довольствовались только лестнымъ воображеніемъ, что конечнобъ могли это желаемое найти, естьлибъ потрудились. Проѣзжая проливъ, мы оплакивали участь Леандра. Здѣсь попался намъ флотъ Капитана-Паши. Маленькой нашъ фрегатъ отдалъ ему честь, и онъ также отвѣтствовалъ намъ

стрѣль-

стрѣльбою изъ пушекъ. Мы проѣхали западные мысы острововъ Митилены и Сперы, оставляя въ лѣвѣ островъ Сціо, а на право Миконію, маленькой островъ Драгониссъ, и наконецъ пристали къ острову Наксія или Наксосъ. Здѣсь я ничего не нашла, кромѣ малыхъ остатковъ храма, посвященнаго Бахусу, построеннаго на вершинѣ каменной горы, которая навѣрно прежде сего была часть того острова, на коемъ онъ былъ воздвигнутъ. Нынѣ иначе не можно туда проѣхать, какъ въ лодкѣ, и съ великою трудностію должно взлезать на вершину, на которой онъ стоитъ. Прекрасной соразмѣръ подаетъ мнѣніе, что это было весьма великолѣпное зданіе. Мнѣ показывали тотъ самой фонтанъ, на берегу котораго, какъ говорятъ, нещастная Аріядна оплакивала отсутствіе своего любовника, и на которомъ Бахусъ ее нашелъ. Онъ обдѣланъ бѣлымъ мрамо-

моромъ, и такъ повредился отъ давнаго времени, что едва заслуживаетъ болѣе сего описанія. Вода въ немъ очень прозрачна. Городъ Наксосъ невеликъ и дуренъ. — Мы ждали болѣе четырехъ часовъ, чтобъ видѣть молодую Наксіотскую дѣвушку въ праздничномъ ея платьѣ, которое не льзя сказать, чтобъ было хорошо и благопристойно; вмѣсто юпки на ней была коротенькая по колѣни рубашка. Фуфайка такъ смѣшна, что никакъ не льзя ее описать. Она была вышита разными фигурами жемчугомъ, перлами и проносками съ четокъ. Два крыла, подобныя бабочкинымъ, приклѣенныя къ ея плечамъ, придавали ей нѣчто странное. На головѣ и на шеѣ было золото, цѣпочки, жемчугъ, драгоцѣнные камни и ленты. Я ничего не видывала во всю жизнь этаго смѣшнѣе. Мы съ нею простились, сдѣлавъ извиненіе въ нашемъ любопытствѣ, которымъ ее такъ много обезпокоили.

По-

Послѣ сего мы поѣхали въ маленькій островъ Антипаросъ, находящійся на правой сторонѣ отъ Пароса, гдѣ скоро нашли тѣ разныя ямы, изъ которыхъ достаютъ тотъ славный мраморъ, которой симъ именемъ называется. Естьлибъ я имѣла волшебную палочку, то конечно бъ перенесла въ Англію превеличайшіе оныхъ куски и отдала бы ихъ моему другу, госпожѣ Дамеръ, которая, по своему дарованію въ Скульптурѣ, заслуживаетъ въ семъ искусствѣ отличную честь, которой она достойна, какъ и въ многихъ другихъ, въ которыхъ, по своей склонности или охотѣ, она за пріятное почитала упражняться, хотя впрочемъ ея скромность скрываетъ часть ея достоинствъ отъ публики.

Художникамъ Г. Шуазеля приказано было дѣлать Астрономическія и Геометрическія примѣчанія о славной пещерѣ Антипаросъ. Я съ своей стороны также обѣщалась

лась итти съ ними въ сей натуральной гротѣ. Два Грека, которые вели осла, ожидали меня на берегу; потому что было чрезвычайно жарко; а мои товарищи боялись, чтобъ я не устала. Въ самомъ дѣлѣ пещера эта была за три мили отъ берегу, и всю дорогу надобно было итти на гору: Поворотя вдругъ на лѣво, мы стали спущаться нѣсколько внизъ, и настоящая романическая сцена намъ представилась. Сводъ, сдѣланной полукружіемъ въ каменныхъ утесахъ, изъ которыхъ иные походили на столбы; которые, казалось, будто нарочно поддерживали повѣшенную кровлю. Пещеры, въ которыхъ разныя стада козъ, пригоняемыя Греческими пастухами, наслаждаются прохладною тѣнію вмѣстѣ съ пасущими ихъ, все сіе представляло картину, достойную поощрить моихъ сопутешественниковъ приняться за карандашъ. Мы тутъ оста-

остановились и увидѣли небольшее отверстіе. Это былъ одинъ только входъ въ гротъ. Я принуждена была итти въ сей весьма темной проходъ не иначе, какъ наклонившись. При самомъ входѣ въ гротъ для предосторожности привязанъ былъ канатъ. Нѣкоторые изъ матросовъ и Грековъ шли напереди насъ съ зажженными факелами. Надобно имѣть очень много отважности, терпѣнія и проворства, чтобъ опускаться въ эту подземельную пропасть. Иногда я садилась, а иногда спускалась по небольшимъ выдавшимся камнямъ, которые были одни пособія, за которыя можно было держаться. Въ двухъ мѣстахъ проходъ перпендикулярной. Тамъ привязаны были еще веревочныя лѣстницы. Сквозь находящееся на лѣвой сторонѣ отверстіе, мы могли видѣть два, или три раза, дно пещеры, смотря туда перпендикулярно. Наконецъ я благо-

 по-

получно сошла въ сей ужасной проходъ безъ помощи другихъ; потому что почитала себя гораздо безопаснѣе, довѣряя болѣе самой себѣ, нежели чтобъ совершенно положиться на вспоможеніе провождающихъ, которымъ великую надлежало имѣть осторожность, чтобъ и самимъ не поскользнуться вмѣстѣ со мною.

Турнефортъ говоритъ, что перпендикулярная глубина сей пещеры отъ поверхности простирается на триста шесть футовыхъ саженей; но не болѣе трехъ сотъ обыкновенныхъ футовъ. Впрочемъ какъ проходъ, по которому сходятъ, во многихъ мѣстахъ имѣетъ частые повороты и лабиринты, то сія ошибка простительна, а особливо въ такое время, когда Математическія познанія не были еще въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ находятся нынѣ. Слабое описаніе, которое перо мое безъ сомнѣнія можетъ

на-

начертить объ этомъ извѣстномъ гротѣ, хотя оставляю до другаго времени; но и теперь еще съ удовольствіемъ представляю себѣ пріятную прохладу, въ немъ царствующую, тотъ стремительной источникъ, которой мы нашли въ углу, и вкусную его воду, служившую намъ питьемъ, освѣжавшимъ холодное наше кушанье. Художникъ, срисовывавшій внутренность этой пещеры, воспользовался безмолвнымъ моимъ созерцаніемъ сихъ предметовъ, сихъ произведеній хладной и медлительной руки времени: онъ представилъ меня сидящею у подножія пирамиды, называемой славный жертвенникъ. Сей рисунокъ украшать будетъ вторую часть живописнаго путешествія въ Грецію Г. Шуазеля. Ахъ, любезный и почтенный другъ, какъ я желала видѣть васъ вмѣстѣ со мною! Мнѣ казалось тогда, будто я предузнала, сколь трудно, да и не возмо-

можно описать перомъ, или изобразить карандашомъ несчетность предметовъ и красоты ихъ, которые поражали мои глаза и плѣняли мою душу. Когда я вспомню о томъ холодномъ камнѣ, на которомъ я сидѣла въ семъ гротѣ, болѣе, кажется, чувствую себя истомленною отъ несноснаго жара, которой я чувствую въ сію минуту. И такъ я оставляю перо.

Прощайте, любезный мой братецъ; я предоставляю вамъ удовольствіе отгадывать излишество той радости, которую имѣю къ вамъ писать, и есмь истинно ваша усердная и преданная сестра,

Е. К.

---

## Письмо LIV.

*Аѳины, 21 Мая 1786 года.*

Капли, подобныя водянымъ, безпрестанно опускающіяся со свода пещеры, падая постепенно, твер-

твердѣютъ. Первая отвердѣвшая капля походитъ на ломкую раковину. Другая, за нею слѣдующая, увеличиваетъ собою ея приращеніе. Когда ее разломишь, то, разсмотрѣвъ внимательно центръ, откуда течетъ вода и куда всегда збирается прозрачная капля, можешь примѣтить многія небольшія и подобныя стекляннымъ трубочки, которыя какъ будто одна въ другую вложены; послѣдняя изъ нихъ изображаетъ кругъ гораздо болѣе прежде упавшей и отвердѣвшей. Этѣ трубочки прекраснаго алебастроваго цвѣта. Жертвенники, (пирамиды), и столбы, возвышающіеся снизу вверьхъ, выше самого взрослаго человѣка и совсѣмъ различнаго цвѣта отъ тѣхъ, которые висятъ на сводѣ. Иные изъ нихъ темносѣроваты, и хотя по наружности кажутся столь же крѣпки, какъ твердой камень; но очень можно видѣть, что произведены отъ той же при-

чины, то есть отъ отдѣленія воды, или каменнаго соку. Этотъ предметъ достоинъ испытанія Натуралистовъ, что бы узнать и изъяснить, какимъ образомъ въ одной Атмосферѣ ихъ одинакаго вещества происходятъ отвердѣлыя и столь разновидныя Кристализаціи. Что касается до меня, я почитаю эту игру въ Природѣ естественною причиною; и потому-то послѣдніе капельники или наросты висятъ, или такъ просто сказать, твердѣютъ на воздухѣ, между тѣмъ какъ другіе остаются вверьху каменной скалы, гдѣ они постепенно также перемѣняются въ кристалъ, какъ песокъ въ нѣдрахъ земныхъ.

Когда Россійской флотъ стоялъ на якорѣ въ Архипелагѣ при Антипаросѣ, тогда нѣкоторые изъ Офицеровъ, бывшихъ въ семъ гротѣ, изломали нѣсколько прекраснѣйшихъ столбовъ, которые съ продолженіемъ

емЪ времени, или вѣроятно, отЪ безпрестаннаго перпендикулярнаго капанія воды, чрезЪ нѣсколько вѣковЪ такЪ увеличились, что вЪ большой залѣ касались самого полу или грунту. Куски оныхЪ я видѣла вЪ ПетербургѢ, прежде нежели видѣла верхушки и базы вЪ Антипаросѣ; потому что какЪ эта матерія очень ломка, то ихЪ и не можно безЪ поврежденія отломить во всю ихЪ длину. ЕстьлибЪ Премудрая Царица могла знать, сколь малое должно быть удовольствіе для тѣхЪ любопытныхЪ, которые видѣли сіи Пирамиды изломанными вЪ Ея Музеумѣ вЪ сравненіи сЪ великолѣпнымЪ видомЪ, которой они должны представлять вЪ самомЪ гротѣ: то конечнобЪ Она сожалѣла вмѣстѣ со мною о желаніи, побудившемЪ сихЪ ОфицеровЪ обезобразить древность, усердствуя Ей угодить. Сколь пріятно и восхитительно смотрѣть на разные виды сихЪ

 кри-

кристаловъ, представляющихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сводѣ, никакъ того не могу живо изобразить! Всегда, отъ чего бы то ни было, затвердѣвшій капельникъ, вышедшій изъ своего мѣста, или изъ Натуральнаго своего склоненія, начинается въ другомъ мѣстѣ. Но какъ миліоны сихъ капель безпрестанно текутъ и замерзаютъ, и какъ великое множество ихъ отъ перемѣны своего склоненія получаютъ разные виды: то и изображаются разныя кристализаціи, которыя представляютъ безчисленные странной фигуры предметы. Въ разсужденіи жертвенниковъ, которые симъ именемъ называютъ Французы, они возвышаются въ видѣ винтовой линіи до верху грота. Крайнее возвышеніе оныхъ примѣтно, что когда нибудь было сломано; а когда уже капли перестали застывать на тупыхъ сихъ концахъ, то и стали походить на цвѣтную ка-

капусту. Большая часть оныхъ походитъ на Пирамиды, которыя какъ будто всѣ сдѣланы изъ кочней цвѣтной темноватой капусты. Противообразность сего великолѣпнаго вида, такъ какъ и цвѣтъ верхней части, придаетъ очень много красоты этому мѣсту. Когда художники совсѣмъ срисовали и сняли мѣру и пространство натуральнаго сего грота, и совсѣмъ окончили то, чего Г. Шуазель отъ нихъ требовалъ, тогда мы начали осматривать другіе углы въ пещерѣ, и еще нашли залу подъ тою, въ которой прежде были и притомъ нѣсколько закоулковъ, о которыхъ совсѣмъ и не думали. Во многихъ видныхъ мѣстахъ большой залы мы усмотрѣли многія вырѣзанныя имена. Мы изобразили также и наши имена помощію огня на камнѣ и на доскѣ, чтобъ отважные и терпѣливые люди могли ихъ читать, когда послѣ насъ въ этотъ гротъ сойдутъ. Наконецъ

нецъ мы стали выходить вонъ; но гораздо съ большимъ трудомъ, нежели съ какимъ туда сходили; потому что лѣстницы такъ не хорошо были сдѣланы, что нога моя вязла въ ихъ ступенькахъ, и я едва могла ее кое какъ вытаскивать. Не могу вамъ сказать того, какъ опять я выкарапкалась на верхъ. Признаюсь только, что весьма обрадовалась, когда увидѣла солнечное сіяніе. Вышедши изъ Пещеры, я очень удивилась, видя себя окруженную многими Греческими крестьянками, изъ которыхъ иная держала себя за голову, другая указывала на желудокъ, третія на руку, и вообще всѣ жаловались на худое свое здоровье, и прикасались съ благоговѣйнымъ почтеніемъ къ моему платью. Удивленіе мое скоро кончилось, когда я узнала, что женщина, сходившая въ этотъ гротъ, почиталась у нихъ превосходнѣйшимъ твореніемъ въ природѣ; почему онѣ и бы-

были твердо увѣрены, что я могла дѣлать чудеса и вылѣчивать разныя болѣзни. Я не знала, какъ бы мнѣ скорѣе высвободиться изъ ихъ рукъ; я дала имъ по немногу уксусу изъ моей скляночки; и онѣ меня оставили. Странное зрѣлище, какое только когда нибудь я видала, было то, что двадцать пять человѣкъ сошли въ гротъ, когда мы были уже въ немъ, изъ которыхъ многіе имѣли зажженные факелы. Но какъ одинъ только былъ канатъ, за которой можно было держаться въ нуждѣ, то я и не хотѣла, чтобъ со мною шло не болѣе пяти человѣкъ, а прочіе спускались бы тогда, когда увидятъ насъ внизу. Предосторожность эту я взяла для того, чтобъ канатъ вдругъ не оборвался отъ излишней тяжести. Такъ какъ надлежало поворачиваться нѣсколько разъ въ разныя стороны, чтобъ дойти до большой залы, и какъ много есть отвер-

стій

стій, то мы попеременно теряли изъ виду сихъ людей и блистающій свѣтъ ихъ факеловъ. Разливающееся сіяніе отъ Кристализаціи, зубчатые камни, сквозь которые мы могли видѣть людей, темную часть грота и горящіе факелы, которые ежеминутно освѣщали разныя мрачныя мѣста, представляли самую странную и такую удивительную картину, какую только можно себѣ вообразить. Безъ сомнѣнія, любезный Князь, много было предметовъ, которые другіе легко бы могли замѣтить, чего я, по моему незнанію, не могла сдѣлать; но въ замѣну слабаго моего описанія вы совершенно будете удовольствованы точнымъ изображеніемъ сего грота, которое доставитъ вамъ Г. Шуазель.

Онъ обѣщалъ мнѣ подарить двѣ книги своего сочиненія. Въ нихъ-то вы получите отъ его карандаша больше понятія о семъ любопытномъ произведеніи въ природѣ,

родѣ, нежели сколько можетъ описать мое перо. Чистосердечно признаюсь вамъ, что естьли бы самолюбіе не превозмогло моего страха, тобъ я никогда не имѣла столько отважности и терпѣнія, чтобъ самой измѣрять его глубину. Г. де Шуазель, когда мы съ нимъ вмѣстѣ располагали планъ моего путешествія въ Грецію, мнѣ сказалъ: „*Ни одна еще женщи-„на не сходила въ Антипаросскую „пещеру, даже мало и мущинъ, „желающихъ въ нее сойти; но вы, „Милади, вы, вы должны непре-„мѣнно въ нее сойти.*„ Обходя около двухъ или трехъ верстъ по узкому проходу пещеры, я совсѣмъ было задохлась отъ дыму горящихъ факелъ; потому что онъ съ трудомъ могъ выходить, и Атмосфера такъ была имъ наполнена, что я принуждена была садиться, или лучше сказать, ложиться на камни. Отъ такой крайности я совсѣмъ было хотѣла

тѣла вытти; но мнѣ было бы стыдно показаться отважному Посланнику, которой для того подвергалъ себя несчетному множеству опасностей, чтобы только видѣть драгоцѣнные остатки древности, естьли бы я возвратилась изъ сего путешествія, не видавъ Антипаросской пещеры. Это меня ободрило, и я смѣло сошла внизъ.

Мы ужинали очень пріятно на Тарлетонѣ, и разсматривали вещи, принесенныя нами изъ пещеры; но они были такъ кропки, что отъ одного почти дотрогиванія превращались въ пыль. Изъ нихъ нѣкоторыя, обвернувъ въ хлопчатую бумагу, я положила въ ящичекъ.

Плывучи сюда, мы проѣхали острова Сифанто, Милосъ, Аргентаріо, Св. Георгія, Арбора, и благополучно достигли Пирейскаго берега, гдѣ видны двѣ Тумбы, на которыхъ лежали два прекрасные

сные Льва, которые нынѣ служатъ удивленіемъ у воротъ Арсенала въ Венеціи.

Въ сихъ островахъ нѣтъ ничего достойнаго, для чего бы можно было на нихъ войти; и какъ они видны съ моря, то и кажутся обнаженными каменными скалами, или такими, какъ огнедышущія горы. Многіе изчезли, а другіе такъ были обезображены землетрясеніемъ, что жители совершенно ихъ оставили. Одинъ изъ нихъ я срисовала, что бы вамъ доставить объ нихъ совершенное понятіе.

Изъ Пиреи въ Аѳины земля возвышается постепенно. Самые прекраснѣйшіе предметы, какіе городъ сей представляетъ, находятся на лѣвой сторонѣ близь берегу. Это большой лѣсъ, или лучше сказать Оливковая роща, а пониже города, отдаленно стоящій прекрасный и великолѣпный храмъ Тезеевъ. Архитектура его проста,

но соразмѣрѣ великолѣпенѣ и пріятенѣ. Его можно почесть лучшимѣ монументомѣ, достигшимѣ до нашихѣ временѣ, которой принадлежалѣ древнимѣ и можетѣ быть свидѣтелемѣ ихѣ вкуса вѣ художествахѣ.

Сѣ принужденіемѣ оканчиваю моё письмо; потому что никогда не перестану говорить о удивительнѣйшемѣ семѣ зданіи, равно также не могу насладиться, смотря на него вѣ здѣшнемѣ мѣстѣ. Обѣ немѣ поговорю сѣ вами вѣ другомѣ письмѣ, присовокупя множество и другихѣ вещей. Прощайте, любезный братецѣ. Я есмь

Ваша усердная

Е. К.

---

## Письмо LV.

Минервинъ храмъ, находящійся въ Аѳинской цитадели, употребленъ Турками вмѣсто пороховаго анбара; въ немъ взорвало порохъ, и тѣмъ испортило самую лучшую скульптуру, которой естьли бы я могла достать хотя нѣсколько частей, то почла бы себя очень счастливою. Но увы! я не получу ни малѣйшаго обломка; потому что Посланникъ, торговавшійся цѣлой годъ для того, чтобъ перевести въ Константинополь нѣсколько вещей, которыя онъ выбралъ и которыя почиталъ уже своими, получилъ вмѣсто ихъ жестокой отказъ.

Коммендантъ сей крѣпости, хорошій Турецкой Офицеръ, принялъ насъ очень учтиво; онъ, узнавъ, что наши матросы приготовляли журавлей и другія подобныя машины для переносу на нашъ

фрегатъ кусковъ, опредѣленныхъ Г. Шуазелемъ, отвелъ къ сторонѣ Г. Трюге, Капитана, и просилъ его, чтобъ ничего не увозили съ собою; онъ увѣрялъ, что въ сералѣ кроются интриги, касающіяся до его отставки; а естьли они возьмутъ съ собою хотя самую безделицу, то сіе будетъ довольнымъ поводомъ для его непріятелей, чтобъ ему отрубили голову. Слова сіи какъ прискорбны ни были для Г. Трюге; но человѣколюбивыя его чувствованія не позволили ему настоять въ исполненіи даннаго имъ Посланнику обѣщанія. Мы возвратились къ Консулу, будучи оскорблены этою ужасною несправедливостію и невѣжествомъ Турокъ, которые подлинно не имѣютъ никакого понятія о драгоцѣнныхъ вещахъ, находящихся въ ихъ владѣніи, и во всякомъ случаѣ, по своей глупости къ сожалѣнію ихъ, истребляютъ. Такимъ - то

обра-

образомъ они наламали нѣсколько кусковъ изъ колоннъ, находящихся въ Тезеевомъ храмѣ, которые въ строеніи, какъ извѣстно, употребили на постройку фонтана. Вотъ какая участь совершенныхъ произведеній тѣхъ превосходныхъ художниковъ, какихъ только Греція въ самые счастливѣйшіе вѣка производила!

Цитадель построена на самомъ возвышенномъ мѣстѣ. Естьли бъ *Мудрость* была та первая добродѣтель, которую Аѳиняне болѣе прочихъ уважали; тобъ они не могли лучше найти выгоднѣйшаго мѣста для сооруженія ей храма, какъ на семъ возвышеніи, съ котораго бы она освѣщала всѣ ихъ дѣянія, управляемыя ею.

Губернаторовы дочери и Консулова сестра ласково меня приняли. Спустя нѣсколько времени, къ нимъ пріѣхала ихъ родственница, та молодая особа, которая,

 ка-

казалось, изнемогала отъ слабости; но знаки красоты оставались еще на прелестномъ ея лицѣ, и болѣзнь не совсѣмъ еще ихъ истребила. Все разсказали мнѣ подробно о несчастномъ ея состояніи и просили убѣдительно подать ей помощь. Когда я хотѣла ѣхать, то Губернаторъ и всѣ его дѣти почти со слезами стали меня упрашивать, чтобы я хотя что нибудь присовѣтовала чѣмъ пользоваться этой больной женщинѣ. Я велѣла ей пить сыворотку съ небольшимъ количествомъ кремортартара; я совершенно въ томъ была увѣрена, что это лекарство ей не сдѣлаетъ ни малаго вреда. Вы конечно смѣетесь, воображая и разбирая внимательно всѣ черты моего лица, и думаете, почему всѣ почитаютъ меня принятою въ Медицинское общество? Такъ знайте, это произошло отъ того, что Турки неотступно просятъ всякаго чужестранца о лекарствѣ. Я не буду

болѣе

болѣе описывать вамъ моихъ свиданій съ Турчанками; одѣжда, обычаи, пріемъ, вездѣ одинаковы. Разность состоитъ только въ платьѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, богатство которыхъ относится къ званію мужа.

Во многихъ другихъ сочиненіяхъ, вы найдете описаніе Минервина храма, прекраснаго маленькаго храма, называемаго Діогеновъ Фонарь, которой еще довольно хорошо сохраненъ, и описаніе храма вѣтровъ, внутренной видъ котораго совсѣмъ еще цѣлъ; но снаружи большая онаго половина завалена Аѳинскими руинами; потому что сей прекрасной городъ часто былъ раззоряемъ, и большая часть Монументовъ, въ немъ находящихся, погребены нынѣ вмѣстѣ съ художниками, славу которыхъ они бы должны были предать безсмертію. Изъ окошка моей спальни я вижу развалины пре-

красныхъ древнихъ вороть, — ихъ видна только одна половина, а на верхней части, которая очень попорчена, три большихъ журавля свили себѣ гнѣздо и живутъ съ своими птенцами. Калъ сихъ животныхъ и нечистыя ихъ гнѣзды суть достойные знаки печальной ѣдкости времени и несноснаго невѣжества Турокъ.

Малѣйшіе остатки колоннъ въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго, или лучше сказать, какъ думаютъ, въ древнемъ и славномъ Пантеонѣ, въ которомъ хранились статуи всѣхъ языческихъ боговъ, должны подать лучшее еще понятіе о неизмѣримой величинѣ сего зданія. Одинъ пустынникъ, которой конечно думалъ, что не довольно можетъ себя изнурить живучи съ прочими человѣками на земли, удалился на верхъ одного изъ сихъ высокихъ столбовъ; откуда онъ не слезалъ болѣе двадцати лѣтъ. Онъ давно уже умеръ;

но

но и это жилище конечно долженствовало быть для него довольно пространно. Столбы сіи велики и украшены прямыми выемками въ длину, и всѣ Коринѳскаго ордена. Двѣ причины, по моему мнѣнію, могли бы окончить наше удивленіе, когда мы смотримъ на сіи величайшія произведенія. Первая, что сей народъ имѣлъ очень много рабовъ, или илотовъ. И такъ весьма легко можно понять, что тѣ, кому они принадлежали, будучи принуждены ихъ кормить, также искали случаевъ ихъ употреблять въ работу. Вторая, что въ Паросѣ, и неподалеку отъ Аѳинъ, доставали самой лучшій и бѣлѣйшій мраморъ. А какъ воздухъ и земля препятствовали Аѳинянамъ разводить сады: то не естественно ли думать, что они принуждали этихъ невольниковъ копать землю, вырывать сей мраморъ, и его обработывать подъ присмотромъ Архитектора и

каменосѣчцевъ, которые дѣлали только украшенія, и что мы называемъ обработывали архитектурныя и скульптурныя вещи. Мы находимъ довольно достойнаго, чѣмъ поощрять можемъ нашихъ художниковъ къ украшенію нашихъ садовъ и звѣринцевъ деревами. Аѳиняне помощію ихъ не могли доставлять ни тѣни, ни дѣлать преспективъ. Сіе споспѣшествовало къ приведенію въ совершенство художества, доставляющаго имъ скамьи и гулянья, защищаемы будучи мраморными своими зданіями отъ знойнаго солнца, какъ для роскоши, такъ и по нуждѣ выдуманные предметы. Маленькой садъ, насажденный померанцовыми деревами, не имѣющій болѣе 20 футовъ квадрату, показывается въ Аѳинахъ за вещь, которая почитается удивительнѣе, нежели посвященной храмъ, Обелискъ, или награжденіе, полученное на Олимпійскихъ играхъ. Мы оставляемъ большее про-

пространство земли въ нашихъ звѣринцахъ, гдѣ сажаемъ вѣтвистыя деревья, а они бы соорудили тамъ монументъ. Довольно былобъ безчисленнаго множества такихъ памятниковъ и столбовъ, единственно опредѣленныхъ на воспоминаніе о самыхъ маловажныхъ произшествіяхъ, дабы совершенно увѣрить, что мраморъ былъ произведеніе ихъ земли, и что они не могли употреблять своихъ дарованій ни на какое другое художество, какъ на Скульптуру и Архитектуру; а чрезъ сіе упражненіе и привели сіи художества въ надлежащее совершенство, которому мы и нынѣ еще почитаемъ себѣ за славу подражать.

Есть записки путешествія въ Грецію Гильетера. Книга сія, которую вы конечно имѣете, содержитъ въ себѣ обстоятельное описаніе гавани; но львы и прочіе другіе предметы, о которыхъ онъ упоминаетъ, нынѣ болѣе уже не

существуютЪ, а рѣка ИлиссусЪ, на берегу которой такое множество ГероевЪ и МудрецовЪ прогуливалось, когда Меценаты во время мира поощряли и покровительствовали художества и знанія, которые труды другихЪ приводили вЪ совершенство; сія самая рѣка болѣе уже не протекаетЪ. Миліоны ручейковЪ, орошающихЪ Аѳинскіе сады, отвратили ея теченіе, и глаза любопытныхЪ тщетно будутЪ искать древнихЪ ея слѣдовЪ.

ПериклЪ построилЪ МинервинЪ храмЪ. Лѣпная работа на главномЪ входѣ вЪ Цитадель сдѣлана вЪ удивительномЪ совершенствѣ. Она представляетЪ женщину, держащую вЪ рукахЪ вожжи, и управляющую двумя быстрыми и огненными конями, которые такЪ искусно высѣчены изЪ мрамора, что, кажется, будто бы скачутЪ на дыбы и ржутЪ.

Что касается до БареліефовЪ Тезеева храма, видны безобразные

и изломанные остатки; они представляютъ сраженія сего Ироя съ Амазонками. Видны также еще остатки большей части Театра; и все то, на что я ни смотрѣла, произвело во мнѣ живѣйшее сожалѣніе о моей невозможности привесть такія прекрасныя вещи въ прежнее ихъ состояніе и возвратить имъ прежнюю ихъ цѣлость. Что касается до уединенныхъ комнатъ и Аркадовъ, сдѣланныхъ одни надъ другими, и по видимому принадлежавшихъ къ Театру, совсѣмъ почти не возможно сказать опредѣлительно какъ о ихъ извѣстности, такъ и о употребленіи. Я думаю, что сіе открытіе ничего любопытнѣйшаго не имѣетъ; но достойно бы было Императора, чтобы онъ возпользовался тѣмъ желаніемъ, какое изъявляетъ ему Порта, заставляя его собрать остатки Минервина храма, чтобъ сохранить ихъ для позднаго потомства, кото-

торое безъ сомнѣнія найдетъ въ нихъ прекрасные образцы для подражанія въ семъ художествѣ.

Меня зовутъ смотрѣть бани, и я принуждена окончить это письмо увѣреніемъ, какое чувствуетъ мое сердце къ вамъ, и я есмь

Вамъ преданная сестра

Е. К.

---

## Письмо LVI.

Здѣшнія бани кажутся мнѣ весьма способными къ излеченію всякихъ римашическихъ болѣзней. Страждущіе оными садятся въ теплыя воды. Я не понимаю, какъ женщины могутъ перенести ихъ теплоту. Гжа. Гаспари, Консулова жена и я вошли въ комнату, находящуюся передъ банею, въ которой женщины одѣваются и раздѣваются, сидя на доскахъ, какъ портные. Ихъ тогда было болѣе пятидесяти. Иныя изъ нихъ мыли

го-

голову, а другія чесали волосы, или плели ихъ. Многія оканчивали свой туалетъ и подчернивали черною краскою брови посредствомъ золотой булавки; однимъ словомъ: тамъ я видѣла женщинъ Турецкаго и Греческаго поколѣнія въ первородномъ своемъ видѣ и безъ малѣйшаго притворства; потому что дамы, сидѣвшія въ банѣ, были одѣты точно такъ, какъ представляется Ева прежде паденія въ Едемскомъ саду. Какъ скоро онѣ выходили изъ бани, то все тѣло ихъ было такъ красно, какъ обвареное. Этѣ бани для женщинъ самое лучшее увеселеніе. Въ нихъ онѣ обыкновенно бываютъ, естьли сложить вмѣстѣ время, которое онѣ проводятъ въ водѣ и за туалетомъ, часовъ по пяти и болѣе. Мнѣ кажется, что я нигдѣ и никогда не видала такъ много толстыхъ женщинъ, какъ здѣсь. Въ одѣваніи ихъ я много примѣтила искусства и кокетства; а особливо

во рубашка, застегнутая крючками между плечь, и подпоясанная лентами. Сверхъ ее надѣваютъ онѣ родъ корсета, какого я никогда еще не видывала; но онъ необходимо нуженъ для такихъ обрюзглыхъ женщинъ, каковы этѣ. Насъ очень усильно просили, чтобъ и мы также раздѣлись и мылись; но такой непріятный видъ сдѣлалъ бы во мнѣ такое отвращеніе къ моему полу, что я никогда не желала бы видѣть раздѣтую женщину въ банѣ. Изъ этихъ женщинъ было очень мало такихъ, которыя имѣли прекрасную кожу и нѣжное тѣло. Я стояла очень долго въ дверяхъ той комнаты, которая между банею и комнатою, гдѣ одѣваются. Зала бани круглая, въ ней сдѣланы ниши для женщинъ, которыя моются въ нихъ сидя. Это весьма прекрасная комната съ каменнымъ куполомъ, съ верьху котораго

свѣтъ

свѣтъ въ нее проходитъ такъ, какъ въ бельведеръ.

Ввечеру позвали ко мнѣ Аѳинскихъ дѣвушекъ плясать. Пляска ихъ самая древняя, и называется Аріядниныи танцы. Я никогда не видала ихъ глупѣе и смѣшнѣе. По моему примѣчанію я догадываюсь, что большая часть пантомимовъ въ сихъ танцахъ представляетъ отчаяніе Аріядны, когда она была оставлена вѣроломнымъ Тезеемъ. Женщина, которую конечно почитали лучшею танцовщицею, встала; и, держа въ рукѣ платокъ, тихо начала имъ махать по воздуху; другою же она взяла свою подругу за руку, а эта третію и такъ далѣе. Такимъ образомъ дѣлается цѣпь изъ шести, осьми, десяти, двенадцати, болѣе, или менѣе женщинъ; но до числа нѣтъ дѣла. Цѣпь этихъ женщинъ вертится кругомъ, и всѣ слѣдуютъ управленію той, у которой въ рукѣ платокъ. Она попу-

пила

пила глаза въ землю, и вся пляска ея состоитъ въ балансировании или приседании. Музыка, подъ которую онѣ танцуютъ, также единообразна, какъ и пляска, которая такъ какъ и глаза не оставляютъ никогда земли.

Маленькая Гречаночка, дѣвочка лѣтъ пяти, приемышъ Гжи. Ронь, сестры Французскаго Консула, съ ними также танцовала; по томъ она сѣла ко мнѣ на колѣни и уснула у меня на рукахъ. Она очень похожа на моего маленькаго Кеппеля. Невинныя ея ласки сдѣлали мнѣ болѣе удовольствия, нежели пляска Гречанокъ. Завтра отсюда я поѣду опять плавать по морямъ туда, гдѣ Турецкое невѣжество представляетъ нынѣ столь различныя зрѣлища съ Аѳинянами, съ симъ народомъ, столь по истиннѣ славящимся своими Героями и Мудрецами.

Кстати о Гомерѣ. Всѣ Греческiе острова утверждаютъ, будто бы онъ на нихъ умеръ, и ни одинъ изъ нихъ не престаетъ думать, что у нихъ содержится прахъ сего великаго Стихотворца, или что онъ по крайней мѣрѣ обиталъ на сихъ островахъ во время своей жизни.

Естьли бы тѣнь его мнѣ явилась, и сказала бы мнѣ настоящую правду о Греческомъ мечтанiи: я дала бы вамъ объ этомъ вѣрное извѣстiе. Теперь оканчиваю мое письмо сердечнымъ увѣренiемъ, что одно только чувствiе, въ которомъ я совершенно увѣрена, есть то, что я есмь съ отличнымъ почтенiемъ, привязанностiю и любовiю

Ваша усердная сестра

Е. К.

Ы Пись-

## Письмо LVII.

*Смирна, 27 Мая, 1786 года.*

Этотъ городъ кажется въ разсужденіи жителей многочисленнѣе всѣхъ тѣхъ, въ какихъ я только ни была. Несчетное множество купцовъ и хорошо выстроенныхъ домовъ, такъ какъ и безчисленное множество пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ кораблей, обнаруживаютъ безпечность и нерадѣніе Турокъ. Жена Французскаго Консула любезна, молода, пріятна и учтива. Здѣсь стоитъ на якорѣ прекрасный Французскій о 75 пушкахъ корабль, называемый Минерва; имъ командуетъ Г. де Лигондъ, Мальтискій Кавалеръ, весьма учтивой, пожилой человѣкъ, котораго почитаютъ близкимъ родственникомъ Лорду Гюнтингдону. Намъ было очень весело говорить о этомъ господинѣ, и щитаться роднею такого чело-

вѣка,

вѣка, котораго весь свѣтъ за честь почтетъ называть своимъ другомъ или родственникомъ. Съ нимъ было двадцать пять молодыхъ Французскихъ Офицеровъ, и тогда сдѣлалось весьма странное приключеніе. Я сидѣла и разговаривала съ Г. Лигондомъ; а другіе Французы между тѣмъ смѣялись съ Консуловою женою: какъ вдругъ вошелъ въ эту комнату, гдѣ мы сидѣли, маленькой человѣкъ, которой подошедъ ко мнѣ, сталъ такъ тихо мнѣ говорить, что я ничего не понимала и приняла его за Толмача, (которыхъ видѣла по утру, думаю, что около 12 человѣкъ); они приходили меня поздравлять съ пріѣздомъ. Видя, что я не понимала его словъ, онъ сталъ говорить громче, и сказалъ мнѣ по Аглински: Милади! узнавъ, что вы здѣсь, я не хотѣлъ отсюда уѣхать, не предложа вамъ услугъ, какія только состоятъ во всей моей возможности. На сіе учтивое пред-

ставленіе я отвѣчала ему, что весьма была ему благодарна. Выслушавъ меня, онъ поклонился и пошелъ домой. Все собраніе, которое совсѣмъ его не знало и не разумѣло его языка, долго смѣялось его отважности.

Послѣ того, я послала навѣдаться о семъ господинѣ, и узнала, что это былъ добродѣтельной Говардъ, посвятившій большую часть своей жизни на облегченіе страждущаго человѣчества. Я сказала ему, что располагаюсь возвратиться въ Царь-Градъ; а оттуда ѣхать въ Вѣну; и что ежели могу услужить ему чѣмъ нибудь въ разсужденіи его возвращенія: то одно слово его все рѣшитъ; однако онъ письменно меня увѣдомилъ, что заѣдетъ въ Венецію, въ томъ намѣреніи, чтобъ посѣтить всѣ лазареты и всѣ тюрьмы, находящіяся при морскихъ берегахъ.

Здѣсь нѣтъ другихъ остатковъ древности, кромѣ источника, названнаго Гомеровымъ. Одинъ, лежащій на землѣ подлѣ прозрачнаго ручейка разрушившійся столбъ, напоминаетъ, кажется, что здѣсь-то можетъ быть стоялъ храмъ, посвященный сему источнику, которой въ древности уповательно назывался именемъ какой нибудь Богини.

Я не хочу безпокоить васъ повѣствованіемъ о моемъ путешествіи въ Аѳины. Сильной ударъ вѣтра принудилъ насъ пробыть два дни въ портѣ Габрійскомъ, гдѣ я забавлялась, гуляя по берегу и осматривая одинъ Греческій монастырь. Островъ Андросъ и упомянутой портъ достопамятны въ Греческихъ лѣтописяхъ по необыкновенному требованію къ здачѣ, предложенному отъ Алцибіяда жителямъ, и по остроумному извиненію, какое они нашли способнымъ отклонить это требованіе.

Одно прекрасное деревцо, растущее на сихъ островахъ, есть лавровый шипокъ, которой теперь уже завялъ; но Греки воображаютъ себѣ, будто онъ издаетъ отъ себя вредной запахъ; почему не подходятъ и не дотрогиваются до него. Нечаянно я нашла новую пищу, которая можетъ быть очень полезною солдатамъ и матрозамъ. Мы тщетно искали плодовъ и зелени; но ничего не нашли, кромѣ великаго множества чертополоху. Я велѣла срѣзать самыя крупныя верхушки, которыя по моему предписанію сварили; и могу истинно сказать, что, отвѣдавъ ихъ, они показались намъ несравненно вкуснѣе настоящихъ артишоковъ. Предосторожность для нихъ слѣдующая: какъ скоро они срѣзаны будутъ, ихъ тотчасъ должно пріуготовлять; естьли же оставить до другаго дня, то сдѣлаются такъ крѣпки, что ихъ едва ли можно будетъ разварить и въ двѣнадцать часовъ. Г.

Г. Кавалеръ Лигондъ далъ мнѣ прекрасный обѣдъ на кораблѣ, называемомъ Минерва. Послѣ завтра я непремѣнно отсюда выѣду; и мы заѣдемъ въ Бурзу за Г. Шуазелемъ. Я надѣюсь, что время будетъ хорошо; потому что отъ сильной качки корабля устаю и занемогаю. Фрегатъ нашъ, можно сказать, что прекрасной по своимъ парусамъ, лишь бы только былъ хорошій вѣтеръ; но такъ какъ и всѣ нѣжныя вещи его не надобно много нагружать.

Я всегда, любезный братецъ, вамъ преданная сестра,

Е. К.

---

## Письмо LVIII.

*Терралія, 7 Іюня 1786 года.*

Изъ Мадагнанской гавани я пріѣхала въ Бурзу, гдѣ прожила ровно три недѣли, и нашла По-

сланника гораздо въ лучшемъ здоровьѣ, нежели въ какомъ мы его оставили. Мѣстоположенiе Бурзы прелестно. Она лежитъ въ долинѣ между двухъ горъ, и въ нынѣшнемъ состоянiи можно почесть его довольно знатнымъ городомъ. Воды въ немъ весьма теплыя. Подъ каждымъ почти домомъ сдѣланъ круглой водоемъ, которой умножаетъ теплоту въ воздухѣ. Здѣшнiй климатъ показался мнѣ несноснымъ, и Г. Шуазель выѣхалъ отсюда за день или за два прежде времени, имъ назначеннаго къ его отъѣзду, для того, что домъ очень беспокоенъ. Онъ очень смѣялся тому, что я сказала: *Ахъ, Боже мой! мы все здѣсь въ банѣ.* Къ величайшему моему удивленiю, я увидѣла тамъ . . . которой намѣренъ ѣхать сухимъ путемъ въ Египетъ. Онъ отправился въ полночь въ Смирну, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего прiѣзда . . . .

Изъ

Изъ Смирны въ Мадагнану я ѣхала весьма пріятнымъ образомъ. Въ то самое время, какъ Тарлетонъ входилъ въ заливъ, вѣтеръ совершенно перестaлъ дуть, и мы находились посреди многочисленнаго флота, которой составляли корабли разной величины и разныхъ націй, и съ нетерпѣливостію ожидали благопріятнаго южнаго вѣтра, чтобъ проѣхать Дарданеллы. Къ счастію нашему, мы не долго простояли на якорѣ. Попутный южный вѣтеръ началъ дуть въ наши парусы и легкой Тарлетонъ немедленно выпередилъ прочіе корабли, которые мы вскорѣ потеряли изъ виду. Ничто не могло быть пріятнѣе и живѣе сего зрѣлища. Я сказала Г. Шуазелю, что ни Аглинской, ни Французской фрегатъ, не можетъ быть лучше этаго судна для развозу писемъ, и что я всегда буду его благодарить за то, что онъ мнѣ его доставилъ. Вамъ пока-

жется конечно странно, что гора Олимпъ, съ которой виденъ городъ Бурза, всегда покрыта снѣгомъ. Это однакожъ правда. Но она не та славная гора Олимпъ, которая служила вмѣстилищемъ языческихъ боговъ. Конечно ее назвало симъ именемъ то селеніе, которое на ней было. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе и удобнѣе найти въ сей части свѣта многія такія мѣста, которыя имѣютъ тѣ же названія, какое и другія, находящіяся совсѣмъ въ противныхъ имъ климатахъ. Вы знаете, что жители, основавшіе свое пребываніе въ новопріобрѣтенныхъ странахъ, назвали ихъ: Франціею, Шотландіею и Англіею.

Мы не остановились въ Перѣ; но прямо подъѣхали къ Посланникову двору въ его лодкѣ, построенному на каналѣ, поставя на якорь Тарлетонъ въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ обыкновенно прежде сего стаивалъ. Этотъ домъ, по моему мнѣнію,

толь-

только одинъ во всей окружности Константинополя, въ которомъ чистъ воздухъ. Море безпрестанно разбиваетъ свои волны о его фундаментъ, и изъ моего окошка я видѣла при входѣ въ каналъ Черное море, гдѣ около десяти, или одинадцати часовъ утра обыкновенно подымается сѣверный холодноватый вѣтръ, которой продолжается до самаго вечера. Весьма удивительно смотрѣть, что передъ домомъ иные корабли плаваютъ по сѣверному, а другіе по южному вѣтру. Иначе этаго растолковать не можно, какъ не такъ, что берега составляютъ горизонтальную глубину, которая притягиваетъ съ моря множество воздуху, которой, умножая быстрое теченіе воды, совершенно ослабѣваетъ предъ Посланниковымъ домомъ. Весьма весело смотрѣть на лодки Турецкихъ рыбаковъ, которыя очень скоро плаваютъ помощію парусовъ, и которыя усильно

но стараются уклониться отъ быстроты, когда вѣтеръ дуетъ съ юга. Они принуждены опускать парусы и плыть на веслахъ, или останавливаться въ какомъ нибудь заливѣ на якорѣ, и стоять до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ, или ихъ силы позволятъ имъ далѣе продолжать свою дорогу.

Естьли бы что могло извинить привязанность Грековъ къ этой странѣ, въ которой они живутъ, подвергая опасности жизнь свою, то мѣстоположеніе этой земли есть главною сему причиною; но образъ ихъ жизни могъ бы превратить даже самой рай въ адъ. Здѣсь есть одинъ Грекъ, которой опасаясь, чтобъ Порта не узнала о его богатствѣ, объѣзжаетъ всякое утро свой домъ съ двадцатью человѣками верьховыхъ; онъ такъ гордъ, что не выѣдетъ въ публику безъ свиты. Другой прислалъ ко мнѣ человѣка просить меня очень учтиво, чтобъ я не гу-

гуляла по его саду; потому, какъ со мной всегда бываетъ какой нибудь чужестранной Министръ, то Порта легко можетъ подозрѣвать его въ заговорѣ противъ Имперіи, естьли увидятъ чужестранцевъ въ его домѣ. Посланный при томъ сказалъ мнѣ и сіе, что во все время, какъ я была въ саду съ моею компаніею, этотъ несчастной Грекъ спрятался въ самый уединенный кабинетъ, какой только есть въ его домѣ, опасаясь, чтобъ мы не пожелали изъ любопытства посмотрѣть его домъ. Садовникъ у этаго Греческаго Принца Французъ. Разсматривая садъ, сдѣланный по Европейски близь Посланникова дома, мы вошли въ него, потому что вороты были отперты. Когда Турки, или Греки имѣютъ такіе сады, то они въ нихъ гуляютъ и ѣдятъ салатъ. Плоды и другая зелень суть предметы ихъ роскоши, которая вообще имъ неизвѣстна.

Про-

Прощайте, любезнѣйшій и почтеннѣйшій братецъ, на нѣсколько времени. Это съ сердечною любовію пишетъ къ вамъ усерднѣйшая ваша

Е. К.

---

## Письмо LIX.

Я была въ Бѣлградскомъ лѣсу. Въ немъ находятся отлично величественные дубы; въ немъ по какому-то суевѣрію никогда ни одного изъ сихъ деревъ не срубаютъ; отъ чего большая часть ихъ пропадаетъ. Аглинскій и Голландскій Посланники построили тамъ свои домы. У каждаго я обѣщалась обѣдать. При наступленіи осени домы этѣ бываютъ пусты; потому что въ лѣсу есть озеро, изъ котораго выходятъ такіе нездоровые пары, что люди, живущіе въ сихъ окрестностяхъ, обыкновенно страждутъ жестокими

лихс-

лихорадками. Султанъ сдѣлалъ на берегу озера Кіоскъ, которой былъ бы довольно хорошъ, естьли бы его нѣсколько еще переправили.

Теперь начинается у насъ Рамазанъ. Это у Турокъ такой постъ, которой они наблюдаютъ весьма строго. Въ это время отъ самого восхожденія до захожденія солнца Турки ничего не ѣдятъ, и не пьютъ даже капли воды; но ввечеру всѣ лавки, въ которыхъ продаютъ съѣстные припасы, и кофейные домы бываютъ открыты и освѣщены множествомъ маленькихъ лампадъ; и какъ уже станетъ совсѣмъ темно, то катаясь въ лодкахъ вдоль по каналу, видимъ прелестнѣйшее зрѣлище. Террапія, Бюекдеръ и всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ живетъ много народу, вообще походятъ на воксалы; и естьли лодка подъѣдетъ ближе къ берегу, то изъ нее кажется, будто всѣ ужинаютъ. Отъ жареной рыбы, баранины

нины и прочихъ Турецкихъ кушаньевъ вездѣ разносится сильный запахъ. Почтенный старикъ съ большею сѣдою бородою первой Посланниковъ гребецъ. Тому уже сорокъ лѣтъ, какъ онъ находится въ услугахъ при Французскомъ дворѣ, и ревностно исполнялъ въ это время и исполняетъ самыя тяжелыя приказанія Г. Шуазеля. Мудрено однако подумать, чтобъ этотъ пожилой человѣкъ, естьли бы ему позволили, правилъ бы веслами нѣсколько часовъ въ самый жаркій день, не выпивъ капли воды для утоленія жажды. У Турокъ Рамазанъ, этотъ важной, продолжающійся шесть недѣль постъ, весьма ими почитается; и всякой Турокъ дѣлаетъ ли самую тяжкую работу, или нѣтъ, я сего не знаю; но всегда только строго его наблюдаютъ.

Что касается до кофею, которой иные почитаютъ очень хорошимъ въ Турціи, я увѣряю васъ, что

что естьли онъ сваренъ Турками, то это самое непріятное питье, какое только можно себѣ представить. Они варятъ его очень жидко, и пьютъ съ гущею безъ сахару. Кофе Мокской здѣсь рѣдокъ; потому что его не такъ много привозятъ въ Константинополь, чтобъ довольно было для употребленія Сераля; а чего недостаетъ, то вознаграждаетъ Франція, которая производитъ имъ изрядную торговлю, получая его изъ своихъ владѣній, находящихся въ Америкѣ. Вы легко можете этому повѣрить, когда я скажу вамъ, что на всѣхъ большихъ дорогахъ, куда ни пойдешъ, вездѣ продается это питье подъ тѣнію деревъ, или въ палаткахъ, и идущіе мимо ихъ Турки, или прогуливающіеся по этимъ мѣстамъ, всегда у нихъ останавливаются и пьютъ по нѣскольку чашекъ. Правда, хотя этѣ чашки и не больше яишной скорлупы; но естьли положить, что

всякой путешествующій Турокъ; или ѣдущій въ гости, выпьетъ его двадцать четыре чашки въ день: то расходъ долженъ быть очень великъ.

Г. Булгаковъ сдѣлалъ для меня прекрасный балъ въ своемъ домѣ въ Бюйкдерѣ. Садъ этаго Посланника довольно великъ; и изъ него весьма можно сдѣлать небольшой звѣринецъ. Въ этомъ саду я видѣла дерево, котораго листья очень похожи и одинакого свойства съ растѣніемъ, называемымъ Не тронь меня. Естьли ихъ тронешь: то они сожмутся во внутрь и закроются. У Г. Герберта, Императорскаго Посланника, въ Бюйкдерѣ есть также прекрасный домикъ съ хорошимъ садомъ. Не слыхали ли вы когда нибудь въ Парижѣ о Туркѣ, называемомъ Исакъ-бей, которой тамъ очень долго жилъ. Г. Шуазель привелъ его ко мнѣ на прошедшей недѣлѣ. Посланникъ

во-

вошелЪ ко мнѣ вЪ комнату сЪ этимЪ ИсакомЪ. ОнЪ человѣкЪ веселой, изрядный собою; посидѣвЪ нѣсколько времени, упалЪ кЪ моимЪ ногамЪ, поцѣловалЪ подолЪ моего платья, и положилЪ передо мною прекрасный шитый кисейный платокЪ вмѣсто подарка. ЭтотЪ ТурокЪ былЪ вЪ Петербургѣ и Лондонѣ; онЪ не можетЪ терпѣть послѣдняго сего города, потому что онЪ не могЪ ходить по улицамЪ отЪ того, что простой народЪ называлЪ его *собака, Французской ТурокЪ.* ОнЪ говоритЪ, что никогда не поѣдетЪ вЪ ЛондонЪ; а ПарижЪ, рай. — ВотЪ какихЪ онЪ мыслей о Парижѣ; и опять намѣренЪ туда ѣхать. Вы можете себѣ представить, сколько сильно плѣнили его вЪ операхЪ Сирены, какЪ на театрѣ, такЪ и внѣ онаго. ОнЪ меня очень развеселилЪ. ТурокЪ остался обѣдать у Посланника, разговаривалЪ сЪ нами

ми очень вольно, какъ только могъ изъясняться по Французски.

Прощайте, любезный Князь, и вѣрьте, что я есмь искренно вамъ преданная,

Е. К.

---

## Письмо LX.

*Терралія, 21 Іюня 1786 года.*

Конечно, я не поѣду назадъ чрезъ Землинъ и Бѣлградъ; потому что мнѣ сказали, что шайка, состоящая изъ четырехъ сотъ разбойниковъ, разъѣзжаетъ по этой сторонѣ; а чтобъ мнѣ проѣхать въ совершенной безопасности отъ этихъ злодѣевъ чрезъ сіи мѣста, не нужно ли имѣть нѣсколькихъ провожатыхъ? Я смотрѣла на Географическія карты и совѣтывалась съ самыми искусными путешественниками, какіе только здѣсь находятся; всѣ мнѣ присовѣ-

совѣтовали лучше ѣхать опять въ Вѣну чрезъ Булгарію, Валахію и Трансильванію съ несомнѣнною безопасностію, имѣя съ собою фирманъ, или паспортъ, данной отъ Порты. Тому уже дни два, какъ мнѣ сіе сказали въ присутствіи того коварнаго человѣка, которой стращалъ меня, будто въ Греціи свирѣпствуетъ чума; онъ снова и съ большею убѣдительностію началъ меня увѣрять, что я подвергалась большимъ опасностямъ въ этой новой дорогѣ, нежели въ прежней; потому что на всякой милѣ попадаются головы, воткнутыя на шесты; а это отъ того, что вся страна наполнена разбойниками. Я ни за что на свѣтѣ не хотѣла подать ему оскорбительныя мысли своимъ подозрѣніемъ, что ни одному его слову не вѣрила, и веселюсь его надеждою, будто бы онъ меня очень испугалъ. . . . .

Мнѣ здѣсь очень весело смотрѣть на прогуливающихся въ лодкахъ Грековъ; они останавливаются слушать Посланниковыхъ музыкантовъ, которые играютъ всякой вечеръ. Этѣ музыканты всѣ Нѣмцы, присланные Г* Шуазелю изъ Вѣны, и самые лучшіе Симфонисты, какихъ только я слыхала. Они всегда играютъ очень прекрасно и нѣжно піесы Италіанской и Нѣмецкой композиціи. Когда Греки плаваютъ по водѣ, то всегда съ собою берутъ лиру, скрипку, одну или двѣ цитры, и сими-то инструментами производятъ ужасный шумъ. Естьли же когда они поютъ, то очень несогласно. Иногда останавливаются подъ окошками, и слушаютъ, какъ играютъ на кларнетѣ. Помолчавъ нѣсколько минутъ и покачавъ головою, снова начинаютъ отвратительный свой крикъ, и изо всей мочи ударивъ въ весла, удаляются тотчасъ отъ музыки, которую

рую почитаютЪ хуже своей. Слуги часто спрашиваютЪ ихЪ: нравится ли имЪ музыка ихЪ господина? Они всѣ единогласно отвѣчаютЪ, что она непріятна для ушей. Это очень запутываетЪ мысли мои о гармоніи; потому что я всегда представляю вЪ моемЪ разумѣ то, что природа такЪ хорошо основала оной правила, что всякой человѣкЪ, одаренный нѣжнымЪ, чувствительнымЪ ухомЪ, можетЪ сочинить во всемЪ гармоническомЪ совершенствѣ арію, не зная правилЪ сочиненія вЪ музыкѣ, и даже ни одной ноты. КакЪ же Греки не чувствуютЪ, что они производятЪ какЪ играніемЪ на инструментахЪ, такЪ и своимЪ пѣніемЪ, разногласіе? Признаюсь, это для меня мудреная загадка.

Я желала бы, чтобЪ вмѣсто нашихЪ смѣшныхЪ и ничего незначущихЪ поклоновЪ, которые едва ли когда дѣлаютЪ непринуж-

 ден-

денно, мы ввели бы въ обычай Саламалекъ, или Турецкое привѣтствіе. Турокъ кладетъ правую руку на свою грудь и не много наклоняется впередъ. Признаюсь вамъ, что этотъ образъ кланяться, естьли онъ сопровождаемъ пріятною улыбкою, или почтительнымъ взглядомъ, мнѣ кажется гораздо лучше всѣхъ нашихъ поздравленіевъ bonjour и how d'ye d'os (1), которыхъ бы я отъ добраго сердца не велѣла говорить половинѣ изъ моихъ знакомыхъ.

Съ великою радостію ожидаю того времени, въ которое буду имѣть удовольствіе находиться ближе Франконіи. Тамъ-то надѣюсь васъ увидѣть; тамъ-то разскажу вамъ многія странности, ко-

(1) Аглинскія слова, означающія: все ли вы въ добромъ здоровьѣ? и которыя Агличане говорятъ, когда кого увидятъ, вмѣсто здравствуй, которое мы обыкновенно говоримъ.

которыя не довѣряю бумагѣ. Признаюсь вамъ, что мнѣ очень прискорбно будетъ оставить Г. Шуазеля, а особливо для того, что я не увѣрена, найду ли какой нибудь случай, чтобъ возблагодарить его хотя нѣсколько за всѣ оказанныя имъ мнѣ учтивости и снисхожденіе? Этотъ человѣкъ одаренъ превосходными и чрезвычайными дарованіями. Пріятность его не смѣшена съ тщеславіемъ, что самое очень примѣтно во всѣхъ почти поступкахъ Французовъ.

Мнѣ весьмабъ пріятно было, чтобъ онъ имѣлъ честь быть съ вами знакомъ; потому я совершенно увѣрена, что вы полюбили бы его за добрыя его качества; такъ равно не сомнѣваюсь и въ томъ, что не знавши его, вы его почитаете за братскія безпокойства, которыя онъ, изъ уваженія ко мнѣ, на себя принималъ.

Ничѣмъ болѣе не могу сдѣлать вамъ сильнѣйшаго доказательства въ томъ, сколько я вѣрю искренности вашего ко мнѣ дружества, какъ сердечнымъ желанiемъ, чтобъ вы почли своимъ другомъ того, которой для меня столь свято всегда исполнялъ всѣ должности, налагаемыя этимъ священнымъ именемъ.

Я всегда къ вамъ непремѣнна, т. е. всегда съ нѣжнѣйшимъ усердiемъ вамъ преданная,

Е. К.

---

## Письмо LXI.

Г. Шуазель и Императорскiй Посланникъ не шутя увѣрили меня, что не отпустятъ меня отсюда ѣхать безъ Чоадаря. Чоадарь, такъ называется одинъ изъ первыхъ служителей, или лучше сказать любимецъ Турецкаго Министра. Они просили для меня одного; но какъ этихъ людей посылаютъ только ино-

иногда съ Артиллерійскими, или Инженерными Французскими Офицерами, когда строятъ какую нибудь крѣпость, или дѣлаютъ батарею, а никогда не посылаютъ провожать путешествующихъ: то Верховная Порта весьма удивилась этой прозьбѣ. Цѣлые пять дней искали въ реестрѣ, нѣтъ ли какого примѣра, чтобъ Чоадарь когда нибудь провожалъ путешественника. И какъ этаго не нашли, то оба мои пріятели получили въ отвѣтъ, что въ лѣтописяхъ государства нѣтъ ничего похожаго на ихъ прозьбу, а они на это отвѣчали: что имъ до того нѣтъ нужды, и неотступно требовали, чтобъ мнѣ непремѣнно дали въ провожатые Чаодаря. Визирь сколько ни удивлялся этому смѣлому требованію; однако принужденъ былъ опредѣлить одного, и сперва послалъ его въ Террапію, посмотрѣть, стоила ли я труда, которой онъ дол-

долженъ былъ для меня принимать на себя.

Вы подумаете, любезный Князь, что посланной имѣлъ приказаніе освѣдомиться о моемъ родствѣ, достоинствѣ, или о другихъ такого же рода обстоятельствахъ, напротивъ того ему приказано было осмотрѣть, хороша ли я собою. Вчера передъ обѣдомъ Г. Шуазель прислалъ звать меня къ себѣ въ гостиную. Какъ я вошла; то и увидѣла сидящаго на софѣ блѣднаго Турка. Г. Шуазель сказалъ мнѣ, что это тотъ самой Чоадарь, которой поѣдетъ меня провожать. Я ему поклонилась; и когда онъ довольно на меня насмотрѣлся, то и поѣхалъ. Г. Гербертъ, сказалъ мнѣ послѣ, что этотъ человѣкъ такъ много насказалъ обо мнѣ похвалъ, что Визирь сказалъ послѣ всѣхъ пріятныхъ отзывовъ, которые ему обо мнѣ сдѣлали, что онъ не могъ для ме-

меня довольно сдѣлать. Я наняла двѣ Греческія лодки съ матросами этой же націи, которые употребятъ весла, естьли вѣтеръ будетъ противной; и я могу остановиться въ Турецкомъ городѣ Варнѣ, находящемся на берегу Чернаго моря въ Ромеліи. Тамъ найму лошадей, чтобъ проѣхать чрезъ Булгарію и возвращусь въ Селистрію, гдѣ получу все, чего ни пожелаю, отъ Валохскаго Господаря, котораго владѣніе простирается до сего города.

Сказываютъ, что Варна то самое мѣсто, куда Овидій былъ сосланъ. Это можетъ быть и вѣроятно, но онъ большую часть своей ссылки прожилъ въ Молдавіи. Ему-то одолжено своею славою то озеро, на берегу котораго онъ часто гулялъ. — Кротость и пріятность его нрава, и нѣжные тоны его голоса остались въ незабвенной памяти у всего потомства, населяющаго нынѣ Молдавію.

Я купила Нѣмецкую карету, и Посланниковъ обойщикъ въ ней сдѣлалъ для меня очень изрядно небольшую постелю. Г. Шуазель и всѣ его друзья очень были усердны къ изобрѣтенію всего того, что только могло служить къ облегченію и удовольствію моего путешествія. У меня есть прекрасный раскрашенный планъ Константинополя и канала, искусно сдѣланный его дворецкимъ, называемымъ Кауферъ, который также его и Инженеръ. Г. Шуазель подарилъ мнѣ бутылку розовой эссенціи, а нѣкто, Г. Бринтано, прекраснѣйшій Турецкій вѣеръ, сдѣланный и разрисованный для меня въ Константинополѣ. Вскорѣ надѣюсь имѣть удовольствіе дать вамъ о себѣ извѣстія, и вы можете быть увѣрены, что я конечно не премину къ вамъ писать тогда, какъ только найду случай переслать мое письмо.

Со мною поѣдетъ переводчикъ, а отрядъ Янычаръ провожать меня будетъ въ дорогѣ такъ далеко, какъ мнѣ заблаго разсудится, или сколько нужно будетъ. Въ последній разъ прощаюсь съ вами изъ сего мѣста, гдѣ природа представляетъ столь прекрасные и превосходные виды, что они сдѣлаютъ меня равнодушною и невнимательною тогда, когда я увижу послѣ всѣ другіе Ландшафты.

Прощайте, любезный Князь, до будущаго случая, при которомъ нетерпѣливо желаю возобновить увѣреніе въ искреннѣйшемъ моемъ почтеніи и усердіи, соединенномъ съ благодарностію. Этѣ чувствія всегда къ вамъ имѣетъ

Е. К.

---

Пись-

## Письмо LXII.

*Варна, Іюля 8 дня, 1789 года.*

Возпользовавшись отъѣздомъ Греческихъ моихъ матрозовъ пишу къ вамъ и къ моимъ друзьямъ въ Константинополь. Въ прошедшій понедѣльникъ, 3 Іюля, я выѣхала около 6 часа въ лодкѣ Г. Шуазеля, въ которой онъ самъ провожалъ меня вмѣстѣ съ Г. Легокъ, которой весьма любезный и умный человѣкъ и Секретарь Посольства, и съ добрымъ Трюгетомъ. Я простилась съ ними при устьѣ канала и сѣла въ самую большую Греческую лодку, которую я наняла. Вѣтеръ, когда дуетъ непрестанно отъ сѣвера, то дѣлаетъ мореплаваніе по Ромельскому берегу весьма скучнымъ. Небреженіе и страхъ Греческихъ матрозовъ умножали еще болѣе мое неудовольствіе; потому что вмѣсто того, чтобъ объ-

ѣхать

ѣхать мысъ Кара-Бюронъ, они пролежали цѣлую ночь въ Дрейфѣ, на другой день по моемъ отъѣздѣ, я переѣхала только тридцать Турецкихъ миль. Кара-Бюронъ есть каменная гора, находящаяся противъ залива этаго же имени, на которомъ Турки строютъ нынѣ крѣпость.

Нѣтъ ничего безопаснѣе и пріятнѣе, какъ плыть такимъ образомъ подлѣ берега. Ромельскіе берега наполнены прелестнѣйшими заливами и прекраснѣйшими гаванями, въ которыхъ въ случаѣ какой нибудь опасности, примѣченной со стороны Чернаго моря, можно стать на якорь. Для этихъ-то причинъ я стояла въ Агатопольскомъ, Міолькскомъ и Вазиликскомъ заливахъ; а вчера проѣхала болѣе 75 миль въ шесть часовъ; но естьлибъ я не посердилась довольно на Греческихъ моихъ матросовъ, тобъ они гораздо долѣе замедлили въ моемъ плаваніи. Я увѣрена, что изъ Кон-

стантинополя въ Варну очень можно доѣхать въ два дни; но не надобно имѣть чести быть сопровождаемой Чоадаремъ; потому мнѣ кажется, что мои проводники меня задержатъ и причинятъ мнѣ всякія безпокойства, которыхъ его присутствіе ни мало не вознаградитъ. Какъ Турки и Греки очень знаютъ важность этаго Чоадаря, то и стараются скорѣе и болѣе исправлять его нужды, нежели мои. Первое приключеніе, по которому я это примѣтила, очень меня развеселило. На другой день послѣ нашего отъѣзда изъ Константинополя, мы остановились на якорѣ въ маленькомъ заливѣ, чтобъ позавтракать. Я велѣла своему камердинеру принести горячей воды на шоколадъ. Онъ не могъ найти чайника, которой поставилъ на огонь, а потому и сдѣлалъ великой шумъ, какъ вдругъ переводчикъ указалъ ему на плоской камень, на которомъ мой

Чоа-

Чоадарь сидѣлъ на коврѣ, и, куря трубку, пилъ кофе, сдѣланный изъ той воды, которую люди мои приготовили для меня. Не воображайте себѣ, чтобъ онъ когда нибудь спрашивалъ: не имѣю ли я въ чемъ нужды? Естьли бы попались намъ какіе нибудь путешествующіе, то конечнобъ они почли его за большаго господина, а меня за женщину, составляющую его свиту, судя по услугамъ и уваженію, которое къ нему имѣютъ, и по совершенному хладнокровію, которое всѣ, кромѣ моихъ товарищей и моихъ слугъ, мнѣ оказываютъ. Что касается до меня, я спрашивала его иногда о мѣстахъ, которыя мы проѣзжали; но на все получала отъ него короткіе отвѣты. Наконецъ я почла за нужное показать ему Аглинскіе маленькіе и очень хорошіе пистолеты, которые всегда у меня бываютъ на поясѣ, и съ увѣритель-

 нымъ

нымЪ видомЪ сказала ему, что конечно употреблю ихЪ тогда, естьли получу какую нибудь обиду. Когда переводчикЪ пересказалЪ ему мои слова, то я не могла удержаться, чтобЪ не назвать моего Чоадаря по Аглински глупымЪ и несноснымЪ Туркою, что онЪ принялЪ за похвалу, сталЪ меня благодарить и тихо кивнулЪ головою. КакЪ я сюда пріѣхала, онЪ привелЪ меня вЪ очень дурной Греческой домЪ, которой совершенно походилЪ на хлѣвЪ, и говорилЪ, что это лучшій домЪ, какой только онЪ могЪ найти для шести человѣкЪ; но какЪ я ему сказала, что пошлю кЪ Губернатору, то и провели меня вЪ другой домЪ, вЪ которомЪ мнѣ отвели пристойную комнату, состоящую изЪ долгой галлереи, смежную сЪ другими многими комнатами, которыя всѣ выдались вЪ гавань. Я скоро примѣтила,

что

что Чоадарь мой расположился въ той комнатѣ на коврѣ, съ своею трубкою, кофеемъ, съ своими матрицами и дорожными пистолетами. За его учтивость сперва я поблагодарила было его по Аглински, а по томъ приказала переводчику ему сказать, чтобъ онъ изволилъ отправиться на ту самую площадку, которую онъ мнѣ сперва было приготовилъ. Губернаторъ прислалъ спросить меня: не угодно ли мнѣ приказать, чтобъ поставленъ былъ отрядъ Янычаръ для охраненія моего дому; но я почитала себя совершенно безопасною, находясь посреди двухъ дворовъ. Однакожъ, къ величайшему моему удивленію, ввечеру я услышала ужасный шумъ. Старой Грекъ, у котораго я жила, переводчикъ и всѣ мои слуги вбѣжали въ комнату съ боязливыми лицами, и сказали мнѣ, что Турки насильно ворвались въ ворота, и вездѣ ищутъ меня. Я тогда сидѣла противъ дверей на

 ба-

баулѣ (*) съ моею служанкою. Лишь только я выслушала эти слова, какъ вдругъ увидѣла въ дверяхъ болѣе пятидесяти головъ въ чалмахъ, которыя жадными глазами чего-то искали. *Чего они хотятъ?* сказала моя дѣвушка; потому что они не насъ ищутъ. Мнѣ кажется, я къ вамъ писала, что у моей дѣвушки была маленькая прекрасная собачка молошнаго цвѣту. Это маленькое животное, которое они видѣли въ то время, какъ дѣвка моя несла его по улицѣ въ рукахъ, родило въ Туркахъ любопытство; двѣ, или три толпы этихъ господъ, какъ мнѣ тогда же сказали, нетерпѣливо желали войти ко мнѣ въ домъ, чтобъ ее хорошенько разсмотрѣть. Послѣдняя толпа, смѣлѣе первыхъ, ворвалась въ двери. Маленькая собачка, отъ природы трусливая, какъ и

мои

(*) Родъ сундука, у котораго крышка сводомъ (пр. Рус. пер.)

мои люди, (я по тому ихъ такъ назвала, чтобъ обнаружить ужасную ихъ трусость) услышавъ шумъ, спряталась подъ юбку своей госпожи; но одинъ изъ Турокъ взявъ ее за руку, принудилъ встать, и они увидѣли собачку. Турки отъ чрезмѣрной радости всѣ закричали дикимъ голосомъ, указывая на этаго звѣрка, который, какъ я болѣе и не могла уже сумнѣваться, былъ тотъ самой предметъ, произведшій въ нихъ отважность войти ко мнѣ. Но когда мнѣ показалось, что они довольно на нее насмотрѣлись, я вышла изъ терпѣнія и махнула Туркамъ, чтобъ они шли вонъ, что тотъ же часъ они и исполнили. По этому и другимъ случаямъ я нахожу Турецкую чернь очень учтивою; потому что тогда ни одинъ изъ нихъ не переступилъ черезъ порогъ.

Многіе думаютъ, что сей берегъ населяютъ дикіе Турки,

 ко-

которые живутъ хищничествомъ и грабежемъ, и будто не покорены подъ власть Порты; но это совсѣмъ несправедливо. Греки и Армяне весьма тихіе люди, живутъ здѣсь очень видно въ хорошо построенныхъ домахъ; разводятъ виноградъ и обработываютъ поля, но очень мало. За 18 миль къ западу отъ Варны находится мѣстечко, называемое Шумна, которое извѣстно по тому, что въ первую съ Рускими войну 34000 Турокъ спрятались въ ономъ, когда 12000 Руских подъ предводительствомъ Графа Румянцова переправились чрезъ Дунай, чтобы ихъ атаковать.

Греческіе мои матросы ѣдятъ дорогою одну только сушеную рыбу. Это самая прекраснѣйшая и вкусная рыба, какую только я ѣдала. Въ каналѣ я часто видала воткнутые колья, связанные веревкою одинъ съ другимъ. Подъ этими-то плетнями рыбаки ловятъ

вятѣ рыбу, которую выпотрошивѣ, вѣшаютѣ на солнце. Нѣтѣ ничего, кажется, этого суше и не похожѣе на рыбу; но я васѣ увѣряю, что это такѣ хорошо и такѣ вкусно, что лучше всякой соленой рыбы, какую только я ѣдала.

Завтра вѣ три часа поутру я поѣду отсюда. Для моихѣ людей и моихѣ пожитковѣ я наняла Арабаты. Губернаторѣ для моей безопасности долженѣ мнѣ дать Янычарѣ и лошадей. Судьба, надѣюсь, проведетѣ меня благополучно по этой землѣ, гдѣ, признаюсь, начинаю нѣсколько думать, такѣ какѣ и слуга Графа де * * * которой просилѣ своего господина, чтобѣ на послѣдней почтѣ выѣзжая изѣ Оттоманской Имперіи, ему позволили убить только одного или двухѣ Турокѣ. Кстати о этомѣ слугѣ. Онѣ имѣлѣ честь

вамъ служить, и вы такъ его передѣлали на Аглинской вкусъ, что когда я его увидѣла, твердо стояла въ томъ, что онъ настоящій Агличанинъ; но онъ увѣрялъ меня, что родился вашимъ слугою. Надѣюсь, что вы не подумаете, будтобы я желала сдѣлать смертоубійство; но признательно скажу, что изъ всѣхъ животныхъ о двухъ ногахъ, какихъ я только видала, Турокъ былъ бы однимъ изъ нихъ, котораго бы я скорѣе всѣхъ убила. Большая часть женщинъ устрашились бы этого путешествія, которое я предпринимаю; но мнѣ пора выѣхать изъ земли правовѣрныхъ, потому что я очень долго у нихъ зажилась. И такъ я поѣду по этой дорогѣ съ радостію отъ всего сердца. Естьли бы мой Чоадарь зналъ все, что я ни говорила ему по Аглински, а особливо, что хочу присматривать за его дѣйствіями, то навѣрно

онъ

онЪ не сдѣлалЪ бы такого прекраснаго обо мнѣ описанія своему господину. — Прощайте.

Е. К.

---

## Письмо LXIII.

*Силистрія, 13 Іюля, 1786 года.*

Я пріѣхала сюда, кЪ досадѣ лукаваго моего Чоадаря, вЪ величайшей безопасности и очень весело. ОнЪ вѣроятно имѣлЪ приказаніе меня испужать, чтобы принудить меня просить на Варнскаго Губернатора. Вообразите себѣ, любезный Князь, чрезвычайное удивленіе, которое поразило меня третьяго дни вЪ 6 часовЪ вечера: ѣдучи по самой дикой и пустой землѣ, какую только представить себѣ можно, и провожаема будучи цѣлой день Янычарами, нечаянно я увидѣла, что всѣ поскакали изо всей мочи назадЪ, и оставили меня одну вЪ такое время и вЪ такомЪ мѣстѣ,

гдѣ

гдѣ при наступленіи ночи они весьма были для меня нужны. Я спросила моего Чоадаря, за чѣмъ провожатые отъ меня уѣхали? Онъ, пожавъ плечами, отвѣчалъ мнѣ: что онъ думаетъ, что они исполнили Губернаторово приказаніе. Какъ бы то ни было, я вышла отдохнуть подлѣ забора, у котораго остановился также въ тотъ самой вечеръ и купеческой караванъ, и ничего не примѣтила, что бы могло причинить мнѣ малѣйшее безпокойство. Поутру отправляясь изъ Варны, я услышала, что лѣнивый мой Чоадарь ѣхалъ только одинъ въ Арабатѣ, и не позволялъ людямъ моимъ положить въ него даже самой малой вещи. Я велѣла толмачу сказать ему: что естьли бы я знала его намѣреніе, то наняла бы себѣ и моимъ людямъ верьховыхъ лошадей, и сама стала бы провожать его въ Арабатѣ. Кучера остановились вчера на лугу, что они дѣлаютъ

каж-

каждыя 10 минутъ. Вдругъ я услышала между ими большую ссору. Я спросила у переводчика, какая тому была причина? Мнѣ сказали, будто одинъ изъ кучеровъ намѣренъ возвратиться въ Варну, съ тремя своими лошадьми. Подлецъ, мой Чоадаръ, сидѣлъ важно на своемъ коврѣ, курилъ трубку, и не хотѣлъ употребить въ семъ случаѣ своей власти. Я дала ему знать чрезъ переводчика, чтобъ онъ, какъ ихъ начальникъ, прекратилъ ссору; но этотъ нечувствительной Турокъ, пробормотавъ нѣсколько Ишъ-Алла (ish allas), (*) сказалъ мнѣ, что кучера дѣлаютъ то, что имъ приказано въ Варнѣ отъ Губернатора. По этимъ глупостямъ

(*) Ишъ-Алла есть такое выраженіе, которое Турки употребляютъ вмѣсто отвѣта, когда не хотятъ явно показать неудовольствія, не отвѣчая прямо на самые простые вопросы. — Сіи слова почти тоже значатъ, что можетъ быть, или есть ли Богу угодно.

стямъ я поняла ясно, что эшѣ поступки, оказываемые Чоадаремъ въ моемъ путешествіи, ничто иное были, какъ пустая хитрость, подать мнѣ поводъ жаловаться на Губернатора. Тотчасъ я рѣшилась прекратить подлыя эшѣ придирки, и увѣрительно сказала моему Туркѣ, что всѣ его коварства мнѣ извѣстны, и что естьли онъ не велитъ сей же часъ опять запрягать лошадей въ карету и везти меня до Силистріи: то не премину подробно описать всѣ его подлыя намѣренія, касающіяся до меня и до Губернатора Французскому Посланнику и Императорскому Министру, и увѣряла его, что конечно не Варнскаго Губернатора, а его самого жестоко накажутъ за причиняемыя имъ препятствія въ моемъ путешествіи. Чоадарь, какъ скоро понялъ, что ничѣмъ не могъ меня обмануть и устрашить, то поговорилъ съ проводниками, велѣлъ запрягать лошадей, и чрезъ нѣсколько минутъ опять

благо-

благополучно пустились мы далѣе въ дорогу.

Булгарія мало обработана, и когда я смотрѣла на Турка, пахавшаго землю, я примѣтила, что онъ имѣлъ при себѣ ружье, саблю и пистолеты; а иногда одинъ или два Янычара оберегали земледѣльца, занимающагося своею работою. Лѣсъ, сквозь который я проѣзжала, такъ непроходимъ, что карета моя вся изцарапана сучками и кустарниками. Всѣ этѣ обстоятельства, соединивъ съ другими безпокойствами, могли бы заставить трепетать всякую молодую прекрасную женщину; но вы знаете, любезный Князь, что всѣ этѣ трудности и препятствія еще болѣе умножаютъ мое мужество; и моя сопутница въ странствованіи, самая лучшая путешественница, какую я когда нибудь знавала, естьли она чувствовала страхъ, то такъ искусно его скрывала, что

даже

даже я не могла примѣтить, и вмѣсто того, чтобъ намъ опасаться того, какъ мы путешествуемъ днемъ и отдыхаемъ ночью, мы обѣ смѣемся. Въ каждыя 10 минутъ выпрягали лошадей изъ нашихъ каретъ, и кучера уходили съ своими скотами отдыхать подъ тѣнь деревъ, какъ скоро она имъ попадалась въ окрестностяхъ. Жаръ былъ такъ чрезъестественъ, что я никогда еще такого не чувствовала.

Ввечеру мы остановились вмѣстѣ съ караванами. Люди мои собирали щепки и сучки, и развели огонь для приготовленія кушанья къ моему ужину. Вышедъ изъ кареты, чтобы не много проходиться, я велѣла ее поставить подалѣе отъ дороги, и ночевала очень покойно. Товарищи мои и люди спали на землѣ подъ самою каретою. Лишь только стало разсвѣтать, мы опять поѣхали въ дорогу. Какъ скоро совсѣмъ

раз-

разсвѣтетъ, такъ что намъ можно было видѣть другъ друга, то не льзя было намъ не хохотать. Роса была такъ велика, что мы всѣ походили на людей, вышедшихъ изъ рѣки. Какъ мы стали ближе подъѣзжать къ сему городу, я приказала моему Чоадарю ѣхать впередъ и приготовить для меня домъ. Тутъ-то я узнала, что естьли бы присутствіе его и было мнѣ нужно, то въ случаѣ крайности мужество его не могло бы меня защитить; потому что вмѣсто того, чтобъ ѣхать верьхомъ на приготовленной ему лошади, онъ пошелъ назадъ очень важно и сѣлъ опять въ свой Арабатъ. Я спросила его, за чѣмъ онъ не ѣдетъ въ городъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что его могутъ убить, или обокрасть, прежде нежели онъ туда доѣдетъ; но мы такъ уже были близко отъ него, что Арабатъ и весь караванъ тутъ остановились ночевать. Наконецъ мы пріѣхали къ

городскимъ воротамъ. Тогда уже скучный мой Турокъ согласился сдѣлать мнѣ снисхожденіе пріуготовленіемъ для меня дому. Тотъ, которой онъ мнѣ нашелъ, довольно былъ хорошъ. Здѣсь у меня происходилъ съ нимъ новый споръ. Онъ хотѣлъ провожать меня до Букореста; а я рѣшилась не ѣхать далѣе съ нимъ, и хотѣла обратно отослать его въ Константинополь, узнавъ, что Агентъ Валожскаго Господаря здѣсь. Я за нимъ послала, и онъ тотчасъ ко мнѣ пришелъ; но увидя, что онъ не хотѣлъ говорить со мною откровенно въ присутствіи моего Чоадаря, я вышла съ нимъ въ другую комнату, гдѣ Агентъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе отъ Господаря изготовить для меня лодки, лошадей или другія какія нибудь вещи, какихъ только я ни потребую. Мерзкой Чоадарь мой твердо опровергалъ эти приказанія, надѣясь меня увѣрить, что

я

я безъ него никакъ не могу продолжать моей дороги.

Я очень была рада, что узнала это обстоятельно; и, возвратясь къ Туркѣ съ моимъ переводчикомъ, дала ему двадцать гиней, которыя ему обѣщала въ знакъ благодарности за пріятную его компанію, и сказала ему, чтобъ онъ подождалъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока я не напишу письма къ Посланникамъ въ Константинополь. Отдавъ ему письма, теперь имѣю удовольствіе писать къ вамъ. Городъ сей лежитъ въ равнинѣ. Съ того холма, по которому мы вчера сюда пріѣхали, Дунай и острова, находящіеся на сей рѣкѣ, представляютъ прелестнѣйшій видъ. Мѣстоположеніе Силистріи прекрасно; она на берегу Дуная. По этой рѣкѣ я поѣду цѣлыя шесть миль внизъ въ лодкѣ до Каралаша, перваго Валокскаго пограничнаго города. Изъ Букореста буду имѣть опять честь

къ вамъ писать и увѣрять васъ, что я вездѣ буду

Усердная сестра и вашъ преданный другъ

Е. К.

П. П. Фирманъ, данный мнѣ Портою, адресованъ на имена всѣхъ Губернаторовъ и Кадiевъ Турецкихъ городовъ; вотъ онъ какого содержанiя: „О вы, слава вамъ подобныхъ, факелъ правосудiя! вы „возжигаете добродѣтель и знанiя. Правовѣрные судьи, правители городовъ и селъ! Сiе объявляется для того, чтобъ вы знали и проч. и проч.„

---

## Письмо LXIV.

*Букорестъ.*

Вышедши въ Валахiи изъ лодки, я нашла готовыхъ лошадей, съѣстные припасы и стражей, опредѣленныхъ къ моимъ услугамъ; я летѣла лучше сказать, нежели путе-

путешествовала. Отъ Каралаша дорога идетъ водою вдоль по берегу Дуная; на лугахъ, покрытыхъ трилиственникомъ и усѣянныхъ разными цвѣтами, пасутся разныя стада. Въ сихъ мѣстахъ нѣтъ битой дороги; я не видала никакихъ каретныхъ слѣдовъ; но по прекрасному грунту, на которомъ нѣтъ ни камней, ни рытвинъ, очень весело ѣхать. Подъѣзжая къ Букоресту, я потеряла изъ виду поле и усмотрѣла прелестнѣйшую страну, гдѣ небольшія рощи строеваго лѣсу и Турецкая пшеница, которая росла выше шести футовъ, представляла богатую и перемѣнную картину. Нѣсколько Боіярдовъ вышло ко мнѣ на встрѣчу, а мои Арнауты, или стражи, очень скоры и проворны, хотя впрочемъ способъ, какимъ они достаютъ мнѣ обыкновенно лошадей, часто меня и огорчаетъ; по тому не рѣдко случалось, что мужикъ, ѣдущій

на хорошей лошади, у котораго назади мѣшокъ съ мукою, тотчасъ принужденъ былъ съ нее слезать. Усталую лошадь изъ моей кареты ему отдавали, а его свѣжую впрягали въ карету. По крайней мѣрѣ я хотѣла дать нѣсколько денегъ сему бѣдному человѣку, и растолковать ему, за чѣмъ съ нимъ такъ поступали; но мнѣ кажется, что Валокскій Господарь приказалъ, чтобъ меня нигдѣ не задерживали, не дѣлали бы мнѣ ни малѣйшаго неудовольствія, и не брали бы съ меня ни за что денегъ. Почему я и награждала ихъ деньгами тайно, и то рѣдко находила способъ или случай это дѣлать. Когда я подъѣхала ближе къ городу Букоресту, то увидѣла отрядъ Янычаръ, которые раскинули за милю отъ города палатку, и вдругъ начали браниться съ людьми, которые со мною были, и принуждали постиліоновъ, какъ мнѣ сказали,

воз-

возвратиться назадъ, и ѣхать другою дорогою; потому что отъ Князя запрещено по этой ѣздить. Я еще болѣе удивилась, увидя, что меня везли въ большие ворота Греческаго монастыря, дворъ котораго былъ очень хорошъ, обширенъ и окруженъ зданіями съ Готическими сводами. Карету мою окружили народы разныхъ націй, которые говорили со мною на разныхъ языкахъ. Я сказала одному, которой былъ въ Нѣмецкомъ платьѣ: Государь мой! скажите, гдѣ я? Лакей мой, Нѣмецъ, сталъ съ нимъ говорить по Нѣмецки. Этотъ человѣкъ отвѣчалъ, что меня для того ввели въ это мѣсто, чтобъ выдержать карантинъ хоть дней на пять. Монастырской надзиратель подошелъ къ каретной дверцѣ, и, примѣтя, какъ догадываюсь, по однимъ глазамъ, что я не заражена чумою, позвалъ меня въ свою комнату и просилъ, чтобъ я пробыла въ ней, пока

ка выберу себѣ комнаты. Этотъ почтенный старикъ за столомъ сѣлъ подлѣ меня и моей дѣвушки. Въ это время я послала сказать Господарю о моемъ состояніи, по томъ спросила моего хозяина, гдѣ я буду жить; не здѣсь ли я останусь? Онъ показалъ мнѣ дурную маленькую комнату на другую сторону двора, гдѣ было только четыре стѣны и окошки, въ которыхъ стекла были всѣ выбиты. Эта самая комната опредѣлена была для меня и для моей свиты; а по этому-то я и узнала, что какъ скоро пріѣдетъ общество, то его отдѣляютъ отъ всѣхъ живущихъ въ этомъ мѣстѣ. У дверей сего нещастнаго и печальнаго убѣжища лежалъ блѣдной человѣкъ, на лицѣ котораго изображена была смерть. Ахъ! скажите пожалуйте, спросила я, что это за бѣдной Лазарь? Это былъ жалкой человѣкъ, котораго подозрѣвали зараженнымъ чумою, и его нароч-

но отнесли, какъ можно далѣе отъ прочихъ, бросивъ подъ него вмѣсто постели нѣсколько свѣжей соломы. Признаюсь, что я очень обрадовалась пріѣзду Императорскаго Агента изъ городу, которой сказалъ мнѣ, что Господарь весьма огорчился этою ошибкою, и что никогда не было у него намѣренія продержать меня въ этомъ монастырѣ. Поблагодаря стараго отца, начальника сего мѣста за его учтивость, я поспѣшила ѣхать въ городъ, гдѣ пробыла не болѣе четверти часа, какъ увидѣла передъ воротами того дому, въ которомъ я остановилась позолоченную карету, запреженную темногнѣдыми весьма горячими лошадьми. Турецкой конюхъ держалъ каждую подъ узду. Родъ Каммергера, въ золотомъ парчевомъ плащѣ, съ долгою бѣлою палкою, и Тайный Секретарь Господаря, ѣхалъ за мною. Весь, думаю, городъ собрался около кареты. Мы очень тихо подъѣхали

къ первому двору дворца, гдѣ я прошла сквозь два ряда караульныхъ, изъ коихъ нѣсколько было Янычаръ, Арнаутовъ и Албинъ. На большомъ каменномъ крыльцѣ другаго двора часовые стояли въ два ряда подлѣ перилъ. Мы вошли въ большую ауедіенцъ залу, въ одномъ углу накладены были подушки. Тамъ сидѣлъ Господарь; онъ былъ одѣтъ по Турецки и окруженъ всѣми своими чиновниками. Надъ его головою были лошадиные хвосты (Бунчуги), большой шлемъ съ перьями, пребогатая сабля и другія оружія, которыя я видѣла, какъ несли съ церемоніею передъ нимъ по улицамъ въ Константинополѣ. Онъ спросилъ у меня чрезъ Толмача, вселивъ добромъ здоровьѣ я, Г. Шуазель, и не намѣрена ли я прожить нѣсколько въ Валахіи. Подали кофе и конфекты. Послѣ сего, какъ я встала, чтобъ ѣхать: то одинъ изъ Господаревыхъ Каммергеровъ сказалъ мнѣ на

ухо,

ухо, чтобъ я опять сѣла, и вдругъ оглушилъ меня самой діявольской стукъ и щумъ, какого я никогда еще не слыхала. На что Секретарь сказалъ мнѣ громкимъ и важнымъ голосомъ: это для васъ, сударыня, это Князева музыка! По томъ Князь просилъ меня посмотрѣть въ окно. Я встала и увидѣла разнаго рода трубы, мѣдные тазы и разной величины барабаны. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, которые были не болѣе кофейной чашки, поставлены были на землѣ. Люди, наклонившіеся къ нимъ почти самымъ лбомъ, въ нихъ стучали, и каждый изъ этихъ музыкантовъ старался заглушить стукъ, производимый своимъ товарищемъ, стуча самъ изо всей своей силы. Нервы мои, думаю, никогда такъ сильно не бились отъ сильнаго волненія крови. Подруга моя тому свидѣтель, сколь много стоило мнѣ труда удержаться отъ смѣха, и она помину-

нутно шептала на ухо: „Ахъ, „Милади, ради Бога, не смѣйтесь!„ –

Тутъ я вспомнила прекрасныхъ Нѣмецкихъ музыкантовъ Г. Шуазеля, и сравнивала различіе ихъ концертовъ съ смѣшнымъ и ужаснымъ крикомъ, которой я слышала. Однакожъ, къ счастію, это мученіе не долго продолжалось; меня позвали на ауедіенцію, которую Княгиня хотѣла мнѣ дать.

Хотя теперь и оставляю перо; но опять за него примусь, прежде нежели отсюда выѣду, дабы окончить повѣствованіе о томъ, какъ меня примутъ и угостятъ. Прощайте, любезнѣйшій Князь; я есмь съ сердечною къ вамъ привязанностію

Е. К.

---

Пись-

## Письмо LXV.

Жена здѣшняго Господаря сидѣла по Турецки съ тремя дочерьми, изъ которыхъ одной девять, другой десять, а третьей одиннадцать лѣтъ. Что касается до нее, она женщина прекрасная, которой около 30 лѣтъ. Она многимъ очень похожа на Герцогиню Гардонъ, выключая, что черты ея лица пріятнѣе, кожа бѣлѣе и волосы бѣлокурѣе. Я должна еще присовокупить къ сему и то, что она женщина взрослая и беременная болѣе уже шести мѣсяцовъ. Она, взявъ меня за руку, посадила подлѣ себя. Господарь, изъ уваженія ко мнѣ, позволилъ М. В*** войти въ Гаремъ, и посадилъ его съ собою. Въ этой комнатѣ было болѣе двадцати женщинъ, изъ которыхъ на одной вмѣсто чалмы была превысокая соболья шапка, приколотая къ волосамъ,

ко-

которые были вчесаны прямо сверхъ перевязки. Этотъ головной уборъ не дуренъ, и можно сказать, что не безъ вкуса. Господарша сказала мнѣ, что это была Валохская госпожа, и что сей уборъ въ этой странѣ почитается самымъ лучшимъ. Послѣ того, Принцесса сдѣлавъ мнѣ обыкновенные восточныхъ женщинъ вопросы, спросила меня: по Французски ли я одѣта, и сказала мнѣ, что она почла бы себя очень счастливою, естьлибъ могла, какъ бы то ни было, удержать меня въ Валахіи цѣлой годъ. Кажется, что Господарь не менѣе своей жены этого желалъ; но я увѣряла ихъ, что намѣрена не болѣе пробыть въ Букорестѣ, какъ одни только сутки. Они пригласили меня къ себѣ ужинать, и я не могла отказаться отъ этой чести, съ тѣмъ только уговоромъ, что бы они позволили мнѣ возвратиться на нѣсколько минутъ домой, чтобъ

на

написать письмо и послать его въ Константинополь. Что я обѣщала сдѣлать, какъ только сюда пріѣду. И такъ меня проводили до моей кареты. Я проходила сквозь всѣ дворы Господарскіе съ тою же помпою и церемоніею, съ какою меня по пріѣздѣ встрѣчали. Секретарь Господаревъ, сидѣвшій со мною въ каретѣ, сказалъ мнѣ, что ему дано приказаніе показать мнѣ Агалинскій садъ, принадлежащій старому Боярду. Мы тотчасъ туда поѣхали. Садъ этотъ во всемъ похожъ на деревенскій огородъ, принадлежащій Викарію. Хозяинъ дому былъ почтенный старикъ, борода у него такъ бѣла, какъ снѣгъ: онъ былъ въ долгомъ кисейномъ платьѣ; люди поддерживали его подъ руки; потому что онъ едва могъ ходить. Онъ велѣлъ подать мнѣ всѣхъ фруктовъ изъ своего саду. Какъ я изъ него выходила, то мнѣ попалась на встрѣчу та особа въ собольей шапкѣ, которую я видѣла

во дворцѣ. Она такъ обрадовалась, увидя меня въ домѣ своего отца, что я едва могла вырваться изъ ея объятій; она такъ крѣпко меня прижимала къ своей груди, что едва почти не задушила своими поцѣлуями.

Имя почтеннаго ея отца Бано Дедесколо; онъ изъ первыхъ Валохскихъ дворянъ. Отъ него я пріѣхала домой, и только что окончила письмо къ Г. Шуазелю, какъ Секретарь и два Господарскіе слуги вошли ко мнѣ въ комнату; съ ними было еще много чиновниковъ его двора. Секретарь сказалъ мнѣ учтиво, чтобъ я посмотрѣла въ окно изъ той длинной галлереи, которая находится на задней сторонѣ дома; она построена довольно хорошо. Я взглянула, и увидѣла прекрасную Арабскую лошадь, которую два Турка держали за узду, и которую окружала толпа народу. Секретарь сказалъ мнѣ, что Господарь

дарь узнавъ страстную мою охоту до лошадей, проситъ меня отъ него принять ту самую, которую ему недавно трехъ-бунчужный Паша подарилъ, и которую онъ надѣется, что я приму съ такимъ же удовольствіемъ, какое онъ имѣетъ мнѣ ее подарить. Я благодарила за сіе наиучтивѣйшимъ образомъ, и дарила тѣхъ, которые привели ко мнѣ лошадь, и всѣхъ находящихся при Господаревой конюшнѣ серебряными вещами. Ужинъ у Господаря приготовленъ былъ совершенно на Европейской вкусъ, чего я никакъ не ожидала. Мнѣ и въ мысль не приходило, чтобъ у нихъ были такіе столы, стулья, какіе у насъ; Господарь сидѣлъ въ срединѣ стола; жена его съ одной стороны, а я съ другой М... В..., которой также былъ званъ, сидѣлъ подлѣ меня съ лѣвой стороны. Нѣсколько дамъ также были за столомъ съ нами; за Принцессою для услугъ стояло девять

 жен-

женщинъ. Между прочими столовыми приборами поставили на столъ нѣсколько серебряныхъ вещей, которыя, казалось мнѣ, привезены изъ Англіи, какъ то: солонки, сосуды на масло и на уксусъ и проч. На столѣ стояли также самые прекраснѣйшіе шандалы, которые по моему примѣчанію кажется, что алебастровые, украшенные маленькими цвѣточками, прекрасно сдѣланными изъ рубиновъ и изумрудовъ. Отвратительная музыка играла во весь ужинъ; но, къ счастію моихъ ушей, она смѣшена была иногда съ пѣніемъ Богемцовъ, которые пѣли такія прелестныя аріи, что могли бы и въ пнѣ возбудить охоту танцовать. Господарь примѣтилъ, что пѣніе ихъ мнѣ понравилось; онъ велѣлъ больше пѣть и играть однимъ Богемцамъ, а Туркамъ изрѣдка. Кажется, что эти Богемцы родились ихъ невольниками; они принадлежатъ Волокскому Госпо-

сподарю до тѣхъ поръ, пока онъ царствуетъ. Сказываютъ, будто этѣхъ Богемцовъ прежде сего было въ Валохіи 25000, а нынѣ ихъ только осталось 5000. Какъ скоро мы отужинали, то пошли въ ту большую залу, въ которой Принцесса приняла меня по моемъ пріѣздѣ. Господарь и М. В. . . . сѣли въ одномъ мѣстѣ, а жена его, я и другія дамы въ другомъ. Принцесса конечно подумала, что я также пользуюсь случаемъ лгать, когда я сказала ей, что у насъ въ Англіи дамы учатся писать и танцовать. Я сказала ей еще много другихъ для нее странностей, которыя навѣрно она почла за выдумку, какъ то напримѣръ. . . .

Мужъ ея курилъ табакъ, и мнѣ очень было жаль, что и она того же не дѣлала; потому я примѣтила, что это было изъ учтивости къ чужестранкѣ. Господарь спросилъ меня: знаю ли я Императора и Принца Кауница. Когда я

ему отвѣчала, что имѣю честь ихъ знать: то онъ спросилъ меня, увижусь ли я съ ними? Надѣюсь, сказала я ему, имѣть это удовольствіе. — Такъ, пожалуйте, скажите Князю, что я всегда ему преданъ; а Императору, что какъ мы съ нимъ такіе ближніе сосѣди: то надѣюсь, что будемъ жить, какъ добрые друзья. Чуть чуть я не захохотала отъ странной этой коммисіи; но я увѣряла его хладнокровно, что непремѣнно это исполню, какъ скоро буду имѣть случай. Около половины двѣнадцатаго часа я встала и хотѣла ѣхать. Принцесса подарила мнѣ нѣсколько прекрасныхъ шитыхъ платковъ. Принимая ихъ, я опять принуждена была извиниться передъ нею въ невозможности остаться съ нею на цѣлой годъ. Она увѣряла меня, что ей весьма было бы пріятно жить со мною, потому что мое лице и мое обхожденіе ей очень полюбилисı.

Я

Я поѣхала со всею тою же свитою, съ которою пріѣхала, кромѣ только того, что сто факеловъ насъ освѣщали, и что Турецкая и Богемская музыка играла и шла подлѣ большой раззолоченной кареты. Смѣшное это шествіе и ужасное разногласіе превратили повелительной и важный мой видъ въ смѣшной, и не смотря на присутствіе Господарева Секретаря, я громко хохотала во всю дорогу отъ самаго дворца до самаго дому Французскаго Консула, изъ котораго къ вамъ это и пишу. Этотъ честной человѣкъ и жена его непремѣнно хотѣли, чтобъ я у нихъ жила. М. В. . . ., зная мою учтивость, весьма удивлялся моему нескромному смѣху. Онъ увѣрительнымъ тономъ и видомъ сказалъ Секретарю, что я имѣю столь чувствительное сердце и столь нѣжной вкусъ въ музыкѣ, что малѣйшее разногласіе побуждаетъ меня всегда смѣяться. Онъ такъ

это утверждалъ, какъ только ему было возможно. Я также сказала: да, такъ, это правда. Иногда я говорила по Аглински; *но что же* мнѣ съ этѣмъ сдѣлать? Я похожа на Полишинеля, разъѣзжающаго по улицамъ съ такими трубами и съ такимъ множествомъ народа, которой за ними бѣжитъ. Наконецъ Секретарь и М. В. . . . также стали хохотать, и мы всѣ трое нахохотавшись, пріѣхали въ Консуловъ домъ. Жена его приготовила мнѣ прекрасную постелю. Я ушла отъ моихъ музыкантовъ, давъ имъ цѣлыя пригоршни денегъ.

Здѣсь такъ жарко, что нѣтъ способу спать: и потому, вмѣсто того, я принялась къ вамъ писать. Городъ этотъ довольно великъ, мѣсто его прелестно, и поистиннѣ въ этой странѣ весьма трудно найти дурное мѣсто-положеніе. Валохія платитъ Портѣ годовую дань, состоящую изъ 400 ко-

кошельковъ, или 40000 секиновъ; не щитая хлѣба, шерсти и нѣсколько тысячь овецъ. Люди, упражняющiеся въ скотоводствѣ, платятъ не въ щетъ этой подати ежегодно 80000 кожъ, также масло, сыръ и сало.

Когда хлѣбный урожай въ Египтѣ бываетъ дуренъ: то Валохiя должна снабжать имъ Константинополь въ случаѣ его недостатка. Я всегда держусь этаго мнѣнiя, что всѣ одушевленные и неодушевленные на землѣ предметы, сотворенные природою въ превосходномъ степени, обыкновенно обременяются ужасными податями. Жестокая судьба покорила богатую эту страну, производящую все въ изобилiи по добротѣ своей земли и по благоразтворенности воздуха, такой державѣ, которая приводитъ жителей въ бѣдность подъ видомъ недостатка Порты; когда это ничто иное, какъ способъ удовлетворить алч-

ность Правителя, и которая истощаетъ ея дары, поглощаетъ все изобиліе, и часто принуждаетъ несчастнаго Валоха убѣгать въ нѣдра горъ, гдѣ онъ избавляется, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, отъ свирѣпости жестокаго правленія, которое наказало бы его за невозможность платить, которой причина безчеловѣчныя ея подати.

Какъ только солнце взойдетъ, котораго уже не долго дожидаться, я поѣду въ дорогу и буду писать къ вамъ изъ Германштада. Онъ первой городъ Нѣмецкой Имперіи на моей дорогѣ. Кромѣ прочихъ моихъ сопутниковъ ѣдетъ со мною очень нужной мнѣ человѣкъ. Онъ купецъ Германштадской и переводчикъ; потому что онъ очень хорошо говоритъ по Валохски.

Прощайте, любезный Князь, я есмь ваша искренная

Е. К.

---

## Письмо LXVI.

*Германштадъ, 18 Іюля, 1786 года.*

Первая почта, по выѣздѣ изъ Букореста, находится въ мѣстечкѣ, называемомъ Флорешти, лежащемъ къ западу за 8 миль. Я переѣхала двѣ маленькія рѣчки, которыя впадаютъ обѣ, и умножаютъ быстрое стремленіе рѣки Аргиса, которая течетъ на нѣсколько миль подъ гору между Валохскихъ и Трансильванскихъ горъ. На дорогѣ застигла меня самая ужасная буря, какую только я помню, съ громомъ и молніею, и вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ дому того Боярина, гдѣ меня ожидали къ вечеру, я принуждена была остановиться и дожидаться, пока разъяренныя стихіи совершенно не утихнутъ. Я не такъ была обезпокоена, какъ мои товарищи, которые сидѣли въ откры-

тыхъ колясках; потому что вѣтеръ, дождь, громъ и молнія во всю ночь не переставали; но какъ скоро стало нѣсколько тише, то мы продолжали нашъ путь, и отдохнули въ домѣ одного Боярина. Домъ его построенъ на самомъ прелестнѣйшемъ мѣстѣ при подошвѣ горы на берегу рѣки Аргиса. Здѣсь кончится нижняя часть этой земли, и постепенно начинаетъ возвышаться. Я остановилась въ домѣ другаго Боярина. Ѣдучи дорогою, я увидѣла въ правой сторонѣ на косогорѣ большой Греческой монастырь, окруженный хорошо обработанною землею. Много надобно времени описывать вамъ поразительную красоту этой горы, въ которой разныя дерева и кустарники придавали прелестные оттѣнки, — когда мы пріѣхали въ лощину, то и поѣхали подлѣ берегу быстротекущей рѣки, которой разные повороты также были прелестны и превосходны, какъ

и

и горы, изъ которыхъ они текли. Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ косогоры были перпендикулярнѣе; и по случаю ли какому, или бурею большія дерева, находящіяся на одной сторонѣ рѣки, упали на другую, и они удерживаютъ стремленіе воды, которая падаетъ съ нихъ каскадами. Не льзя ничего представить себѣ прелестнѣе и вмѣстѣ страннѣе многихъ мѣстоположеній, которыя я видѣла въ этотъ проѣздъ; но красота Пеизажей есть весьма слабая замѣна непріятныхъ дорогъ. Вы легко можете себѣ представить, любезный Князь, какъ я тихо ѣхала по горамъ, гдѣ двадцать мужиковъ безпрестанно должны были подымать колеса у моей кареты, чтобъ переѣхать камни, изъ которыхъ иные были величиною съ мою карету. Третьяго дня кучера мои, думая, что лошади могли итти по маленькому полю, оставили вожжи, вдругъ

меня

меня опрокинули; а какЪ это было вЪ первой еще разЪ вЪ моей жизни, то я такЪ испугалась упаду, хотя впрочемЪ и не ушиблась, что не могла встать; но благодаря Гж. Д. . она скоро вывела меня изЪ глупаго моего удивленія безпрестаннымЪ своимЪ крикомЪ: *АхЪ! я умерла*; вЪ самомЪ дѣлѣ, она получила ударЪ вЪ животЪ; но знакЪ былЪ только снаружи, и притомЪ несильной, отЪ котораго чрезЪ два часа она не чувствовала уже боли. Дорога эта между Трансильваніи и Валохіи вся испорчена и выбита. МожетЪ быть это сдѣлано нарочно по одному пункту того трактата, которымЪ заключенЪ послѣдній мирЪ между Портою и ИмператоромЪ, чтобы изЪ провинціи вЪ другую не льзя было вскорости перевесть артиллерію. КакЪ бы не выгоденЪ былЪ сей пунктЪ для обѣихЪ державЪ; но отЪ онаго для путешествующихЪ происхо-

исходитъ ужасное препятствіе. На этой дорогѣ одна изъ каретъ, ѣдущая за моею, вся изломалась въ тысячу кусковъ, и новой мой переводчикъ, ѣхавшій въ ней, сѣлъ верьхомъ, навьючивъ свои пожитки на другихъ лошадей, и они всѣ пріѣхали въ то самое время, какъ мою карету становили на колеса; а изломанную оставили на томъ мѣстѣ, гдѣ она разбилась. Естьли какой Нѣмецкой дворянинъ изъ вашихъ знакомыхъ захочетъ по своимъ дѣламъ, или для удовольствія путешествовать по симъ мѣстамъ, предупредите его, чтобъ онъ лучше ѣхалъ верхомъ, а не въ каретѣ. Увѣряю васъ, Князь, что сіи горы очень заслуживаютъ внимательное путешествующихъ любопытство. Отъ самой подошвы до вершины онѣ покрыты самою блистающею зеленью, а грунтъ въ Валохіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ обработанъ, устланъ самымъ пре-

прелестнѣйшимъ дерномъ и обильнѣйшими жатвами; и естьли вскроешь свѣжую землю, то увидишь самый лучшій черноземъ. Можно справедливо сказать о сей странѣ, что это дурно вставленной бриліянтъ: чтобы изъ него было, когда бы онъ попался въ трудолюбивыя руки?

Нынѣ весьма мало употребляютъ строеваго лѣсу, находящагося въ сей провинціи; потому что весьма трудно привозить его съ горъ, на которыхъ онъ растетъ, а рѣка очень мала, да и та вся покрыта иностранными судами; почему и не льзя его по ней пригонять. Третьяго дня ввечеру, послѣ несчастнаго случая, что опрокинулась моя карета, я поѣхала ночевать въ село; оно все состоитъ изъ двухъ очень худыхъ хижинъ: едва въ одной, которая была довольно велика, можно было по-

послать мой матрацъ, на которомъ я легла спать съ Гж. Д... Я встала на зарѣ и увидѣла, что Арабская моя лошадь паслась на маленькой долинѣ не подалеку отъ моихъ окошекъ. Два Арнаута, которые ее стерегли, стояли подлѣ нее. Она была привязана на веревкѣ; и казалось, будто она привыкла, чтобъ ее кто нибудь стерегъ. Чрезъ нѣсколько часовъ я пріѣхала въ Таможню, находящуюся на границахъ Императорскихъ владѣній. Ѣдучи подлѣ берегу этой рѣки и мимо тѣхъ плѣнительныхъ горъ, которыя природа конечно опредѣлила не на то, чтобъ изгнанные изъ своего отечества подданные, или бѣглые убійцы искали въ оныхъ своего убѣжища, не могу изъявить вамъ, Князь, той радости, какую сердце мое почувствовало, когда я увидѣла на столбѣ Императорской Орелъ, и почувствовала уже себя подъ покровитель-

тельствомъ Императора и Короля, хотя впрочемъ я никогда и нигдѣ такъ благополучно и почтительно не путешествовала, какъ въ Валохіи, и хотя со мною тамъ поступали со всевозможнымъ уваженіемъ и учтивостію; однако дурное правленіе Порты весьма слабо избавляетъ отъ обидъ путешественниковъ, проѣзжающихъ по возмущеннымъ провинціямъ.

Изъ Таможни я поѣхала въ одну крѣпость, гдѣ старой сѣдой Маіоръ принялъ меня очень учтиво и провелъ меня къ себѣ въ домъ по лѣстницѣ, которая имѣетъ болѣе, нежели 80 каменныхъ весьма крутыхъ ступеней. Я у него ужинала; онъ приготовилъ мнѣ и всѣмъ находящимся со мною весьма чистыя и хорошія постели. Старой сей Офицеръ сказывалъ мнѣ, что отправляетъ свою должность болѣе 23 лѣтъ; но будто

то видитъ меня первую женщину, которая проѣхала по этой границѣ, и что онъ даже никогда и не слыхалъ: проѣзжала ли какая нибудь прежде меня. Естьли бы друзья мои, живущіе въ Англіи, могли видѣть наружность сей крѣпости, и знать, что я въ ней нахожусь, не зная тому причины, то подумали бы, будто я заперта по самую смерть. . . . .

Отъѣхавъ за 5 миль отъ крѣпости, я пріѣхала сюда благополучно, гдѣ и живу у Барона Бюкова, сына покойнаго Губернатора, которой живетъ съ Швейцарскою семьею, состоящею изъ очень хорошихъ людей, которые, кажется, также были очень ради, что я прожила съ ними три дни. Какъ велико было мое восхищеніе, когда я увидѣла себя въ собраніи Христіанъ!

Я Здѣсь

Здѣсь есть поле, на которомъ учатся Кавалерискіе полки, и Его Императорское Величество за день передо мною пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть, какъ экзерцируютъ его войска. Какъ скоро Монархъ узналъ, что я здѣсь, тотчасъ прислалъ ко мнѣ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ, и въ хорошемъ ли я стою домѣ; потому что, естьли я не довольна, то онъ тотчасъ прикажетъ приготовить для меня самые лучшіе покои. Я велѣла на сіи вопросы донесть въ отвѣтъ Его Величеству, что очень довольна своимъ домомъ, и сей Великій Государь обѣщалъ пріѣхать завтра ко мнѣ. Съ нимъ одинъ только Генералъ Броунъ; онъ живетъ въ семъ городѣ не такъ какъ Императоръ; но какъ обыкновенный дворянинъ въ трактирѣ. Одно колесо у моей кареты изломалось, а другія такъ худы, что мнѣ надобно пробыть здѣсь нѣсколько дней, пока

сдѣ-

сдѣлаютъ новыя. Послѣ завтра, прежде нежели распрощаюсь съ этими пречестнѣйшими людьми, гостепріимство которыхъ меня совершенно возхищаетъ, буду имѣть удовольствіе къ вамъ писать. Теперь же и всегда есмь всѣмъ сердцемъ вамъ преданная, любезный Князь,

Е. К.

---

## Письмо LXVII.

*Германштадъ, 18 Іюля, 1786 года.*

Любезный Князь!

Здѣшній Губернаторъ принялъ меня совершенно хорошо. Онъ человѣкъ пожилой и весьма умной. Изъ опредѣленныхъ покойною Императрицею Губернаторовъ онъ остался только одинъ въ Императорской службѣ. Онъ Протестантскаго за-

кону: у него есть весьма хорошо разположенной кабинетъ, въ которомъ находятся штуфы всѣхъ родовъ Трансильванскихъ рудъ. Золото очень чисто, а рудники самые богатые и обильные. Мнѣ сказывали, что Императоръ изъ нихъ получаетъ ежегодно 250000 червонныхъ, щитая и таксу, которую помѣщики должны платить. Она составляетъ около трети тяжести необработаннаго металла, которой остается отъ рудъ; т. е. около трехъ флориновъ съ девяти. Установленіе гораздо умнѣе того, чтобъ брать на Государя всѣ золотыя и серебряныя руды, какія находятся въ его владѣніяхъ; потому что тогда по естественному слѣдствію помѣщики земель, содержащихъ въ себѣ драгоцѣнные сіи металлы, тщательно стараются таить, чтобъ найденныя у нихъ такія сокровища во всѣ были неизвѣстны. . . .

Сей ГубернаторЪ также весьма великой охотникЪ до картинЪ, которыхЪ у него преизрядное собраніе; между ими находятся портреты Карла I, Аглинскаго Короля, и жены его, которая очень прекрасна. Есть еще картина Гвида, представляющая Св. Іеремію, и подлѢ него лежащаго льва; она безцѢнна: за нее, какЪ онЪ самЪ мнѢ сказывалЪ, не взялЪ 4000 фунтовЪ стерлинговЪ. ОдинЪ Венгерской дворянинЪ, называемый ГрафЪ Витце, и жена его, урожденная Естергази, и другіе благородные Господа обѢдали со мною у Губернатора. ГрафЪ Витце взялся отвести мою Арабскую лошадь вЪ ВѢну. Помнится мнѢ, что я уже кЪ вамЪ писала вЪ послѢднемЪ моемЪ письмѢ, что ИмператорЪ велѢлЪ мнѢ сказать, что онЪ сдѢлаетЪ мнѢ честь, будетЪ ко мнѢ. ОнЪ у меня былЪ. ПриходилЪ пѢшкомЪ сЪ однимЪ только ГенераломЪ

Броуномъ, цѣлые два часа съ половиною онъ разсматривалъ планы и другіе подарки, которые я получила въ моемъ путешествіи. Его Величество сказалъ, что карты ему очень полюбились, и когда я стала исполнять порученную мнѣ коммиссію отъ Валахскаго Господаря, пересказывая сему Монарху, какъ вѣрный посланникъ, весь мой разговоръ: то онъ этому весьма смѣялся. Вчера по утру я ѣздила смотрѣть полковое ученіе; но дожжикъ шелъ, и время было вѣтрено и непріятно. Какъ только смотръ кончился, Императоръ поѣхалъ изъ Германштада. Онъ прислалъ ко мнѣ Генерала Броуна, которой сказалъ мнѣ, что Его Императорское Величество приказалъ ему написать къ Графу Соро, которой тогда командовалъ въ Темесварѣ, и Графу Колоредо, Петервaрадинскому Губернатору, что бы заранѣе приготовили для

меня

меня почтовыхъ лошадей; а особливо когда мнѣ вздумается ѣхать чрезъ послѣдней сей городъ, чтобъ видѣть Кроатскія войска. Они, какъ вы безъ сомнѣнія сами знаете, есть такой родъ войска или Милиціи, которой солдаты въ мирное время пашутъ землю, и также между прочимъ обороняютъ границы; а во время войны они самые храбрѣйшіе и привыкшіе къ войнѣ салдаты. Императоръ такъ мнѣ объ нихъ говорилъ. Изъ словъ его я скоро поняла, что ему хочется, чтобы я ѣхала по той дорогѣ, которая доставитъ мнѣ случай ихъ видѣть. Но признаюсь, что я нетерпѣливо желаю быть въ Вѣнѣ, гдѣ конечно найду письма, которыя должны быть для меня весьма любопытны. . . .

Какъ только я туда пріѣду, то и буду къ вамъ писать. — Имѣю честь быть съ величайшимъ

моимъ почтеніемъ, сердечною искренностію и привязанностію

Ваша преданная сестра

Е. К.

---

## Письмо LXVIII.

*Вѣна, 30 Августа 1786 года.*

Изъ Германштада я пріѣхала сюда очень весело и благополучно. Нигдѣ на дорогѣ я не останавливалась, какъ только что отобѣдала у Графа Соро. Венгрія показалась мнѣ прелестнѣйшею страною: въ ней недостаетъ только судоходныхъ каналовъ, соединяющихъ Адріатическое море съ Дунаемъ; а когда бы ихъ провели: тобъ она была самая богатѣйшая и многолюднѣйшая страна въ свѣтѣ. Лѣность Турковъ, которая вѣрно навсегда останется, подаетъ Венгер-

герцамъ весьма прекрасный случай и способъ обогащаться, и сдѣлаться самымъ счастливѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ. Естьли бы я была владѣтелемъ сего угла земли, то непремѣнно бы утвердила тѣснѣйшій союзъ съ Портою. Первый пунктъ моего трактата состоялъ бы въ позволеніи имѣть свободное мореплаваніе по Черному морю. Можетъ ли быть сильнѣйшая и вѣрнѣйшая другая граница, какъ постыдная недѣятельность Турковъ, которая бы защищала мое государство отъ предпріятій смѣжныхъ владѣльцовъ? Ахъ, какъ бы я поощряла Азійскую пышность, лѣность, суевѣріе и безпечность сихъ челмами украшенныхъ головъ, и какъ бы я старалась сохранять столь драгоцѣнную границу! Самолюбіе, которое очень часто вводитъ въ неосновательныя политическія мнѣнія, могло бы удостовѣрить Импе-

ператорскіе Римскій и Россійскій дворы, что они-то должны отдалить Турокъ въ Азіятскія страны, потому что Европейскія сотворены для однихъ только Христіанъ. Напротивъ того я не сего мнѣнія; естьли бы море не дѣлало естественной границы между моимъ отечествомъ и сосѣдственными государствами, я не пожелала бы ему лучшей защиты, какова Магометанская безпечность. Турки сохраняютъ весьма вѣрно свои договоры и никогда не употребляютъ никакой ложной причины, для которой могли бы объявить войну, или начать непріятельскія нашествія. Частыя возмущенія ихъ Пашей, которые дѣлаютъ бунты въ провинціяхъ, которыми они правятъ, довольно доставляютъ Оттоманскому кабинету затрудненія и работы, такъ что они и не помышляютъ нарушить спокойствіе иностранныхъ своихъ сосѣ-

сѣдей; но болѣе стараются быть съ ними въ вѣчномъ мирѣ. Человѣкъ, обезпокоенный мухами, конечно не намажетъ себя медомъ. Таково-то состояніе Порты! Безпрестанное возмущеніе въ Имперіи склоняетъ задумчивыхъ Турковъ къ облегченію, или изтребленію своихъ безпокойствъ безпечнымъ покоемъ, который они вкушаютъ на коврѣ подъ тѣнію густаго Явора, подъ которымъ они любятъ лежать. — Вотъ поистиннѣ настоящая причина страннаго сего нерадѣнія, котораго безумную безпечность мы почитаемъ образцемъ смерти; но какъ я нигдѣ не владѣю, то и не хочу болѣе занимать ваше время, описывая вамъ мои разсужденія. И такъ скажу вамъ, мнѣ показалось, что Принцъ Кауницъ, очень мнѣ обрадовался. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ сіи слова: Ахъ! вы уже здѣсь, милостивая моя Государыня! — Я имѣла пріят-

пріятнѣйшее удовольствіе увидѣть здѣсь молодую Графиню Г*** и ея сестру. Сію послѣднюю давно уже знаю; но никогда еще не была прежде сего времени знакома съ Лади Г. . ., съ которою имѣла честь нынѣ познакомиться. Она пріятна, скромна и любезна: ее и сестру ея, какъ я слышала, здѣсь очень любятъ. Въ Вѣнѣ пробуду только до тѣхъ поръ, пока получу письма отъ*** и отъ***, а тогда поѣду въ Аншпахъ, гдѣ буду имѣть и честь и удовольствіе лично васъ увѣрить, что я съ искренностію есмь,

Любезный братецъ,

Ваша усердная сестра и преданный другъ

*Елиза Кравенъ.*

*Конецъ.*

# ПОГРѢШНОСТИ.

| Стран. | Напечатано | Строк. | Читай: |
|---|---|---|---|
| 7 | пошедъ | 6 | подошедъ |
| 23 | воспрепятсвовав-шая | 23 | воспрепятствовав-шая |
| 30 | укращающія | 20 | украшающія |
| 37 | оданко | 19 | однако |
| 43 | семъ | 14 | семь |
| — | воликолѣпенъ | 19 | великолѣпенъ |
| 45 | честыхъ | 20 | чистыхъ |
| 89 | произвовенію | 13 | произволенію |
| 95 | брагородный | 1 | благородный |
| — | прощате, | 19 | прощайте, |
| 101 | сестрое | 7 | сестрою |
| 130 | Іозва | 12 | Іозуа |
| 134 | безцѣненны; | 10 | безцѣнныя; |
| 164 | вотъ | 2 | отъ |
| 199 | или | 5 | и |
| 291 | Шликтъ | 10 | Шицъ. |
| 299 | ласкъ | 4 | ласки |
| 305 | почиатющей | 2 | почитающей |
| 347 | воландскаго | 11 | Голландскаго |
| 407 | Музеумъ | 17 | Музеумѣ |
| 445 | увидятъ | 6 | увидитъ |
| 448 | наблюдаютъ | 23 | наблюдаетъ |
| 469 | матрицами | 3 | матрацами |
| 485 | боіярдовъ | 19 | бояръ |
| 495 | боярду | 12 | боярину |